

Юрий ПОЛТАВЦЕВ

БЕЛЫЙ ПРОСВЕТ НА ОФИЦЕРСКИХ ПОГОНАХ

ХАРЬКОВСКАЯ ПРАВОЗАЩИТНАЯ ГРУППА

ХАРЬКОВ

1999

Ю.П.Полтавцев (1908-1998) - харьковский адвокат, многолетний узник сталинских лагерей. В страшные тридцатые годы он, выступая защитником в политических процессах, спас от смерти немало людей. Его записки повествуют о нескольких таких историях. Книга, несомненно, будет интересна любителям новейшей истории и полезна молодым людям, изучающим право.

СОДЕРЖАНИЕ

[БЕЛЫЙ ПРОСВЕТ НА ОФИЦЕРСКИХ ПОГОНАХ](#)

[ФОТОТЕЛЕГРАММА](#)

[БРАТ ОГОВОРИЛ БРАТА](#)

[РЫБЫ ПОБЕЖДЕНЫ КОМАРАМИ](#)

[ДВА ПОБЕГА](#)

[БАБКА ПРЯДЧИХА](#)

["ТОВАРИЩИ СУДЬИ"](#)

[КТО УБИЛ?](#)

[ВЫСТРЕЛ НА БАШТАНЕ](#)

[ЧУЖОЙ ДНЕВНИК](#)

[ДЕЛО О СТОЛКНОВЕНИИ САМОЛЕТОВ](#)

[КРУШЕНИЕ НА СТАНЦИИ ЗАЛЮТИНО](#)

[ОТВОД ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА](#)

[КРУШЕНИЕ НА СТАНЦИИ ЯМА](#)

[МЯСОРУБКА НА 303-М КИЛОМЕТРЕ](#)

[ЛИСТЫ ИЗ ТЕТРАДИ В СТАРОЙ КЛЕЕНЧАТОЙ ОБЛОЖКЕ](#)

[ВЫСШАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ](#)

[ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ](#)

[ДЕЛО НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПЕТЛЮРЫ](#)

[ОТКАЗ ОТ ЗАЩИТЫ](#)

[СУРОВАЯ НИТКА СО МНОГИМИ УЗЕЛКАМИ](#)

["ПОНЮШКИ"](#)

[ОГОВОР](#)

[УБИЙСТВО ЖЕНЫ](#)

БЕЛЫЙ ПРОСВЕТ НА ОФИЦЕРСКИХ ПОГОНАХ

В 1933 году ко мне на прием в юридическую консультацию пришла приехавшая из Москвы женщина. Она просила помочь в защите ее отца - врача, который обвинялся по ст. 54-10 УК УССР.

С 1934 года в областных и транспортных судах железных дорог Союза были созданы спецколлегии по ряду статей уголовных дел и ряду пунктов 54 ст. УК Украины (контрреволюционные преступления), совершенных работниками железнодорожного транспорта. Дела эти слушали в закрытых судебных заседаниях с участием прокурора и адвоката.

Некоторые дела по обвинению в контрреволюционной деятельности слушались в военных трибуналах (в Харькове их было три). Наиболее сложные и ответственные - в военной коллегии Верховного Суда Союза ССР, куда адвокаты допускались очень редко, и только в открытых показательных процессах.

Большинство контрреволюционных дел проходило по спискам особого совещания при МВД СССР в "несудебном порядке", где решались без участия адвокатов и, кстати, даже без ознакомления с обвинительными заключениями (если они были), - по спискам, заочно (в списках было более тысячи осуждаемых). Многостраничные списки должны были иметь две подписи официальных лиц. Были и иные списки, о которых многое узнали из статей и книг Волкогонова, и особые списки с подписью Ульриха и утвержденные лично Сталиным (тоже в каждом списке более ста человек). Людей, попавших в эти списки, после утверждения Сталиным расстреливали немедленно.

Это было огромное, до сих пор не исследованное и не подсчитанное количество дел и людей, подлежавших только внесудебному осуждению (термин-то какой "юридический" - внесудебное осуждение!).

Говорю об этом лишь потому, что большинство лиц, обвиненных в контрреволюционной деятельности в Украине (кстати раньше и больше, чем в других республиках Союза), было осуждено именно во внесудебном порядке. И еще потому, что сегодня два, а может быть и три последних поколения людей, включая даже студентов юридической академии, знают об этом только понаслышке, так как самого понятия "внесудебные репрессии" в Украине уже давно нет.

...Дело по обвинению доктора, с грифом "ХРАНИТЬ ВЕЧНО" (как и все дела обвиняемых в контрреволюционных преступлениях), оказалось совсем небольшим. В нем имелись лишь протокол обыска - "ничего не обнаружено"; акт о приобщении к делу вещественного доказательства - фотографии, найденной на квартире у доктора; протоколы двух допросов - подсудимого и одного свидетеля; протокол очной ставки между ними и обвинительное заключение по делу (с необходимыми юридическими документами о "возбуждении дела" и др.).

Судебное дело, оформленное по закону, непривычно малое по объему, но совершенно достаточное для приговора - десять лет содержания в ИТЛ при установлении вины доктора. Тогда это дело, как и все контрреволюционные дела, не подлежало огласке.

Итак, главный врач железнодорожной больницы в Люботине, Аксюк Лавр Федорович, обвинялся в том, что он, бывая на охоте со свидетелем (своим санитаром), вел с ним антисоветские разговоры, рассказывал антисоветские анекдоты, что подтверждалось самим свидетелем по делу при допросе и на очной ставке. И еще - в том, что "доктор был офицером в белой армии", что подтверждалось фотоснимком, хранящимся в пакете, как вещественное доказательство.

Доктор Аксюк виновным себя не признал. Показал, что на охоте он действительно бывал. Прежде сам охотился, имея охотничье ружье с продленным разрешением на его хранение. Охотился на диких уток и зайцев, иногда их приносил домой. Следовательно, как видно, не был лишен любви к лирическим описаниям.

Потом, по старости и слабости, обвиняемый брал с собой охотничье ружье, но из него больше не стрелял, ходил в лес вместе со своим санитаром, но настаивал, что никаких антисоветских разговоров с ним никогда не вел, не рассказывал ему антисоветских анекдотов. На свидании он мне добавил:

- Никаких анекдотов я не любил даже слушать, а рассказывать санитару было вообще нечего. Он был глуп и туп.

Потом я понял, что свидетель-санитар был совсем не глуп и не туп. Был даже послушен и исполнительен не только по санитарной части.

Доктор также сказал мне:

- Я давно не пью по нездоровью. Не принимаю даже рюмочки. Тем более перед уходом на охоту. Очень любил природу, а санитар бывал навеселе, один раз даже был сильно пьян.

...Примерно то же, только короче, доктор показал на очной ставке с санитаром: "Ничего, никогда, ни санитару на охоте, никому другому антисоветских и каких-либо иных анекдотов не рассказывал".

И второе короткое обвинение доктора - "служил в белой армии, был офицером". Имелось в виду вещественное доказательство - фотоснимок. У доктора спросили:

- Вы были офицером белой армии?

Доктор ответил:

- Нет.

Однако на снимке был какой-то генерал в форме, рядом - несколько офицеров, в одном из которых угадывался молодой доктор Аксюк.

Очевидно, следствию этого было достаточно.

В тюрьме на свидании я увидел очень пожилого, плохо видавшего (естественно здоровье доктора ухудшилось, он был подавлен происшедшим, был не только угнетен арестом и обвинением. Он сообщил, что знает обо мне как о защитнике двух врачей Мерефянской больницы и заведующего Мерефянской аптеки (они обвинялись во вредительстве и бактериологической диверсии), что верит мне. Больше расспрашивал о дочери, которая, узнав о его аресте, приехала из Москвы. Интересовался, не приведет ли это к неприятностям у нее на работе, не отразится ли его арест на работе зятя? Долго плакал, не понимая, почему его арестовали после многолетней безупречной работы.

Я увидел беззащитного старого человека, совершенно перепуганного.

- У нас в Люботине, уже столько забрали, - говорил он.

Он даже не мог быть полезен мне, как защитнику, настолько был травмирован происшедшим. Один подвал транспортного ГПУ под зданием управления ЮЖД чего стоил...

Уходя со свидания, я думал: хорошо, что доктор "не признал" своей вины и не было самоговора.

Тогда был большой страх, особенно у пожилых людей. И к этому у них были основания, ведь работала адская государственная "мясорубка". Прокурор Союза А. Я. Вышинский в своих научных работах и на открытых показательных процессах над "врагами народа", вопреки закону, доказывал, что "признания обвиняемого ДОСТАТОЧНО для доказательства его вины"...

...Сначала я решил заняться фотографией, как "вещественным доказательством по делу доктора".

В обвинительном заключении было указано кратко и лаконично: "Был белым офицером". Действительно, это была старая фотография, найденная у доктора в сундуке его давно умершей жены, вместе с фатой, свечами, цветами и еще чем-то - такой обычай был у православных: хранить подобное после смерти владельца.

Жена доктора давно умерла, она не могла быть свидетельницей по делу. Почему она хранила именно эту потускневшую, старую фотографию?

Я спрашивал на свидании, он говорил, что ничего не помнил (ни о какой своей фотографии в сундуке жены), потом оказалось - "боялся", (тогда все всего боялись). Я решил позвонить в Москву его дочери-актрисе. К телефону подошел ее муж (он был главным режиссером разных театров Москвы - оперетты, им. Пушкина, Большого оперного и др.) Туманов Иосиф Михайлович.

Я спросил его, что он знает о семейных фотографиях жены - хранятся ли они у нее? Он ответил: "Ничего не знаю, спрошу у жены". Позже позвонила мне дочь доктора. Оказалось, покойная мать сохранила у себя в сундуке с подвенечным платьем и чем-то другим один экземпляр фотографии доктора в офицерской форме, второй экземпляр был у дочери. Подробностей об этой фотографии она не знала. Я сказал ей:

- Немедленно все переройте, найдите эту фотографию. Привозить мне не нужно. Я приеду сам.

Дважды в месяц я ездил в Москву для выступлений в коллегиях Верховного Суда и с жалобами в порядке надзора.

В Москве мне принесли второй экземпляр того снимка. Это было уже большой удачей, хотя снимок тоже пострадал от времени. Его увеличил лучший театральный фотограф.

Разобраться в снимке мне помог бывавший часто у моей тетушки Ираклий Андронников. (Потом я близко познакомился с ним, раньше неоднократно слушал и читал его превосходные устные рассказы. Позже он дарил моей тетушке и мне свои книги).

Все, что писали позже о нем, было неполно и недостаточно. Хотя в некрологах А. Вознесенский писал: "Человек-оркестр", Р. Гамзатов - "Его нельзя было не любить", Д. С. Лихачев - "Неповторимый талант". Его действительно нельзя было не любить. Он был удивительным человеком, приносившим людям добро и помощь. И со снимком он очень помог мне. Андронников многое знал не только о Лермонтове. Он знал еще бесконечно много о прошлом веке и начале двадцатого века в России, в Грузии и даже в Украине. Непостижимо много знал...

Он сразу же сказал, увидев снимок:

-На погонах молодого офицера - белый просвет. Это могло быть только на погонах офицера медицинской службы, только у военного врача. Но никак не у боевого офицера.

Это значило, что доктор был офицером именно медицинской службы.

Но этого было недостаточно, ведь офицеры-медики белой армии служили все-таки именно в белой армии...

Нужно было точно определить личность генерала на снимке.

И это помог сделать Андронников. Интересующим лицом оказался генерал Куропаткин. Время снимка - Русско-Японская война. Рядом с ним и офицерами его ставки сидел молодой офицер медицинской службы врач Аксюк Л.Ф.

В обвинительном заключении ошиблись всего на 22-23 года, перепутав легендарного генерала Куропаткина с "белым генералом". Но это надо было оформить - закрепить.

Осуществить это также помог именно Ираклий Луарсарбович Андронников.

В 1928 году я встречался у него на квартире с Михаилом Булгаковым. Порадовал он всех своим первым романом "Белая гвардия" и пьесой "Дни Турбиных"...

...Я уезжал из Москвы с юридически подтвержденной экспертизой "белого офицера" Аксюка Л.Ф., с документально установленной личностью генерала Куропаткина. Этого было достаточно, чтобы снять "обвинение" с доктора Аксюка.

Со свидетелем-санитаром прояснить правду оказалось гораздо проще.

"Свидетель" в заседании спецколлегии, подтвердив свои показания об "антисоветских высказываниях" доктора Аксюка на следствии и на очной ставке с ним в самых общих словах, долго путался, сбивался при допросе в суде, не мог точно вспомнить, что же конкретно ему "рассказывал на охоте" доктор Аксюк.

Помогло ранее выясненное мной о "свидетеле": как в спецколлегии об "антисоветских высказываниях доктора", так и ранее по делам шести других работников железнодорожного транспорта, он "слышал" такие же контрреволюционные высказывания, и не только на охоте...

Я просил спецколлегию точно установить фамилии этих шести обвиняемых, чтобы проще было продолжить допрос единственного "свидетеля" по делу доктора - его санитаря.

"Свидетель" мямлил, продолжая лгать в своих показаниях, ему пытался помочь прокурор.

Заседание спецколлегии было закрытым, поэтому было возможно такому "свидетелю" задавать вопросы прямые, четкие и конкретные.

На мой вопрос, впрочем, позже отведенный спецколлекцией: "По скольким другим делам в спецколлегии вы давали показания об антисоветских высказываниях, контрреволюционных анекдотах, выслушанных вами на охоте и еще где-то?", он не ответил...

Я представил спецколлегии бесспорные доказательственные данные, установленные в Москве, о снимке молодого "белого офицера" в погонах с просветом, о снимке, сделанном во время Русско-Японской войны...

Прокурор долго рассматривал привезенные мной материалы, но не возражал против приобщения их к делу.

В адвокатском слове по защите доктора я просил спецколлегию вынести частное определение о привлечении "свидетеля" - санитаря - к ответственности за ложный донос и клевету на доктора. Прокурор не попросил реплики для возражения мне, но спецколлегия не вынесла такого определения.

Выйдя из свидетельской комнаты, председатель спецколлегии огласил приговор - "Врача Лавра Федоровича Аксюка по делу ОПРАВДАТЬ".

Доктор Аксюк был освобожден из под стражи.

Протеста от прокурора на оправдательный приговор не было.

Думаю, в дальнейшем этого "свидетеля" по контрреволюционным делам больше не вызывали.

...Кстати, год спустя, в 1939 году, когда была уменьшена волна-цунами массовых репрессий в Союзе, транспортный суд ЮЖД слушал в показательном порядке во Дворце культуры железнодорожников дело по обвинению в клевете и ложных контрреволюционных доносах начальника службы ЮЖД (фамилия его была Просяник, имя и отчество не помню, о нем тогда сообщала печать) по обвинению его в 103 ложных контрреволюционных доносах на 501 человека. Это не описка, я подтверждаю: - именно в ста трех на пятьсот одного...

Все харьковские адвокаты отказались тогда проводить его защиту. Пришлось вызывать адвоката из другой области.

Доктор Аксюк вернулся к работе главного врача в больнице. Знаю, что больше доктор Аксюк на охоте ни с кем не бывал.

Позже я его видел еще раз в Москве.

Он приехал к дочери и зятю, как будто помолодевший, даже перекрасил свои белые волосы в какой-то неопределенный цвет.

Доктор послал жене Ираклия Луарсарбовича Андронникова корзину белых цветов и, хоть это было ему запрещено, - сам поднял рюмочку за его здоровье.

ФОТОТЕЛЕГРАММА

Главный конструктор Сталинградского тракторного завода Станкевич был осужден спецколлективом облсуда к высшей мере наказания - расстрелу.

Меня просили принять ведение его дела в кассационной инстанции в Верховном Суде РСФСР в Москве.

Нужно было срочно ознакомиться с делом, беседовать со Станкевичем, при необходимости написать и подать дополнительную жалобу по делу (предварительно такая была подана его адвокатом в первой инстанции, внезапно тяжело заболевшим).

Я выехал в Сталинград. Была осень 1938 года.

Меня встретил мирный, со спокойным течением жизни, большой город на берегу великой реки. И ничто не предвещало, что вскоре, всего через несколько лет, в этом городе каждая улица и каждый дом станут крепостью, что город будет известным всему миру, и Сталинградская эпопея войдет в историю человечества.

Тогда город жил жизнью своего тракторного завода. Завод же был встревожен арестом, закрытым процессом и осуждением двух руководящих работников - главного инженера Чарнко и главного конструктора Станкевича.

Толстые тома большого дела. Признание обвиняемых на предварительном следствии, правда, с отказом от своих показаний на суде. Значительное количество свидетелей обвинения, давших тяжелые показания на следствии. Страшная формулировка

обвинительного заключения и приговора. Осуждение за совершение тяжелейших контрреволюционных действий (четыре пункта статьи 58 УК РСФСР).

И самое главное в судебной перспективе дела: Сталинградскому процессу предшествовал большой процесс в Москве работников Министерства главка автотранспортной промышленности (52-х человек), приговоренных также за тягчайшие преступления против государства к расстрелу.

Выписки из показаний двух руководящих работников Сталинградского тракторного завода были в деле Чарнко и Станкевича. Хронологически эти выписки и дали начало этому делу. Был отдельный том судебных разбирательств Сталинградского дела по их обвинению.

Дело уже дважды слушалось в первой инстанции в Сталинграде. При первом слушании дела оба обвиняемых были осуждены к высшей мере наказания. Дело с их жалобами было в Верховном Суде республики, отменившем приговор в основном по формальным, процессуальным нарушениям при слушании дела, и передавшем его на новое рассмотрение. Вновь дело было рассмотрено в первой инстанции в Сталинграде, и вновь в отношении обоих обвиняемых был вынесен тот же приговор - осуждение к высшей мере наказания.

После подробного ознакомления в Сталинграде с делом я пошел в тюрьму к Станкевичу.

Едва я вошел, он спросил:

- Скажите, как осуществляется на заводе выпуск модели "СТЗ-НАТИ"?"

Мне важно было беседовать о его деле - дважды осужденного к высшей мере наказания, а ему самому, главному конструктору, важнее всего было узнать о внедрении его детища - новой модели трактора "СТЗ-НАТИ"... Я понял, что имею дело с одержимым человеком, одержимым самым большим в его жизни - творческим началом в работе.

Я видел на протяжении ряда лет своей работы очень многих, пришедших "на свидание со своим адвокатом" из камеры "вышников" - осужденных к высшей мере наказания. Естественно, у всех было крайне тяжелое внутреннее состояние (это особая тема для юристов, психологов и писателей - состояние людей, ожидающих расстрела), но никогда ни от кого я не слышал первого же вопроса, не относящегося к их судьбе.

Тогда я еще глубоко не думал о внутренней сущности работы адвоката, представлявшейся мне нервной, изломанной, неровной длинной линией защит по различным делам трудных человеческих судеб.

Я искал "ключик" к отдельной человеческой судьбе.

Поговорив, вернее, поработав, поняв и почувствовав эту судьбу за три дня наших бесед, я понял, что он невиновен по делу, не может быть виновным по такому обвинению.

Я поверил ему. И не просто поверил. Был убежден в его невинности. Станкевич вновь и вновь на протяжении наших бесед возвращался к самому главному для него - своему детищу, результату своей длительной творческой работы, поисков всей жизни - модели "СТЗ-НАТИ". Он продолжал думать о ней, стремился еще улучшить, усовершенствовать

ее. В его "состоянии" в одиночной камере, после дважды вынесенного ему смертного приговора, человек продолжал быть творцом своей модели.

Он не мог быть виновным...

Анализ дела, дополненный беседами со Станкевичем, дал основание считать обвинение необоснованным ввиду противоречивости и многих неясностей в материалах обвинения, требующих отмены приговора и проведения полного доследования дела.

Находясь в Москве, перед рассмотрением дела в Верховном Суде, я познакомился с пришедшим ко мне отцом Станкевича.

Глубокий старик с необычайно белыми длинными волосами, с крутым огромным лбом, в пенсне с золотой оправой - единственным его достоянием, сохранившимся с прежних времен, мучимый астмой, персональный пенсионер (пенсия ему была назначена по именному декрету В. И. Ленина, - равно как А. Ф. Кони и еще очень немногим деятелям дореволюционной юстиции - как высоко гуманному человеку, председательствовавшему на политических процессах в царское время, много лет работавшему председателем департамента Московского губернского суда), увидев меня, взволнованно, с горечью спросил:

- Скажите мне, только правду, виновен мой сын? Я вас не спрашиваю в чем его обвиняют. Я знаю, процесс был закрытым. Я должен только знать - виновен ли он? Если виновен, я не могу дальше жить. Я должен знать правду. Вы видели его? Беседовали? Будьте сами прокурором и судьей. Я хотел написать письмо об этом Андрею Януаровичу Вышинскому. Я встречался с ним, когда он работал до революции помощником присяжного поверенного Павла Николаевича Малянтовича. Потом пути всех разошлись. Павел Николаевич был министром Временного правительства, подписавшим ордер на арест Ленина, но двадцать лет он продолжал работать адвокатом после Октябрьской революции, благодаря вмешательству Ленина и может быть, самого Вышинского. Андрей Януарович теперь прокурор Союза. Я пенсионер и персональная пенсия мне назначена по указанию Ленина за мою работу в дореволюционном суде. У меня единственный сын. После смерти жены сын связывает меня с моей жизнью. Я воспитал его чистым, честным человеком. Из него получился преданный своей работе инженер-конструктор. И я не верю, что он мог предать Родину. Скажите мне только правду. Виновен ли он? Если мой сын виновен, я никому никогда ничего бы не написал и не просил бы за него.

Я ответил:

- После поездки в Сталинград, изучения дела и бесед на свидании с вашим сыном, я убежден в его невиновности.

- Значит, я могу жить дальше? Я имею право жить дальше? Спасибо вам за правду.

Никогда больше в жизни я не видел такого просветленного человеческого лица...

Верховный Суд республики, вторично рассматривая дело, изменил приговор в части меры наказания осужденных. Обоим - главному конструктору тракторного завода Станкевичу и главному инженеру Чарнко - высшая мера наказания была заменена десятью годами заключения.

Я обратился с жалобами в порядке надзора к председателю Верховного Суда Союза Голякову и прокурору Союза Вышинскому. Был у них на приемах. Докладывал им лично все, что требовалось, по моему убеждению, для пересмотра дела. Они внимательно читали жалобы, слушали...

Получил отказы обоих. Формально все пути восстановления истины адвокатом были исчерпаны.

Кажется невероятным - ведь прошло уже около шестидесяти лет, но даже сейчас, отчетливо помню два лица, которые, по существу, все время стояли передо мной: лицо пришедшего на свидание Станкевича-сына, начавшего и закончившего наши беседы вопросами о внедрении в производство модели "СТЗ-НАТИ", и Станкевича-отца, сказавшего мне: "Я ни о чем вас не прошу, я только должен знать правду о сыне".

Высшая мера наказания была отменена, но Станкевич оставался осужденным.

А правдой было то, что он был невиновен. Много было раздумий, порой мучительных. Что делать дальше? Пошел к председателю коллегии адвокатов, и, будучи беспартийным, к секретарю парторганизации. Советовался.

Услышал:

- Дело было во всех судебных инстанциях. Ваш подзащитный дважды осужден к высшей мере наказания. При вторичном рассмотрении дела в Верховном Суде РСФСР она была заменена десятью годами лишения свободы. Затем было рассмотрение ваших жалоб в порядке надзора лично руководителями Верховного Суда и прокуратуры Союза. Все пути юридически исчерпаны. Не только адвокат, но и сам осужденный и его родственники больше не могут никуда обращаться. Дальше делать ничего нельзя.

И еще подробно говорили об обязанностях адвоката, ограниченных прямыми указаниями закона.

То же подтвердили все товарищи по работе, знавшие обо всех инстанциях рассмотрения дела. Из Москвы приехала жена Станкевича. Благодарила. Долго плакала. Сказала мне:

- Вами сделано все возможное по делу. Дальше, после всего, что было, никуда обращаться не следует, да и невозможно...

У меня было тогда много дел, и тоже с высшей мерой наказания, но я продолжал думать о судьбе Станкевича...

...Перед арестом Станкевича в Москве состоялось совещание руководящих работников автотранспортной промышленности СССР. Были приглашены директора, главные инженеры и главные конструкторы трех тракторных заводов страны: Харьковского, Сталинградского и Челябинского.

Совещание проходило в Кремле. Присутствовал Сталин.

Газеты "Правда" и "Известия" свои вторые страницы полностью посвятили этому совещанию.

Во всю ширину страниц обеих газет, полным разворотом, были помещены большие панорамные снимки стены Кремля. И около Кремлевской стены стоял первый экземпляр трактора "СТЗ-НАТИ". Около него были Сталин, Орджоникидзе, Молотов, Каганович и Микоян. Наклонившись, они рассматривали трактор... Показывал им "СТЗ-НАТИ" - свое "детище" - главный конструктор Сталинградского завода - Станкевич. Под снимками в обеих газетах была приведена подробная информация о совещании, очерки и статьи специальных корреспондентов.

Текст информации был различен. Одинаковыми были выдержки, приведенные из выступления на совещании Сталина. Корреспонденты "Правды" и "Известий" писали: "Когда совещание было открыто, председательствующий на нем Орджоникидзе хотел дать первое слово директору Харьковского тракторного завода. Находившийся в президиуме Сталин предложил изменить порядок совещания. Первыми заслушать главных конструкторов заводов о моделях изготавливаемых тракторов.

Орджоникидзе представил слово главному конструктору первого в стране тракторного завода - Харьковского, - который подробно осветил историю выпуска модели "ХТЗ", сообщив о ее достоинствах и преимуществах (умолчав о недостатках), доложил, сколько тракторов изготовлено и работает на Украине и в Союзе, привел слова Ленина: "Если мы построим сто тысяч тракторов..."

Затем Орджоникидзе дал слово главному конструктору Челябинского тракторного завода, рассказавшего о модели нового мощного трактора, к выпуску которого готовится завод, о его особенностях и положительных качествах.

Последним было предоставлено слово главному конструктору Сталинградского тракторного завода Станкевичу. Тот остановился на недостатках выпускаемого трактора "ХТЗ", готовящегося к серийному выпуску мощного челябинского трактора, и подробно изложил еще существующие недоработки в модели "СТЗ-НАТИ", требующие времени и усилий для дальнейшего устранения.

Затем слово попросил Сталин. В обеих газетах были приведены выдержки из его выступления. Сталин сказал, что больше всего ему понравилось выступление самого молодого из трех главных конструкторов заводов - главного конструктора Сталинградского тракторного завода - Станкевича - "...самое критичное и единственное самокритичное... Сталин похвалил осмотренный вчера образец трактора "СТЗ-НАТИ"... Еще похвалил прямое, строгое к самому себе, твердое обещание главного конструктора Сталинградского тракторного завода и в дальнейшем улучшать модель в процессе работы... Внес предложение утвердить серийный выпуск модели "СТЗ-НАТИ".

...На следующий день, после совещания, главный конструктор Сталинградского тракторного завода Станкевич и главный инженер Чарнко вновь были приглашены в Кремль. Им обоим, как и другим работникам тракторной промышленности, были вручены ордена. Станкевич и Чарнко были награждены орденами Ленина.

А еще через сутки в гостинице "Москва" Станкевич и Чарнко были арестованы...

Итак, Станкевича арестовали:

- после того, как Сталин и другие руководители Коммунистической партии осмотрели модель "СТЗ-НАТИ", стоявшую перед зубцами Кремлевской стены (показывал эту модель главный конструктор Сталинградского транспортного завода Станкевич);

- после совещания руководящих работников автотракторной промышленности Союза, где выступал Сталин, сказавший, как было написано в одной из центральных газет: "Больше всего мне понравилось выступление самого молодого из главных конструкторов трех тракторных заводов - Станкевича - самое критичное и единственно самокритичное... прямое, строгое к самому себе твердое обещание главного конструктора Сталинградского тракторного завода Станкевича и дальше улучшать модель в процессе работы..." (фамилию Станкевича Сталин называл дважды, как и его модель "СТЗ-НАТИ", после чего Сталин предложил утвердить к серийному выпуску "СТЗ-НАТИ", и, естественно, она была утверждена);

- после награждения главного конструктора Сталинградского тракторного завода Станкевича орденом Ленина (это могло быть только по указанию Сталина или согласовано с ним)...

...Я понял, что человек, адвокат по делу, убежденный в невинности Станкевича, мог ошибиться...

Ошиблись суды, обвинившие Станкевича...

Сталин не мог ошибиться в Станкевиче и в модели "СТЗ-НАТИ".

...Я думал еще и еще. И принял решение.

Пошел на центральный телеграф. Взял бланк фототелеграммы самого большого размера - 31x20 см - целую страницу (стоил тогда сто рублей).

Принес его домой. Вырезал из газеты "Правда" середину верха второй страницы газеты (по размеру бланка) с фотографией Сталина и других руководителей партии у модели трактора "СТЗ-НАТИ", вырезал две выдержки из выступления Сталина на совещании, смонтировал вырезки из газеты с верхним фото, бережно наклеил их на бланк фототелеграммы с небольшим впечатанным на бланк текстом - коротким изложением судьбы дела Станкевича. Закончил свой короткий текст внизу на фототелеграмме: "Произошла судебная ошибка. Осужден невинный человек, бывший главный конструктор Сталинградского тракторного завода Станкевич. Прошу о Вашем вмешательстве и помощи".

Подписал - защитник Станкевича, указав фамилию, имя, отчество и адрес своей юридической консультации.

Наверху бланка фототелеграммы было напечатано: "Москва. Кремль. Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину И.В.

Фототелеграмма была принята, но лишь после длительного обсуждения с руководством центрального телеграфа.

Почему я послал фототелеграмму Сталину самого большого размера? В 1937-38 годах секретариат Сталина получал ежедневно тысячи и тысячи обычных телеграмм (кстати, никто никому на них не отвечал), и я не вошел в этот массовый поток. Фототелеграмма размером в большой лист вмещала не только модель "СТЗ-НАТИ", осматриваемую Сталиным и руководителями партии и правительства (причем показывал ее именно Станкевич), но и необходимые вырезки из газеты "Правда" о выступлении на совещании

Сталина, отметившего Станкевича, и о том, что Сталин предложил утвердить модель "СТЗ-НАТИ" к серийному выпуску.

Через две недели, правда, по другим делам с ВМН, мне пришлось быть в Москве.

Секретарь председателя Верховного Суда Союза Кудрявцев, у которого я неоднократно бывал раньше, увидев меня, спросил:

- Почему вы не интересуетесь делом Станкевича?

Я ответил, что по моей надзорной жалобе (я был на приеме у председателя Верховного Суда Союза Голякова) мне было отказано в истребовании дела.

- Нет, - сказал старший секретарь Кудрявцев. - Вчера это дело истребовал товарищ Голяков...

Показал мне узкий бланк с напечатанным штампом: "ЦК ВКП(б). Секретариат". С датой, без номера, с запомнившимся мне текстом: "Председателю Верховного Суда СССР т. Голякову И.Т. Просим лично ознакомиться с делом главного конструктора Сталинградского тракторного завода Станкевича, осужденного Сталинградским судом. Результаты сообщить нам. Зав. секретариатом Поскребышев". Подпись на бланке была размашистая.

...Еще через месяц председатель Верховного Суда Союза И.Т.Голяков принес протест в пленум Верховного Суда Союза на приговор Сталинградского суда и второе определение Верховного Суда РСФСР по делу Станкевича для их отмены и передачи дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, с рядом конкретных указаний.

Пленум Верховного Суда Союза, несмотря на возражение прокуратуры Союза, согласившись с протестом председателя Верховного Суда Союза, направил дело на следствие, сделав конкретные указания, соответствовавшие мотивам жалобы в порядке надзора по делу Станкевича.

...Всего 45 дней продолжалось "следование" этих обстоятельств и дело было прекращено производством в отношении обоих обвиняемых - Станкевича и Чарнко.

Бывший главный инженер Сталинградского тракторного завода Чарнко почти весь период заключения во время следствия и между судебными рассмотрениями дела болел, лежал в тюремной больнице. После второго рассмотрения дела в Верховном Суде РСФСР никуда с жалобами не обращался, как и его адвокат.

Станкевич и Чарнко были освобождены. Чарнко продолжал болеть на воле. Станкевича принял нарком, сообщивший ему о предоставлении двухмесячной путевки в санаторий и спросивший - на какую работу и куда он хотел бы быть переведен?

- Только конструктором на Сталинградский тракторный завод. Я должен продолжать работать по улучшению "СТЗ-НАТИ".

Станкевич был возвращен на работу главным конструктором тракторного завода. С ним эвакуировался во время войны.

Отец Станкевича после возвращения сына прожил недолго, но все же успел увидеть сына.

брат оговорил брата

В августе 1939 года Давид Ферман, явившись в отделение милиции подал заявление о том, что его брат Григорий Ферман совершил убийство их сестры Цили Ферман и труп ее закопал под полом своей квартиры.

Были произведены раскопки. В земляном полу комнаты на первом этаже на ул. Лермонтовской в г. Харькове на глубине одного метра от поверхности пола был обнаружен скелет. После эксгумации останки трупа были отправлены в судебно-медицинскую экспертизу. Экспертиза установила: "Кости женского скелета. Возраст 17-18 лет". Это подтверждало полученные данные о возрасте Цили, родившейся в 1912 году и исчезнувшей в 1929 году.

Григорий Ферман был арестован и предан суду по обвинению в убийстве своей сестры Цили Ферман.

Позднее возникли новые обвинения Григория Фермана в доведении до самоубийства матери, повесившейся в 1931 году, и покушении на растление малолетней дочери соседней.

Я изучил дело. Обвинение было построено на показаниях Давида Фермана - родного брата обвиняемого, и на данных эксгумации изъятых трупа.

Григорий Ферман виновным себя не признал, но никаких опровержений обвинения не представил и ничего не показал о причинах оговора его братом.

Свидания с обвиняемым в тюрьме также не помогли получению материалов для защиты. Григорий Ферман только плакал, отрицая свою вину, ничего нового не сообщая по делу.

По существу он не ответил на мои вопросы о причине показаний его брата, сделанных почти через 10 лет после происшедшего, молчал о бывших взаимоотношениях между ними:

- Я знаю, что все верят Давиду, а не мне, но я ничего не скажу больше. Цилю я жалел и не убивал ее.

Я ушел из тюрьмы, веря Григорию Ферману (была в его словах неподдельная искренность и отчаяние, хотя он и не говорил всего, отвечая на вопросы, чувствовалось что-то не высказанное), внутренне убежденный, что преступления он не совершал.

Но этого было мало для доказательства невиновности Григория Фермана. А улики были тяжелыми.

Я вновь начал анализировать все материалы дела. Семья Ферманов жила на Лермонтовской улице (5). Отец был сапожником, крепко пил. Мать всю жизнь хлопотала с детьми и по хозяйству, старший сын Давид был рабочим на заводе. Григорий тоже пошел работать на завод к старшему брату. Цилия от рождения была психически неполноценным ребенком, неоднократно убегала из дому вместе с беспризорниками, не училась, не работала, часто беспричинно смеялась, все на улице называли ее "Цилька-помешанная".

Когда она исчезла в 1929 году, соседи особенно не удивились, услышав от семьи Ферманов - "уехала с беспризорниками в Крым". Потом ее выписали из домовой книги. Старик Ферман вскоре умер. Он и до исчезновения Цили долго болел, семья жила

материально трудно. Основной заработок приносил Давид. Григорий только начинал самостоятельную работу.

Религиозная мать часть молилась нараспев, плакала, и весной сидела во дворе на замощенной камнем площадке около одуванчиков, цветущих между камней, и тихонечко напевала грустную песню на еврейском языке.

Эту же песню прежде часто пела и Циля около колодца в конце улицы над обрывом и на камнях во дворе весной, когда зацветали желтые одуванчики. Года через полтора, после исчезновения Циля, ее старая мать повесилась в уборной дома.

Начался спор в семье из-за "наследства".

Денег и ценного имущества не было, скромную одежду матери без труда разделили. Раздор произошел из-за ходиков (часы стоили 3 руб. 50 коп.).

Спорили жены братьев (братья женились вскоре после исчезновения Циля) Полина Крук - жена Давида, отказавшаяся работать после замужества, и Полина Владко - жена Григория, работница завода. Были между ними и споры из-за квартиры - где кому жить? В семье Ферманов было две комнаты, вернее, комната и бывшая кухня с земляным полом. В этой кухне, где никто не хотел жить, пришлось поселиться Григорию со своей Полиной. В ней же, когда раскопали земляной пол, нашли скелет Циля. Над ее костями около 10 лет жили Григорий и его жена Полина...

Криминальная литература - дореволюционная, русская и советская - не знали случаев убийства в еврейской семье братом сестры, да и вряд ли были известны случаи жизни убийцы с женой на протяжении почти десятилетия в комнате, где под полом был похоронен убитый ими человек.

Эти обстоятельства, необычность обвинения братом родного брата, привлекли большой интерес к слушанию дела. Студенты юридического института всех курсов бросили занятия и пошли в клуб студенческого общежития "Гигант", где проходило слушание дела.

У меня не было вопросов к своему подзащитному. Григорий Ферман, отрицая обвинение, по-прежнему ничего не показал о происшедшем. Зато к свидетелю, его брату Давиду было множество вопросов.

Вопросы были о подробности жизни всех Ферманов, о всех членах семьи, их взаимоотношениях, заработке, отношении к Циле, о грустной песне матери около одуванчиков на камнях во дворе, о спорах из-за вещей, оставшихся после ее смерти, о часах-ходиках, которые забрала себе жена Давида - Полина Крук... и, кажется, только при этом вопросе начал нервничать Давид Ферман: показания в суде, особенно в начале допроса, он давал ровным голосом, внешне спокойный, может быть даже слишком спокойный, все-таки Григорий был его братом. Необходимо было заставить его волноваться. В законных рамках процессуальных правил и необходимого такта - лишить свидетеля всех преимуществ человека, "ткывшего правосудию истину", заранее подробно, тщательно продумавшего, проработавшего свои ответы на любые вопросы.

- Почему вы сообщили в милицию о смерти Циля по прошествии девяти с лишним лет? Когда вы узнали об убийстве Циля, совершенном братом?

Пауза. Длительная пауза. Григорий Ферман за моей спиной тяжело дышит. Давид, после долгого молчания, ответил:

- Я уже объяснял следователю.

- Теперь объясните суду, свидетель.

Давид Ферман попросил перерыва. Я допрашивал его более двух часов и он мог устать. Во время перерыва я получил записку: "Спросите у него об одноглазом Моргуне, продавце папирос около общежития "Гигант". Моргун больше знал об убийстве Цили". Записка не была подписана.

Когда слушание дела было продолжено, Давид Ферман ответил суду:

- Я не сообщал раньше об убийстве потому, что раньше жалел брата.

- Что же произошло, почему вы перестали жалеть его?

Давид Ферман не ответил. Было еще много вопросов адвоката. Все медленнее отвечал свидетель, все более волнуясь и сбиваясь с заученного и ровного тона.

- Скажите, свидетель, вы знали Моргуна - одноглазого продавца папирос возле общежития "Гигант"?

Наступило долгое мучительное молчание. Давид Ферман совершенно изменился в лице, голос его дрожал, когда он тихо ответил:

- Нет.

Тогда встал, до этого совершенно безучастный, как казалось, Григорий Ферман и, обратившись к суду, сказал:

- Позвольте, я скажу правду.

И в напряженной, как будто звенящей тишине замершего переполненного зала начал говорить:

- Цилька была "лишний рот в семье". Так говорил Давид. Тогда только он зарабатывал. Наш отец часто болел, а я еще не работал. Жили мы тогда трудно. Давид часто ругал нашу Цилю, обижал, а я ее жалел, и мама тоже. Цилька была помешанная, но несчастная, больная. Однажды я поздно вечером возвращался домой. Я тогда искал работу. Открыл дверь. В кухне никого не было, но посередине была вырыта большая яма. Я прошел в комнату, там на кровати лежала мертвая Цилия. Около нее были Давид и одноглазый Моргун. Моргун торопил Давида скорее переносить Цилю в вырытую яму в кухне. Давид заставлял меня помочь. Мне было страшно, я плакал. Не мог прикоснуться к мертвой Циле. Смотрел, когда Моргун и Давид выносили Цилю в яму и начали засыпать ее землей. Мне сделалось плохо, начало тошнить и я убежал. Когда я вернулся домой, Давид мне рассказал, что Моргун задушил Цилю, он (Давид) дал ему полбутылки водки и 25 рублей. Давид потребовал, чтобы я молчал: "Цилю все равно не вернешь, она была лишний рот"... и я молчал, а мама наша каждый день плакала без Цили, все жалела ее, потом повесилась...

Давид стоял бледный, поникший, услышав слова Григория.

Суд по ходатайству адвоката направил дело на следствие - для розыска Моргуна.

В процессе следствия следователем было установлено, что одноглазый человек по кличке Моргун, который на протяжении ряда лет около общежития "Гигант" продавал папиросы, был вором-рецидивистом. В 1931 г. был судим за участие в грабеже с убийством в Харькове и выслан в лагерь на Север. Лагерь на запрос прокуратуры о нем сообщил: "В 1935 г. "Моргун" погиб в лагере, был зарезан в драке".

Давид отрицал свою причастность к убийству Цили. Было уточнено время исчезновения Цили. Полина Владко - жена Григория Фермана, приходя ко мне, уверяла, что Давида заставила пойти в милицию Полина Крук, жена Давида, властная и злобная женщина. "Все началось из-за часов-ходиков, которые она не хотела мне уступить, они меня не любили, как чужую, вошедшую в семью, хотели прогнать, если осудят Григория. Тогда Полина заберет кухню, где мы жили с Григорием. Григорий тихий, он любит маленьких детей, жалеет их. Это все Полина, жена Давида, придумала, что якобы он (Григорий) хотел сделать плохое соседской девочке, и саму соседку подговорила оклеветать Григория. И следователь поверил ей. И они же все о причине смерти матери, повесившейся в уборной придумали. Григорий любил свою мать. Он никогда бы не пошел на это".

Я вновь был в тюрьме у обвиняемого. Григорий подробно подтвердил объяснение жены и дал дополнительные показания при следствии.

При новом слушании дела зал судебного заседания был также переполнен: студенты всех курсов юридического факультета с преподавателями пришли на рассмотрение этого необычного дела.

В судебном заседании было доказано, что исчезновение Цили произошло не за девять лет и семь месяцев до заявления о совершении убийства Григорием Ферманом, а прошло уже десять лет и три месяца со дня между маем 1929 г., когда Цили после убийства была выписана из домовой книги, и августом 1938 г., когда Давид Ферман пришел в милицию с заявлением о совершении убийства Цили его братом Григорием.

Суд, в силу давности совершения преступления, в соответствии со статьей, действующей в кодексе 1939 г., позволяющей возбудить дело об убийстве в пределах 10 лет, в части обвинения Давида Фермана в убийстве Цили дело прекратил.

В части обвинения в доведении до самоубийства матери, построенного только на голословных показаниях брата Давида Фермана, не подкрепленных другими доказательствами, при отсутствии установления причинной связи между действиями по "доведению до самоубийства" и наступившим результатом - самоубийством - Григорий Ферман был судом оправдан.

Целый день судебного заседания был посвящен допросу малолетней дочери соседки, ничем не подтвердившей версию обвинения, что "ей больно делал дядя Гриша".

Педагог и врач, дававшие заключение о правдивости ее показаний утверждали, что ранее записанное следователем было с чужих слов. Только хорошее говорила девочка о дяде Грише. Ее мать, полностью запутавшаяся в своих показаниях, не отрицала, что она заявила о том, что вечером ей дочь сказала: "Дядя Гриша делал мне больно и я начала

плакать". Она сообщила об этом только после настояний Полины Крук. Сама Полина Крук признала в судебном заседании, что она лично ничего не слышала и не видела, но заявила только со слов матери девочки. Была очевидна ее злоба на Григория "он не хотел нам отдать часы-ходики, оставшиеся после смерти матери". В этой части обвинения Григорий Ферман также был оправдан.

Я и многие присутствовавшие слушатели в суде остались ожидать оправданного в суде подсудимого.

Когда Григорий Ферман вышел из помещения суда на многолюдную Павловскую площадь, его брат Давид бросился к нему на улице и в присутствии всех ожидавших и проходивших мимо упал перед ним на колени, просил прощения:

- Прости меня, брат, за наговор мой...

Это не было записано на магнитофонную ленту, но потом было подтверждено многими услышавшими в суде, когда вновь в третий раз дело слушалось после отмены приговора областным судом по протесту прокурора.

Вновь полностью был оправдан Григорий Ферман и были привлечены к ответственности за ложные показания и клевету и осуждены Полина Крук и Давид Ферман.

Страшное в жизни и судьбах людей - оговор. Разные бывают его основания. Десять лет люди спали, ели, жили над костями закопанной под земляным полом мертвой Цици. Потом возник спор не о правде, не о совести, а о часах-ходиках, стоящих три рубля с полтиной. И брат, нанявший за двадцать пять рублей и водку убийцу, пошел и заявил на своего брата, обвинив его в убийстве сестры, доведении до самоубийства матери и попытке растления малолетней дочери соседей.

Это редкое дело слушалось в Харькове в 1939 году.

РЫБЫ ПОБЕЖДЕНЫ КОМАРАМИ

Главный врач геленджикского санатория "Горное солнце" и шеф-повар этого санатория были привлечены к уголовной ответственности за отравление пищей 156-ти больных санатория. Дело подлежало передаче в суд.

Меня просили принять защиту главного врача доктора Лозоватского. Я согласился выехать в Геленджик, поставив условие - получение предварительно копий всех материалов дела.

По поступлении дела в суд, все материалы его были перепечатаны и присланы мне доктором, отстраненным от работы, живущим в Геленджике под подпиской о невыезде.

На столе у меня оказалась толстая папка материалов дела и полученная доктором копия обвинительного заключения.

"21 июня 1940 г. в самом большом санатории Геленджика "Горное солнце" - 156 человек лечившихся в санатории (список их был приложен и многие были допрошены) почувствовали себя плохо. У многих были боли в желудке, сильные рези, понос, у всех красные волдыри на теле, высокая температура. У некоторых волдыри распространились по всему туловищу. Длительность болезни была разной, от одного дня до недели, причем

много больных было переведено на постельный режим, и они продолжали находиться в санатории до выздоровления, даже, если истек срок их путевок, за счет санатория. Все это было подробно зафиксировано в "историях болезни", внутренних санаторных медицинских актах, заключениях двух санитарных врачей Геленджика и Новороссийска. Санитарные врачи проверили санитарное состояние пищеблока и столовой санатория, сделали анализы продуктов, из которых приготовлена пища. "Сама пища 21 июня была съедена" - так было записано в акте санитарных врачей. Они также "установили", что 21 июня больных санатория кормили рыбой. В пищеблоке специально были мраморные доски для разделки рыбы. Значит: "Налицо антисанитарные условия приготовления пищи... В результате чего произошло отравление больных рыбой". Эта же формулировка заключения санитарных врачей позднее вошла и в обвинительное заключение по делу.

Шеф-повар санатория признал себя виновным в том, что "21 июня рыбу не разделявали на мраморных досках" и в обвинительном заключении было указано: "Виновным себя признал".

Главный врач санатория Лозоватский виновным себя также признал. Показал, что и в прошлые годы бывали случаи заболевания пациентов, но он, как главный врач, нес всю ответственность за состояние санатория и его "добавление о случаях заболевания летом в прошлые годы" вошло в обвинительное заключение, как дополнительный обвинительный материал в отношении него самого.

Внимательно изучив материалы дела по обвинению в "отравлении рыбой", я видел неполноту и поверхностность проведенного следствия.

Возникли разные мысли, вопросы, предположения.

Я обратился к специальной литературе о пищевых отравлениях, консультировался у специалистов пищевой санитарии и... отправился за получением необходимой справки во Всеукраинский протозойный институт к директору профессору Мерзоеву.

Крупный ученый в своей области, профессор не мог дать полного ответа на мои вопросы и посоветовал обратиться во Всесоюзный протозойный институт.

Я поехал в Москву. Там получил ответы на все вопросы. Узнав о назначении дела к слушанию, я выехал в Геленджик. О своем подзащитном докторе Лозоватском я знал из материалов дела: "Старый врач, член партии, участник гражданской войны, получил орден Красного Знамени за работу врачом в боях под Перекопом. Семь лет беспорочно работал главным врачом санатория "Горное солнце".

В Геленджике увидел очень усталого пожилого человека, нервного, крайне измученного "трепкой", как он выразился, по делу, болезненно остро переживающего свое отстранение от работы, как показалось мне (потом это подтвердилось на суде) не могущего проводить самостоятельно свою защиту. Бывает так, что самый честный человек, большой специалист в своей области, чувствует себя невиновным, настолько расстроен происшедшим, что временно, будучи подавленный всем, внезапно возникшим не по его вине, просто не может спокойно, критически со стороны посмотреть на свое дело.

Очевидно в таком состоянии находился и доктор Лозоватский. Я просил его быть предельно немногословным в пояснениях на суде, доверяя во всем адвокату.

До слушания дела я познакомился с защитником шеф-повара. Мы ходили по берегу моря и защитник шеф-повара рассказывал о себе:

- Я работал уже прокурором и народным судьей. Вышло так, что теперь работаю здесь защитником в юридической консультации. Но юридическая работа не мое призвание. Вот я должен вести защиту шеф-повара. Он признал себя виновным. Вам ведь, по совести говоря, нечего было приезжать издалека. Оба обвиняемых все равно ведь будут осуждены. Мое призвание другое. Я с детства играю на баяне. Играю хорошо. Игру на баяне люблю. У меня все братья - баянисты, работают на заводах в Новороссийске. Я мечтаю, чтобы они ушли с работы. Мы организуем ансамбль баянистов. У нас в Геленджике работы много - 12 санаториев. Я буду объявлять: "Ансамбль четырех братьев баянистов, руководитель ансамбля старший брат... будем выезжать и в Новороссийск..."

Я думал: бывший прокурор, бывший судья и теперь адвокат... будущий руководитель ансамбля баянистов... каким он будет помощником суда по делу? Мой "коллега" помощником мне по защите не будет... Мы начали говорить о весне в Геленджике. Был март 1941 г. На берегу моря особенно чувствовалась весна. Беседуя о весне, мы вернулись в народный суд, где на следующий день было назначено слушание дела. В небольшом помещении народного суда было очень чисто, как-то по домашнему опрятно. Строгость обстановки нарушали цветы в кадках и горшках, цветов было много.

Я уже познакомился с судьей. Недавно окончил юридический факультет. В совсем маленьком "кабинете" необычно тесно от книг. Три шкафа литературы. В юридических изданиях, книгах и новых журналах - закладки. Молодая приветливая секретарь суда, принеся в зал заседаний графин с прозрачной водой, серьезно сказала: "Наш судья любит книги и цветы..."

Судья был молод. Открытое, старающееся казаться строгим, лицо. В Геленджике работал судьей второй год.

Пришел прокурор. Суевливый, торопливый. Познакомились.

- Вы не из Новороссийска? И не из Ростова? Стоило ли издалека по такому делу приезжать?

Заседание суда открылось. После обычных формальностей, проверки явки обвиняемых и свидетелей, судья спросил стороны:

- Есть ли ходатайства до начала рассмотрения дела?

У прокурора заявлений-ходатайств не было. Я просил вызвать в качестве свидетелей заведующих метеорологическими станциями Геленджика и Новороссийска, для выяснения обстоятельств, опровергающих обвинение, известив их по телефону, без отложения слушания дела. Прокурор удивился:

- Почему метеорологических станций, а не станций спасения на водах или станций переливания крови, если бы они были у нас?

Но так как это не требовало отложения слушания дела - не возражал. Суд удовлетворил ходатайство защитника.

Первым по делу допрашивали главного врача Лозоватского. Помня мою просьбу, доктор говорил о случившемся в санатории сжато и конкретно. Прокурор задал ему множество вопросов, доктор на все отвечал коротко. Когда прокурор исчерпал все свои вопросы, председатель суда предложил защитнику задавать вопросы доктору. Я сказал:

- У меня нет вопросов.

Судья переспросил:

- Нет вопросов к своему подзащитному?

Я ответил:

- Нет.

Потом давал показания шеф-повар. Подробно говорил о своей многолетней работе, о случившемся отравлении рыбой:

- Заболели ведь даже и сотрудники санатория...

О том, что мраморные доски были, но рыбу действительно на них не разделявали. Ему много задавал вопросов прокурор, не меньше его защитник, выяснивший в конце допроса, что шеф-повар имел благодарности по работе.

Когда судья предложил мне задавать вопросы шеф-повару, я сказал:

- Вопросов у меня нет.

Еще задавал вопросы шеф-повару судья и был объявлен перерыв.

Во дворе суда меня спросил доктор, мой подзащитный, с укоризной:

- Вы не спросили меня и не выяснили, ведь я получал грамоты по работе, а в гражданскую получил орден Красного Знамени.

Кажется, доктор был даже обижен.

Суд перешел к допросу свидетелей. Их было очень много. Более пятидесяти человек. Приехавших больных, работников санатория. Явились санитарные врачи и врачи, лечившие "отравившихся". Каждого председатель просил рассказать, что он знает по делу. Все рассказывали. Потом судья предлагал прокурору задавать свидетелям вопросы. Затем защитникам. Спрашивал свидетелей сам, иногда задавали вопросы народные заседатели. Шло обычное судебное заседание. Но, когда опрашивали первого свидетеля, судья спросил защитника доктора:

- Есть у вас вопросы?

Я ответил:

- Нет.

Было недоумение, и судья еще раз переспросил. Услышав тот же ответ при предложении мне задавать вопросы второму свидетелю, не стал больше переспрашивать и недоумение всех увеличивалось.

При допросе третьего свидетеля, судья, как полагается, задал мне обязательный вопрос:

- У вас есть вопросы к свидетелю?

Я так же ответил: "Нет". И в мою сторону посмотрел прокурор с явным сожалением и защитник шеф-повара с укором, вопросительно.

Свидетели показывали о питании больных в санатории, о состоянии пищеблока, об отравлении больных пищей 21 июня 1940 г., в хорошо запомнившийся им день, после которого они болели, и "все мое лечение в санатории пошло насмарку".

Приехавшие из Новороссийска, Ростова и других городов, вызванные в суд, как свидетели, как будто хотели вознаградить себя за бесцельное путешествие по вызову, старались о своих волдырях, температуре и нездоровье желудка рассказать как можно полнее, хотя все это было подробно описано в материалах дела. Прокурор и защитник шеф-повара помогли им своими многочисленными вопросами.

Так прошел допрос четвертого свидетеля, пятого, последующих. Вопросов им я не задавал. Недоумение суда сменилось безразличием. Только молодая секретарь каждый раз слушая мои ответы: "У меня нет вопросов", поворачивалась ко мне с непониманием и явным огорчением, как будто хотела что-то сказать, передать свое сожаление, но секретарям в судебном заседании полагается молчать, и она продолжала записывать вопросы свидетелям и их ответы. Вопросов свидетелям у защитника доктора не было.

После опроса десятого свидетеля судья объявил о перерыве заседания до утра следующего дня.

Ясно были слышны реплики уходящих допрошенных свидетелей и присутствовавших "слушателей" о защитнике доктора:

- Он, как немой...

- Просто совсем немой...

- Нечего было приглашать такого...

- И ведь приехал издалека, а молчит...

Все соболезновали "бедному доктору", высказывая свое возмущение приехавшим его защитником.

Несомненно, их мнения разделяли прокурор и защитник шеф-повара. И сам доктор не задавал вопросов своему защитнику, но в молчании его чувствовалось не только непонимание.

Во второй день слушания дела предстояло допросить еще 49 свидетелей. Зал заседания заполнился местными жителями, узнавшими о слушании дела "прошлогоднего отравления", в санатории "Горное солнце".

Снова продолжались те же рассказы потерпевших, описание состояния пищеблока, неиспользование в нем по назначению мраморных досок, те же вопросы прокурора и защитника шеф-повара.

По-прежнему я не задавал вопросов и мой краткий ответ судьям: "Вопросов у меня нет" воспринимался со все увеличивающимся ироническим отношением прокурора, снисходительно-участливым - защитника шеф-повара и несомненно отрицательной реакцией слушателей. Присутствующие на суде открыто жалели доктора. Не знаю, что чувствовал сам доктор, услышав:

- Хотя бы сам спрашивал, раз защитник немой!

В перерыве ко мне доктора подошел его коллега - защитник шеф-повара, участливо спросил меня о здоровье, не плохо ли я чувствую себя после дороги. В Гелинджике ведь иное давление, чем у вас...

За день были опрошены все явившиеся свидетели, вызванные по списку обвинительного заключения. Все несколько устали от однообразия их показаний.

Это воспринималось уже многочисленным количеством присутствующих в суде поразному. Было полное недоумение, были ехидные реплики, но все были едины в одном - все жалели доктора.

Сам доктор, идя со мной по дороге до гостиницы после окончания вечернего заседания суда, ни о чем не спрашивал, но чувствовалось: был угнетен и с трудом воспринимал мою просьбу: "перестать волноваться, постараться смотреть на все происходящее в суде, как-будто со стороны. И в последнем слове завтра на суде ничего не говорить, даже о своих заслугах, ограничившись коротким - прошу меня оправдать".

Даже в гостинице вечером я услышал обсуждение суда приехавшими свидетелями. Все продолжали жалеть доктора.

Утром, на третий день процесса, судья предложил рассказать "Что вы знаете по делу?" дополнительно вызванному свидетелю - заведующему метеорологической станцией Геленджика.

- По делу я ничего не знаю. Я ведь занимаюсь метеорологическими наблюдениями. Зачем меня вызвали, я не знаю.

Прокурор, торжествующе заметил:

- Вот видите?

Судья предложил задавать вопросы защитнику доктора, по ходатайству которого был вызван свидетель.

- Сколько лет вы занимаетесь в Геленджике метеорологическими наблюдениями?

- Уже более двенадцати лет.

- Пожалуйста, расскажите суду о наиболее характерных метеорологических явлениях, наблюдаемых в Геленджике летом?

- Норды. Наши ветры-норды систематически, ежегодно дуют летом в июне в Геленджике. Иногда достигают огромной силы. Последний особенно сильный был у нас в прошлом 1940 г. в июне.

- Скажите, а вы не замечали периодичности, цикличности этих нордов?

Прокурор встал, и обращаясь к суду, возмущенно сказал:

- Совершенно не понимаю, какое отношение к делу имеют эти норды. Защитник два дня не задавал вопросов свидетелям, когда выяснялись обстоятельства, существенные для дела. Я думаю, эти вопросы о нордах не имеют отношения к делу.

Я попросил занести заявление прокурора в протокол судебного заседания и просил разрешения суда продолжать опрос свидетеля. Судья предложил свидетелю отвечать на вопросы защитника.

- Существует определенная закономерность, наблюдаемая нами, - ответил свидетель. - У нас сохранились записи наблюдений за последние пять лет. Сила нордов в разные годы различна, но всегда они бывают в июне и заканчивают свое нашествие в Геленджике не позднее 20-21 июня каждого года.

Я попросил свидетеля принести метеорологические записи о нордах в июне за последние пять лет в суд без перерыва судебного заседания.

Прокурор иронически сказал:

- Не понимаю. Только защитник не знает, какие у нас в Геленджике бывают норды. Но если задержки в рассмотрении дела не будет, пускай защитник подробней узнает о наших нордах.

Опрос второго свидетеля, заведующего большой метеорологической станцией в Новороссийске, полностью подтвердил сообщение Геленджика о цикличности июньских нордов.

- Такая их особенность - дуют норды у нас в Геленджике и Новороссийске (отделяемых расстоянием в 32 км) в строго определенное время июня каждый год, но с разной силой. Бывает, что и крыши срывает. Вот в прошлом, 1940 году, был особой силы норд, во второй половине июня.

Метеорологические записи, принесенные синоптиком Геленджика, были оглашены на суде:

"В 1936 г. норд закончился 20 июня. Сила была - 7 баллов".

"В 1937 г. норд закончился 19 июня. Сила была - 3 балла".

"В 1938 г. норд закончился 19 июня. Сила была - 4 балла".

"В 1939 г. норд закончился 19 июня. Сила была - 3 балла".

"В 1940 г. норд закончился 20 июня. Сила была - 10 баллов".

Я попросил разрешения суда задать еще несколько вопросов свидетелю.

- Еще о нордах? - съязвил прокурор. - О них уже справку огласили.

Я попросил судью указать прокурору - не перебивать защитника.

- Расскажите, пожалуйста, свидетель, в Геленджике находится санаторий "Горное солнце"?

Разумеется, я уже там побывал и сам знал, но выяснение этого в суде и запись в протоколе судебного заседания было необходимым звеном для дальнейшего.

Свидетель назвал адрес санатория, объяснил, что самой характерной приметой его является нахождение между морем и гигантской трещиной-щелью за ним в горах. Примерно посередине между Коротким и Длинным мысом - естественными границами Геленджика.

Я попросил судью разрешения задать дополнительные вопросы подсудимому доктору. Прокурор бросил реплику: "После двух дней молчания теперь дополнительные вопросы?"

Судья заметил:

- Это право защитника по закону.

В зале заседания было полно слушателей. Все недоумевающе перешептывались.

- Вы работали в санатории главврачом семь лет. Скажите, и в прошлые годы были летом заболевания многих больных?

- Были, недавно, в 1936 году летом, - после большой паузы ответил доктор.

- Не помните вы, в какой день июня тогда, в 1936 году, началось в санатории это заболевание? Сколько тогда заболело людей? Были ли случаи заболеваний в промежуточные годы - 1937, 1938, 1939?

Доктор ответил:

- Такие случаи были. Сколько и когда - точно не помню.

Я попросил суд обязать работников санатория принести в суд эти сведения. Был объявлен небольшой перерыв.

Прокурор заметно оживился, шутил с молчаливой секретаршей суда и появившимся у него помощником обвинения.

Защитник шеф-повара сказал мне, почти негодуя:

- Мой подзащитный признал на следствии, что случаи заболевания были и в прошлые годы, но зачем об этом напоминать. Они ведь в этом не обвиняются?

Присутствующие на суде уже не скрывали своего раздраженного недовольства мною. Во дворе суда, в саду, громко говорили: "Откуда он приехал? Молчал, молчал. Для чего норды придумал? Теперь еще гробит доктора с выяснением болезни в прошлые годы..."

Заседание суда возобновилось. Из санатория принесли данные за прошлые годы. К большому удовольствию прокурора, огласили:

"В 1936 г. заболело 13 чел. 21 июня".

"В 1937 г. заболело 3 чел. 20 июня".

"В 1938 г. заболело 5 чел. 20 июня".

"В 1939 г. заболело 3 чел. 20 июня".

Я попросил приобщить справку к делу. Прокурор весело заметил:

- Против приобщения таких материалов - не возражаю.

Я просил разрешения суда выяснить у свидетелей, медицинских сестер, старших работников санатория, что все эти заболевания в прошлые годы имели такие же симптомы, как в 1940 г.

У больных также была температура, покраснения на коже (признак желудочного отравления).

Перед закрытием судебного следствия по делу, я попросил разрешения познакомить его с привезенной большой справкой Всесоюзного протозойного института. В наступившей напряженной тишине зачитал ее.

Всесоюзный протозойный институт сообщал, что его экспедицией установлено наличие в районе Геленджика особого вида комара (нигде более в Советском Союзе не встречающегося), укусы которого могут вызвать заболевание с волдырями на коже, температурой и внешними симптомами, очень схожими с желудочными заболеваниями типа отравления. Эти заболевания могут быть длительными до 10-12 суток. Особенностью воздействия этих комаров является то, что они гнездятся, в основном, в большой щели-трещине в горах, находящейся посреди Геленджика, за зданием санатория и появляются оттуда обычно одновременно после стихийных ветров "нордов".

Работа экспедиции института в Геленджике отражена в трудах Всесоюзного протозойного института за 1941 год.

Я привез с собой и сборник трудов института и попросил разрешения суда приобщить его к делу, дающего им право ссылаться на него.

Суд удовлетворил ходатайство и приступил к прениям сторон. Прокурор долго высмеивал "норды", "щели" и "комаров", говорил, что все установлено по делу в процессе следствия, даже шеф-повар признал, что антисанитарное состояние пищеблока имело место, раз не пользовались для разделки рыбы мраморными досками, что подсудимые виновны в халатном отношении к работе, в чем они обвиняются по делу и что было причиной отравления 156 больных в санатории рыбой. Просил назначить меру наказания

подсудимым в меру содеянного, но с учетом их прошлой добросовестной работы в пределах исправительно-трудовых работ, не лишая их свободы.

Защитник шеф-повара говорил о чистосердечном признании вины своим подзащитным, о пренебрежении к мраморным доскам, о многом другом вплоть до благодарностей, полученных им от профсоюзной организации. Просил суд ограничиться условным наказанием для шеф-повара.

Я попросил извинения у суда за то, что придется анализировать обстоятельства дела по существу, не касаясь версии обвинительного заключения, поскольку специальной экспертизы по делу проведено не было.

Никакого отравления рыбой прямо установлено не было. И никакой причинной связи между разделкой рыбы 21 июня 1940 г. в пищеблоке санатория и последующих массовых заболеваниях санатория нет и никакими доказательствами по делу не установлены. Причина заболевания больных - не пищевое отравление. Некоторые внешние симптомы желудочного отравления, наблюдавшиеся у больных, вовсе не доказывают отравления рыбой. Как установлено на суде - такие же симптомы наблюдались у заболевших и в прошлые годы. В том же июне месяце, почти в один и тот же день, когда вовсе могло не быть никакой рыбы в санатории.

Причина заболевания совершенно другая. Каждый год летом в Геленджике дуют норды. Сила их бывает различная, но периодичность постоянна. С удивительной закономерностью, как установлено судом, последние пять лет цикл их действия заканчивался в одно и то же время и в один и тот же день. "Опоздания" прекращения действия нордов на один день - 20 июня 1936 года и 1940 года вызваны, очевидно, тем, что эти годы были високосными. Норды причиняют не только много бедствий в Геленджике, норды загоняют в горы особый вид комаров, обитающих только в Геленджике.

На следующий день после прекращения нордов эти комары выбираются из щелей. Первым на их пути стоит санаторий "Горное солнце", где все годы страдают больные из-за укусов комаров. Цикличность окончания нордов полностью соответствует появлению из большой щели этих комаров.

Количество этих заболеваний примерно соответствует силе нордов. После окончания самого сильного норда за последние пять лет, в 1940 году 20 июня было самое большое количество заболеваний после укуса этих комаров на следующий день - 21 июня.

Именно эта закономерность, невыясненная следствием по делу, объясненная метеорологическими наблюдениями и данными экспедиции Всесоюзного протозойного института, является определяющей по делу.

Причиной заболевания больных являются укусы этих комаров. И это еще подтверждается картиной - симптомами их заболеваний.

Я зачитал выдержку из трудов Всесоюзного протозойного института за 1941 год, незадолго до суда вышедшего из печати сборника, и проанализировал, сравнивая и обобщая с симптомами заболевания больных в санатории по материалам дела.

Все это могло быть установлено следствием-экспертизой, которой не было, а "примитивность" доказательств по версии следствия и в обвинительной речи прокурора - очевидна.

Все это могло быть выяснено в процессе следствия, и должно было быть выяснено.

- Вот почему мой подзащитный по делу главный врач санатория доктор Лозоватский вами должен быть оправдан, - закончил я свои объяснения по делу.

В последнем слове доктор коротко просил оправдать его. В последнем слове шеф-повар длительно просил не снимать его с работы и осудить без реальной меры наказания, ссылаясь на свои профсоюзные заслуги.

...Все ожидали окончания суда. Заметно нервничал прокурор. Казался смущенным адвокат шеф-повара.

Почему-то непосредственно улыбалась молодая секретарь суда. Как всегда строго и немного торжественно звучали слова приговора, оглашенного председательствующим: "Не установлено отравления рыбой... Причина массового заболевания в санатории, установленная судом..." - дальше была обстоятельно изложена метеорологически-протозоидная линия доказательств, представленных мной. - "Халатности в действиях подсудимых по делу, влекущих за собой уголовную ответственность, суд не усматривает..."

Приговором суда оба подсудимых по делу были оправданы.

Пожилой шеф-повар (татарин), когда подошел к нему "поздравить" его защитник, что-то очень резко сказал по-татарски, а потом неожиданно перейдя на русскую речь, громко, при всех, в переполненном зале судебного заседания, в присутствии всего состава суда по-русски обложил "по-матушке" своего защитника.

Судья и заседатели покинули зал заседания. Прокурор ушел, унося свой большой портфель.

Мы шли с взволнованным доктором на почту послать телеграмму его жене. Был чудесный мартовский вечер у моря. В Геленджике распускались почки на деревьях и кое-где уже расцветали мимозы.

Несмотря на возражения доктора я послал телеграмму: "РЫБЫ ПОБЕЖДЕНЫ КОМАРАМИ. ОПРАВДАН".

Телеграфистка долго не могла разобрать текст телеграммы.

Я знал, что жена доктора - судья в Харькове, просившая меня принять защиту доктора в Геленджике, поймет телеграмму...

Позднее прокурор написал протест на оправдательный приговор. Я послал объяснения к его протесту. Протест прокуратура Ставропольского края, изучив дело, не поддержала.

Это было мое предпоследнее до войны выездное дело, кроме регулярных двух в месяц поездок в Москву по делам в коллегиях Верховного Суда Союза и надзорным.

Во время войны доктор был на фронте. Не знаю, был ли отмечен, как на гражданской? Не знаю и судьбы защитника шеф-повара, удалось ли ему после работы судьей, прокурором и адвокатом, сделаться "по признанию" руководителем ансамбля четырех братьев-баянистов?..

ДВА ПОБЕГА

Ответственный дежурный в редакции комсомольской газеты молодой журналист Лившиц, вместе с двумя сотрудниками редакции, был осужден коллегией областного суда к пяти годам лишения свободы каждый. Верховный Суд Украины приговор утвердил.

Факт обвинения был бесспорен, и они его признали. Дело в том, что при ночном дежурстве в редакции был неправильно составлен набор страницы номера газеты. Были перемещены заголовки критической заметки и рисунка. В результате чего над карикатурой оказался ошибочный заголовок, приводивший к антисоветскому смыслу материалы газеты.

Лившиц был очень способный, одаренный человек, заслуженно быстро выдвинувшийся в редакции журналист.

Меньше года прошло с тех пор, как он женился. Жена его была хороша не только непосредственностью и молодостью. В ней было редкое сочетание женского обаяния и юношеского озорства. Лившиц любил свою жену и свою работу.

"Любил" - не то слово, при всей его емкости и значительности. В нем был первый порыв молодости и безрассудность чувства, когда не может быть и не нужно никаких критических оценок и все внутри подчинено первому, новому чувству любви.

Осуждение для него было огромной трагедией - потерей жены и работы. Это казалось большим, чем лишение свободы, утрата доброго имени, друзей, всех прав и возможностей в жизни. Так он написал перед этапом в письме к жене, принесенном его товарищем мне с просьбой принять ведение дела в порядке надзора для смягчения срока наказания Лившица.

Я изучил тоненькую папку материалов его дела. Беседовать с ним мне не пришлось. Лившиц ушел на этап. Прислал письмо жене. Потом переписка прекратилась.

В Москве я докладывал дело Лившица председателю Верховного Суда Союза И. Т. Голякову. Попасть к нему было трудно, принимал он редко, но когда принимал - все подробно читал, задавал вопросы, самостоятельно решал. Читал он мою жалобу внимательно. Дошел до пункта жалобы, где было написано: "На осуждение Лившица могла повлиять неправильная линия защиты, занятая его адвокатом по делу, просившим о смягчении меры наказания (как и другие адвокаты в отношении своих подзащитных), поскольку в действиях, инкриминируемых Лившицу, нет состава преступления, адвокат Лившица должен был ставить вопрос о его оправдании и прекращении дела..."

Председатель Верховного Суда Союза Голяков перевернул листы жалобы, посмотрел, кто ее подписал, увидел мою подпись. Перестал дальше читать жалобу и раздельно медленно спросил:

- А вы понимаете, товарищ адвокат, вашу ответственность при такой постановке вопроса, после решения дела не только судом первой инстанции, но и утверждения приговора Верховным Судом республики?

Я напряженно слушал. Молчал.

- Какие будут последствия для вас, если Верховный Суд Союза не согласится с вашей точкой зрения?

- Исключение из коллегии адвокатов, - ответил я. - Как минимум.

- А как максимум? - жестко спросил Голяков и не услышав ответа, дочитал жалобу.

- Посмотрим дело, - сухо закончил Иван Терентьевич, не задавая больше вопросов и своим крупным, размашистым почерком написал в верхнем углу жалобы: "Истребовать дело".

Почему-то долго дело не поступало в Москву. Пришел второй запрос. Затем дело долго находилось на изучении в Верховном Суде.

...Иван Терентьевич Голяков подписал протест в Пленум Верховного Суда Союза об отмене приговора по делу и определения Верховного Суда Украины и о прекращении дела производством "ввиду отсутствия в действиях осужденных состава преступления".

Пленум Верховного Суда Союза согласился с протестом. Все осужденные подлежали освобождению.

Двое сотрудников редакции вернулись домой. Оба они после утверждения приговора дальше не жаловались.

Не было Лившица, пришлось просить послать вторичный запрос в лагерь на Севере для выполнения постановления пленума Верховного Суда Союза. Через некоторое время пришел ответ из лагеря с сообщением, что Лифшица там нет. Выяснилось, что Лившиц из лагеря бежал.

Позднее я узнал подробности. Оказалось, бежал уже вторично.

В первый раз, на третий день после побега, был пойман с помощью служебных собак и возвращен в лагерь. Должны были судить за побег, но он бежал вторично. Ушел из изолятора, выбравшись через окно ночью, дошел до реки, решил плыть по ней, чтобы уйти от собак. Нашел тонкие сломанные, с отрубленными ветвями, стволы, сделал импровизированный плот, дважды перевязывал стволы в пути и по воде на самодельном плоту, рекой ушел от собак, девять суток чередовал ночное передвижение по реке с пересиживанием днем в лесах, когда с трудом вытаскивал свой плот и прятался в лесной чаще.

Была осень. Питался ягодами. Вернее, голодал. Последние три дня совсем ничего не ел, но тогда уже ехал в товарном поезде, добравшись вечером до железной дороги.

...На двенадцатые сутки, ночью, постучался к парторгу Горьковского автозавода.

Парторг был другом его отца еще со времен гражданской войны. Встретились. Все, без утайки, рассказал ему о себе... Сказал, что не может жить без жены. Просил сообщить ей, вызвать ее. Будущего своего не знал, но и скрываться дальше не хотел. Переночевал у "друга отца". На следующее утро парторг завода сообщил о прибытии Лившица не его жене, а органам. Лившиц был арестован на квартире "друга отца". Вновь тюрьма. Этапы. Возвращение в лагерь.

Бежал Лившиц из лагеря до того, как вышло постановление Пленума Верховного Суда Союза о прекращении его дела производством и освобождении. Администрация лагеря, руководствуясь этим, решила, что беглец не может подлежать освобождению. Лившиц о постановлении Пленума Верховного Суда Союза ничего не ведал...

Узнал я позже, что он готовился к побегу и знал, что будут судить за два неудавшихся побега. Хотел увидеть жену, побыть с ней, потом бы пусть судили за все...

Дважды я обращался в Москву по поводу освобождения Лившица, не зная о его побеге. Когда стало известно, что он бежал, добрался до Горького, откуда его вернули в лагерь, я пошел на прием и.о. прокурора Союза А. Я. Вышинскому. За его подписью была послана телеграмма прокурору края, проводившему надзор за лагерями, расположенными на территории края, о немедленном освобождении Лившица и сообщении прокуратуры Союза о выполнении постановления Пленума Верховного Суда Союза.

Лившица не судили за два побега и он не успел бежать в третий раз. Был освобожден. Первое, что он сделал - послал телеграмму жене за счет скудной суммы, полученной в лагере при освобождении на питание в дороге.

Вернувшись в Харьков, он не застал дома жены...

Полтора года следствия, суда, этапов, побегов, рассмотрения дела в порядке надзора в Москве, путаницы с местом нахождения его в лагере, переписки об освобождении, оказались достаточными, чтобы его молодая жена - женщина, напоминавшая точеную фарфоровую статуэтку, ушла к другому человеку, который был значительно старше ее. Ушла от огромного первого чувства молодости, не боявшегося погони, собак, последствий побега, к ней, из-за нее...

Я не видел в этот период Лившица. Его друзья и родители рассказывали мне, что он пережил уход жены труднее, чем первый арест и приговор суда.

Позже я узнал, что он оказался в неврологической клинике в "трудной" палате.

В начале войны с финнами Лившиц бежал из клиники, ушел добровольцем на войну. Как после говорил мне: "Ушел от самого себя".

Был в разведке. Не щадил жизни. Отказался работать корреспондентом. Стремился к самым рискованным заданиям. Остался жив.

Вернулся с орденом Красной Звезды.

Мы встретились с ним впервые после окончания финской кампании. Лившиц вернулся на работу в редакцию комсомольской газеты.

О себе говорил: "Я теперь другой, взрослый".

О жене молчал. Несомненно было, что после всего пережитого неистребимое чувство в нем сохранилось.

Лившиц по-прежнему любил свою работу. Был верен ей. Работал много и ярко. Любил жизнь. Был очень прям, до резкости. Говорил: "Ненавижу несправедливость, буду писать все о ней, чтобы люди не страдали из-за других, мешающих жить"...

О многом мы говорили с ним. Был он очень правдивый и цельный.

Последующие два года напряженно работал журналистом. Много ездил, писал. Работе отдавал всего себя. Его вновь отмечали. Перешел к "большой теме". Писал книгу о времени, в котором жил, о своих сверстниках, о радостях жизни...

22 июня 1941 года в первый день войны, имея бронь редакции, пошел на призывной пункт, просил направить в армию.

Снова ушел в разведку...

После освобождения Харькова я встретил сестру Лившица. Она показала мне газету. Лившиц был снова награжден. Это был его второй боевой орден за храбрость в разведке.

В Харьков не вернулся. После войны работал в редакции газеты в Эстонии журналистом.

...Это - короткие страницы об одном судебном деле, и о неразделенном чувстве - первой, настоящей любви, наполнявшей всю жизнь.

БАБКА ПРЯДЧИХА

На измятом, разорванном куске бумаги крупными неграмотными каракулями были написаны четыре фамилии известных в городе врачей и - фамилия молодого, никому еще не известного в городе защитника.

Этот клочок бумаги принесла в юридическую консультацию весной 1930 г. молодая женщина. Просила молодого защитника принять дело ее тетки - "бабки Прядчихи". Это была уличная кличка. Фамилия ее была другой. Каракули написала сама бабушка Прядчиха. Она же просила всех четырех врачей вызвать свидетелями по ее делу. Бабушка Прядчиха обвинялась в знахарстве - квалифицированном мошенничестве.

Известные в городе врачи должны были подтвердить, как передала бабушка Прядчиха, что они лечились у нее сами, или лечили своих детей. Лечились успешно.

Я принял дело. Только был очень удивлен обращением ко мне. Я тогда был совсем молод. Первый год работал в коллегии. Дела проводил по ордеру - бесплатные защиты по назначению.

Позже, подробно ознакомившись с делом, я беседовал с бабушкой Прядчихой. Она объяснила - узнала, мол, о тебе, что самый молодой из всех. Значит еще прямой, не испорченный.

Удивление "самого молодого" защитника еще больше усилилось. Тогда имя бабушки Прядчихи широко гремело в городе. К ней шел крестный ход за "врачеванием". Она могла выбрать любого известного, опытного защитника. Еще она добавила:

- Ты делай все, что полагается по закону. Обо мне, кто лечился - плохо не скажут. А эти, - она напомнила фамилии известных врачей, записанных ею как свидетелей, - должны правду сказать, как детей лечили у меня или сами бывали.

И добродушно, открыто улыбалась. Она подбадривала меня, а не я ее. Была она большая, очень грузная, с глазами умными, пытливыми. Была глуховата. Говорила громко, голосом резким, высоким. Смотрела на человека прямо, в упор, была очень доброй. Бывают такие простые пожилые женщины...

Жила бабка Прядчиха около станции Водяное под Люботином, где и "врачевала".

Искусству этому научилась у своей матери и своей бабки, которые тоже лечили. Так что это было наследственным, в роду.

Жила в небольшом домике с племянницей и еще какими-то родственниками. Вокруг домика был сад. Одно дерево росло на меже с соседями. Из-за дерева и межи с соседями были распри. Начались еще при Прядчихиной бабушке, продолжались и при ее матери. При ней самой склоки усилились. Так что распри были тоже родовыми - двух родов соседей по меже. И заборчик соседи переставляли, и дерево хотели срубить. И писали о бабке Прядчихе "куда надо", что "она занимается знахарством в советское время и людей калечит"...

И - добились возбуждения против нее уголовного дела. Хотели сразу посадить, но бабка Прядчиха сама хворала, - оставили дома под подписку о невыезде. И все из-за межи - полоски шириной меньше метра, точнее - в аршин, с одним старым деревом, которое давно не давало плодов.

И еще, может быть, из зависти. Зависть была большая, лютая. Слишком много к бабке Прядчихе приезжало и приходило людей разных. Слишком слава большая пошла. При ее матери и бабушке из других городов не приезжали. "К ней едут, а она калечит, - надо упечь"...

И прокуратура начала "дело". Папка его была толстой. Распухла от допросов бабки Прядчихи и двадцати восьми свидетелей, длинного акта заключений семи судебных экспертов и многих других материалов, прямого отношения к "злосчастному знахарству" бабки Прядчихи не имеющих.

Бабка Прядчиха следователю говорила: "Никому не отказывала. Всех принимала, а лечила тех, кто под мое лечение подходит. Как лечила, спросите людей. Вины своей никакой не признаю. Налоги платила исправно. Никого не калечила. Наговорить на всех можно".

Говорила: "Все из-за межи пошло". Но этого не записали.

Показания свидетелей были различны. И допрошенные люди были разными, не все могли объективно подойти к происшедшему. И разное было у них отношение к самому факту допроса. У некоторых было волнение - впервые ведь вызывали. У других - опасение: "Говорят, других покалечила, хорошо, что со мной было иначе". У третьих - просто страх: "Других калечила и меня вызывают - зачем к бабке ходила? Еще и мне отвечать придется".

Были и иные показания. Видно, люди проявляли настойчивость у следователя, чтобы прямо было записано: "Ходила, лечила дочку, только она и помогла". Таких было мало -

лишь два свидетельских показания. Но не было ни одного от "покалеченных" или о "покалеченных" детях. О таких было только записано: "Слыхала... потом мне говорили... как будто было такое у кого-то, я лично не знаю". Словом, все с чужих слов.

Но допрошено было двадцать восемь человек. Все они ходили и приезжали к бабке Прядчихе. Всех, или детей их, она лечила настойками каких-то трав на водке, а может быть еще на чем-то? Значит, она была знахаркой и никакого у нее права не было лечить.

И эти опрошенные двадцать восемь человек были, если собрать их всех вместе, у бабки Прядчихи, может быть только за один день ее приема, а она ведь принимала каждый день (кроме воскресений) уже сколько лет... Могло быть, других покалечила?...

Словом, по делу бабки Прядчихи была назначена солидная, тщательная экспертиза.

При обыске в доме бабки Прядчихи были обнаружены многочисленные поллитровые бутылки с какими-то жидкостями разного цвета и много различных сухих трав и корней. Еще больше было обнаружено на чердаке. Там сушилось множество пучков различных трав, веток кустарника и корней, подвешенных к балкам под крышей, как было записано в акте обыска (просто целый аптечный склад), как показывал один из понятых при обыске, тоже лечившийся раньше у бабки Прядчихи.

Сама бабка Прядчиха подтверждала: "Ежегодно мне искали травки и находили корни цветов и растений бесплатно родственники и другие за мою оплату. Искали мне то, что я их просила и показывала, что нужно найти. Я сушила, потом очищала, резала, смотрела примерно по весу, я сама приготавливала". Все обнаруженное при обыске было опечатано и изъято. Образцы пучков всех найденных трав, корней, ветвей с засушенными корнями и плодами и поллитровые бутылки с жидкостью разного цвета были направлены в институт судебной экспертизы на исследование.

Находившийся в деле акт судебно-медицинской экспертизы устанавливал: "Все травы, корни, плоды и цветы кустарника, в количестве тридцати четырех видов (были подробно перечислены названия) - известны в медицинской практике, настойки их в различном сочетании производились на чистой водке. Других (кроме водки), жидкостей, применявшихся при изготовлении настоек, не обнаружено".

Акт был подписан семью работниками института, принимавшими участие в исследовании тридцати четырех образцов, применяемых "при знахарстве бабки Прядчихи".

Были в деле еще материалы, плохо характеризующие бабку Прядчиху. Справка поселкового совета: "Нигде не работает. Занимается знахарством. Не прекращает его, несмотря на все предупреждения и принимаемые нами меры".

Фигурировало еще два заявления, поданные в разные инстанции одной соседкой (их было много больше, но в деле оказалось только два). Дело было передано на рассмотрение в городской суд - в 1930 г. в городе все участки нарсуда были объединены в единый горсуд.

Председателем суда была назначена член горсуда Терк. Она окончила юридический факультет, недолго была на судебной работе, но успела себя зарекомендовать, как "знающий, опытный судья". Слушатели судебных процессов, проходивших под ее председательством, добавляли: "и очень строгий".

Заседателями были, как потом выяснилось, мастер завода и учительница, не первый раз принимавшие участие в судебных заседаниях.

Горсуд слушал дело по обвинению бабки Прядчихи по статье 180 УК УССР, по действующему тогда Уголовному кодексу, при огромном стечении публики. Сравнительно большой зал заседаний не мог вместить всех желавших послушать дело широко известной бабки-"знахарки" из Водяного.

Ходили, как всегда, перед судом и в перерывах между заседаниями разные слухи, размышления, предположения.

И до сих пор среди публики, присутствующей на судебных процессах, кроме вызванных свидетелей, родственников, друзей подсудимых, существует еще категория "завсегдаев" судебных разбирательств, особенно "громких" дел и "сенсационных процессов", - категория слушателей, заранее "все знающих": "Раз обвинительное заключение прочитали, так и в тюрьму". "Сколько денег получала, теперь все заберут".

Эта категория ходит в суд, как на спектакль. Даже слушанье дела для них представляется занимательной инсценировкой, ведь в действительности для любого привлекаемого по делу в качестве подсудимого - большое нервное испытание, независимо от исхода дела.

Судья прочитала обвинительное заключение.

Бабка Прядчиха сидела грузная, несколько наклонившись вперед, чтобы лучше слышать. Казалось она совсем далека от происходящего, в своем домашнем будничном платье и простом платке.

Виновной она себя не признала. На предложение председательницы судебного заседания дать объяснение по существу обвинения, ответила:

- Пояснять мне нечего. Пусть другие скажут. Я лечила, как могла, старалась людям добро делать.

Так же просто отвечала и прокурору.

Свидетели явились все, вызывались по очереди, подходили к судейскому столу, председательствующая предупреждала об ответственности за дачу ложных показаний. Отвечали на вопрос: "Что знаете по делу?"

Из их ответов вырисовывалась полная картина приемов у бабки Прядчихи.

Приходящих бабка Прядчиха не осматривала. Но жалобам на болезнь не верила. Объяснений "что внутри болит", "где болит" - не слушала. Требовала: "Ты мне диагнозу дай, что врач установил. Диагноза - дело ученое. На то, чтобы установить ее - на врача учат, а я только лечить буду".

Просила пришедшего прочесть "диагнозу". Если пришедший сам прочитать не мог, приглашала свою молодую племянницу читать, - "она на доктора учиться будет".

Узнав "диагнозу" решала: будет лечить или нет.

Если была "диагноза" - костный туберкулез, СА (рак значит), еще ряд болезней, говорила непреклонно: "Лечить не могу", отказывала.

Туберкулез легких, язвы желудка, двенадцатиперстной кишки, заболевание печени, почек, и еще многие другие, накожные болезни, экземы, лишай, лечить бралась. При тех болезнях, что соглашалась лечить - расспрашивала: "Как давно почувствовал болезнь? Что уже применял?" Задавала уточняющие вопросы.

Сколько ни бывало у нее ожидающих приема, никогда не торопилась.

Говорила и делала все не суетно, размеренно, обстоятельно. Только если показывали запущенный лишай, или экзему сухую, или мокрую, сердилась: что так "запустили" и "диагнозы" не требовала. Сразу бралась лечить.

Находила у себя пучочки сухих трав, корней растений и давала их пришедшему - "принятому на лечение". Говорила, что нужно настоять. Устанавливала, какую меру, на каком количестве водки, сколько времени настаивать, определяла дозы и частоту приема.

Чаще давала уже настоенное на водке готовое средство. Тогда ограничивалась четкими указаниями, как часто и поскольку принимать, когда прийти на повторный прием.

Требовала от всех принести запечатанную бутылку водки. Это знали и в обмен на "полученное средство" отдавали свою водку.

Денег для платы за лечение никому, никогда не назначала. Никаких переговоров о плате не вела, независимо от длительности, срока лечения и количества приходов к ней.

Студентов, сирот, инвалидов и еще многих - сама устанавливала "кого", - лечила бесплатно. Если они приносили ей деньги или подарки - сердилась. Если сразу не понимали и настаивали, чтобы она приняла - могла крепко отчитать и выругать. Бабка Прядчиха в обращении неторопливая, но резкая, очень прямая, как свидетели говорили - "независимая" была.

Все двадцать восемь свидетелей на суде говорили разными словами, некоторые боялись вопросов, волновались, меньше было спокойного, простого рассказа - "как было". Но все подтверждали, особенно при моих уточняющих вопросах, "что лечение бабки Прядчихи им или их детям, помогло".

Говорили, что язву желудка и двенадцатиперстной кишки бабка вылечила полностью и они уже давно забыли о болях, и результаты лечения лишаев и экземы показывали наглядно - ничего не было на месте заболевания.

Случаев "покалеченных" бабкой Прядчихой среди свидетелей не было. Никто из опрошенных на протяжении двух дней судебных заседаний не показал ни единого известного ему факта "покалеченности".

При перекрестном допросе свидетелей, при всех, растворились общие фразы, записанные в протоколе допроса некоторых опрошенных на следствии: "Говорили, что других покалечила..."

Председательствующая на суде всех свидетелей твердо и настойчиво переспрашивала, однако никто не сказал о вреде от полученного "средства" бабки Прядчихи. Большинство

свидетелей подтвердили пользу лечения, были и уклонившиеся от прямого ответа, как и у следователя говорили - "лечились, а какое лечение помогло - не знаю..."

Когда я подсчитал, скольким же помогла бабка Прядчиха, по показаниям живых, прошедших перед судом людей, оказалось - вместо двух записанных в протоколах следствия показаний "Только она и помогла", суд услышал такое же от восемнадцати человек.

Последним допрашивали врача, известного в городе. Бабка Прядчиха в вызове врача для свидетельства, что, мол, "должны правду рассказать" - ошиблась. Трое из врачей, получивших повестки в судебное заседание не явились, предпочли уплатить штраф за неявку. Четвертый, явившийся по вызову суда врач, чувствовал себя при допросе в судебном заседании неудобно и крайне нервничал:

- Это не я, а жена, возила нашу дочь в Водяное. У дочери была экзема и ее долго прежде лечили в дерматологическом институте.

Я спросил:

- Зачем же было ездить в Водяное после лечения в институте? Ведь вылечили в институте?

Врач долго молчал, потом ответил:

- Прямого улучшения после лечения в институте не было.

- А после лечения в Водяном?

Вновь долго молчал врач, и впервые за два дня заседаний была нарушена тишина, стоявшая в зале, поднявшимся шумом на скамьях слушателей.

- Было ли улучшение у вашей дочери после того, как лечили экзему средством, полученным в Водяном? Вы применяли это средство?

- Применяли, но не я, а жена, - ответил врач.

- А улучшение у дочери было?

После большой паузы:

- Было...

Вмешалась председательствующая:

- Значит, применение средства, полученного в Водяном, помогло вашей дочери?

- Не знаю, что ей помогло, - ответил врач. - Может быть, помогло предшествующее лечение в институте.

О том, что именно помогло и как помогло, не могли ответить присутствующие в суде судебно-медицинские эксперты. Они подтвердили имеющиеся в деле заключения экспертизы. Объяснили, что средства, применяемые бабкой Прядчихой, состояли из

известных медицине трав, кореньев в разных сочетаниях и дозировке, настоянных на водке. Прочли большую лекцию о применявшихся в медицине травах. Ничего не сказали о пользе применения средств бабки Прядчихи.

На постановленные судьей многочисленные вопросы ответили: "Случаев вредных последствий в применениях этих средств по материалам дела не установлено".

Каких либо иных применявшихся средств, кроме настоек трав, кореньев на водке, и по показаниям свидетелей на суде также не было установлено.

Ответить на вопросы о механизме действия именно этих, известных медицине тридцати четырех видов трав и кореньев в сочетании и дозировке, применяемых при настойке их на водке для лечения именно тех болезней, которые соглашалась лечить бабка Прядчиха, эксперты отказались: "Ответ требует специального изучения и совместной работы судебной экспертизы и клиник при определении об этом суда и согласовании с Наркомздравом".

Прокурор поддерживал обвинение по делу: "Применение средств лечения, неиспользуемых в действующей медицинской практике, лицом, не имеющим право на лечение, невежественной бабки в Водяном, "является знахарством". Получение денег и подарков за "лечение", является квалифицированным мошенничеством".

Речь прокурора была недостаточно аргументированной, но горячей и громкой. Когда после нее был объявлен перерыв, бабка Прядчиха сказала мне:

- Лучше б он пришел лишай свой вылечить. Вон, какой лишай на руке у него...

Это было сказано о прокуроре.

Слово было предоставлено мне:

- Нельзя наказывать человека, если он делал добро и не делал никакого вреда. Отсутствие вреда установила судебная экспертиза и все материалы дела. О полученной пользе говорили почти все допрошенные свидетели. Те же, кто не подтвердил прямо пользу, ничего не показали о вреде для них, их детей, или чужих, о плохом результате лечения, известного им. Восемнадцать из двадцати восьми выслушанных вами людей правдиво рассказали о пользе лечения, примененными ими средствами от ряда болезней, полученными от бабки Прядчихи. Вы знаете, что она отказывалась лечить многие болезни. Я не знаю, как и эксперты, - какое количество из двадцати восьми больных при этих же болезнях успешно лечат наши врачи? Бабка Прядчиха вылечила только восемнадцать больных из двадцати восьми. Жалею, что следствие не опросило и не проверило не двадцать восемь, а двести восемьдесят больных. Стоило проверить.

Разумеется, я не думаю сравнивать применение народных средств бабкой Прядчихой со всеми достижениями современной медицины.

Бабка Прядчиха лечила только некоторые болезни, проверенной на протяжении десятилетия настойкой из тридцати четырех видов разных трав и кореньев, известных медицине, как установили эксперты, настоянных на водке. Все дело в сочетании этих видов трав и кореньев растений, их дозировке и воздействии их на организм для лечения определенных болезней. Если вы согласитесь, что при применении этих средств были добрые результаты, вы вынесете определение по делу о целесообразности в дальнейшем

углубленного изучения этих средств для расширенного применения их в медицинской практике, чтобы увеличить добрые результаты лечения.

Установленное на суде отсутствие вреда снимает всякую уголовную ответственность в действиях подсудимых. Никаких наговоров, заклинаний, "колдовства" бабка Прядчиха не применяла, - "знахарством" не занималась. Применяла только строго материалистический, проверенный метод лечения лекарственными средствами, и, как выяснилось, "делала людям добро".

О "материалистическом методе лечения" малограмотной бабки Прядчихи я сказал в порыве протеста против бездоказательных утверждений прокурора. Это могло быть излишним в большой аудитории судебного процесса. Защитник в своем выступлении должен воспитывать присутствующих, помогая суду так же, как и прокурор, речь его должна быть доказательно-убедительной.

Я еще не имел необходимого опыта, был горд, резок, прям. Но заседатели и судья слушали меня внимательно.

Бабка Прядчиха в последнем слове сказала коротко:

- Судить меня не за что. Надо было еще других спросить обо мне. Все бы сказали о пользе лечения... - и тяжело села, не договорив.

В душе волновалась, стараясь все время не показывать виду, ведь была на суде. Судили ее.

"Именем республики" бабка Прядчиха приговором суда была оправдана. Суд в пространном приговоре исходил из заключения экспертизы и показаний свидетелей, не подтвердивших какого-либо вреда от применявшихся средств лечения.

Частного определения суда о целесообразности проверки и изучения применявшихся сочетаний трав, настоянных на водке, врачами в клинических условиях - не было.

Перед уходом из суда бабка Прядчиха подошла ко мне, пригласила к себе: "если кому у тебя, что понадобится с хворью"...

Предложила:

- А тому скажи - пускай приедет свой лишай вылечит. Зачем с таким в суд ходить.

Тому - прокурору, значит.

Бабка Прядчиха в свое лечение верила, знала пользу его. Знали и люди. Какое-то время после суда она никого не принимала.

Потом опять возобновился поток приезжих, очереди к ней. Около небольшого домика в Водяном, у бабки Прядчихи, собирались массы людей. Таких приемов не знали в большом Харькове, тогдашней столице Украины, крупнейшие специалисты, "медицинские светила" и известные гомеопаты.

А зависть соседей и раздоры из-за недлинной полоски земли, шириной в аршин, с бесплодным одним деревом, на полоске по меже, продолжалась...

Старая соседка, не получившая "своей межи", лишенная "своего дерева" на границе участков и возможности прекратить очереди больных, приезжавших из других городов и дальних сел, продолжала злобствовать и продолжала писать в разные инстанции.

Дважды еще в 1933 и 1934 годах заявления попадали в прокуратуру, но дело не возбуждалось, или возбужденное было прекращено до суда.

Бабка Прядчиха, кроме многих других, вылечила от экземы детей двух тогда самых важных в столице Украины чиновников...

Ученый совет Наркомздрава Украины выдал бабке Прядчихе удостоверение на право заниматься лечением определенных болезней.

Эту красиво оформленную бумагу, подписанную председателем ученого совета Наркомздрава Украины профессором И. И. Файншмидтом, бабка Прядчиха повесила у себя над кроватью.

Первое дело, принятое по "персональному обращению" бабки Прядчихи после ее оправдания, привело к значительному увеличению моей практики. Бывали у меня с записками, написанными тоже каракулями - "Приходи к тому, кто защитил бабку Прядчиху"...

К бабке Прядчихе я не ездил и лечиться к ней никого не направлял. Многим ученым мужам рассказывал о применяемых ею средствах. Спрашивал, не стоило ли их проверить и испытать в медицинских клинических условиях и широко применять, если подтвердится разумность и польза.

Все слушали. Соглашались. Не выполняли.

...В 1936 г., в декабре, я лежал во Всеукраинском институте с открытым туберкулезом легких. Директором тубинститута был тогда профессор Файншмидт И. И. В институте мне наложили пневмоторакс, анализы палочек уже не показывали, было разрешено выходить из палаты, спускаться лифтом на свидания.

В одно воскресенье я сидел со своей мамой и товарищами по работе. В открытую дверь вошел высокий старик в тулупе. Спросил:

- Кто здесь Петрович?

Все молчали. Он переспросил:

- Петрович есть здесь?

Никто не отвечал, все были заняты своими беседами. Когда остановившийся в дверях старик в третий раз переспросил: "Так, значит, Петровича здесь нет?" - я вспомнил, что иногда меня подзащитные называли "Петровичем" и ответил старику:

- А что, может быть, это я?

Старик в тулупе подошел к столику, сердито сказал:

- Вот ты какой, значит, зазнался, а бабка Прядчиха, помнишь ее, говорила мне, что совсем другой. Она узнала о твоей болезни, сердешный, сказала, туберкулеза у тебя. Надо лечить. Прислала тебе... - И вытащил из-за пазухи два бумажных кулечка. - Она сказала, что нужно настоять на водке и принимать трижды в день. И еще сказала, если у тебя водки не будет, так она тебе пришлет. Привет тебе передавала. Если водка нужна, ты скажи, а то ведь дохтура тебя залечить могут.

Я поблагодарил. От водки отказался. Сказал, что не нужно беспокоить бабку Прядчиху, просил передать ей, что тронут ее заботой, узнал о ее здоровье. В это время в комнату вошли дежурная медсестра и еще кто-то из института, случайно пропустившие без раздевания и белого халата, старика в тулупе. В институте были строгие порядки. Посетитель в тулупе - это было ЧП.

Когда старика увели, мама спросила меня:

- Ты будешь принимать это? Оставить тебе?

В мешочках были принесены какие-то сухие травы и корни. Лечение в институте проходило успешно. Каверна была зажата. Палочек Коха не было. Я ответил, что применение средств бабки Прядчихи в это время было уже нецелесообразно. Думаю, что до института, при обнаружении у меня легочного туберкулеза я, соглашавшийся на жир барсука и собаки, конечно, принимал бы настойку бабки Прядчихи.

Вернувшись в свою палату, я рассказал о бабке Прядчихе своему соседу по палате. Это был пожилой человек, заместитель по научной части большого научно-исследовательского института, у него был горловой туберкулезный процесс. Лежал он, ожидая операции. Он внимательно выслушал, серьезно сказал:

- Я сам мог дать свидетельские показания о бабке Прядчихе. Ведь она лечила мою дочь, когда дочь заболела экземой, и никто из врачей не мог помочь. Жена свезла ее к бабке Прядчихе. Она и вылечила. Только она. Врачи не верили. Вы не улыбайтесь. Вы еще молоды. Я вдвое старше вас. Когда у меня снова открылся процесс, я узнавал о бабке Прядчихе, но она туберкулез горла не лечит, а легочный, как у вас, лечит и успешно. Мы просто отмахиваемся от многого в народной медицине.

Я выздоровел. Средство бабки Прядчихи не понадобилось. Бабка Прядчиха была добрым человеком, заставила свою племянницу учиться и окончить мединститут, продолжала бесплатно лечить многих, делала большие пожертвования для испанских детей-сирот, прибывших на Украину. Умерла в 1939 году. Хоронили ее с двумя оркестрами. Один был от железнодорожников из Люботина, другой - сводный: от пожарных частей, милиции и любителей.

Не знаю, сохранилось ли одинокое дерево, не дававшее плодов на меже, прекратились ли жалобы во все инстанции из-за него после смерти соседки, не знаю. В домике бабки Прядчихи в переустроенном и расширенном, принимала ее племянница, перенявшая многое от бабки Прядчихи. Она окончила медицинский факультет, имеет диплом врача, право законно заниматься врачеванием.

Говорили, однако, что много у нее получалось не так успешно, совсем не так, как это было у бабки Прядчихи...

"ТОВАРИЩИ СУДЬИ"

Камера суда на окраине города в конце Ключковской улицы. Небольшой "зал судебных заседаний". Украшающий зал фикус в кадке с пыльными, невымытыми листьями, какие-то засохшие цветы на окне с паутиной.

Стол, накрытый вылинявшей дырявой красной скатертью, обветшавшие три кресла для состава суда, издающие непонятные звуки, когда в них садятся, разномастные потертые стулья для присутствующих.

Нечего греха таить - в начале тридцатых годов, даже в столице Украины, камеры народных судов нередко ютились в совершенно непригодных помещениях, душных, неухоженных, не создающих авторитета правосудию и не укрепляя его уважения.

В "зале" несколько - легко пересчитать - любопытных представителей категории любителей бесплатных "зрелищ" и слушателей "судебных заседаний". Были и свидетели, не вмешивавшиеся в происходившие на их глазах на протяжении ряда лет, теперь ожидавшие приговора для соседей.

Слушалось "обычное дело частного обвинения" - о нанесении побоев и оскорблении соседей в коммунальной квартире.

Все было обычным в этой небольшой комнате - судебном зале, и публика, блистательно описанная Михаилом Зощенко, и кажущаяся безучастность секретаря после команды "Встать, суд идет!". Вся атмосфера судебного заседания была до нудного обычна. И это казалось непонятным мне, молодому защитнику обвиняемых, у которого был еще довольно небольшой жизненный опыт и совсем маленький юридический.

Принятое дело было моим первым "по соглашению", и я продолжал недоумевать: "Зачем по такому ничтожному, заурядному делу участие защиты?", но чувствовал: только что-то совсем необычное для суда, может вывести всех, и прежде всего суд, из обычного спокойствия, а это было необходимо в интересах подзащитных.

В нанесении побоев и оскорблении обвинялись двое супругов: глубоко пожилой, высокий, очень нервный преподаватель пения и его жена в допотопном костюме с остатками меховой оторочки, казавшейся смешной, т. к. большинство волосиков меха вылезли и местами воротничок казался вытертой голой шкуркой на фоне неправдоподобно красных пятен, появлявшихся на ее лице чуть ли не при каждом вопросе, обращенном к ее мужу и к ней.

Она была аккомпаниатором, в прошлом учительницей музыки. Она призналась своему защитнику: "Все это - и суд, и все происходящее ранее годами - стыдно, непередаваемо стыдно!"...

...В небольшом одноэтажном доме по улице Ключковской было немного комнат и множество соседей. Не всем нравились уроки пения и, возможно, всех раздражали бесконечные гаммы, повторяемые в угловой комнате, занимаемой немолодой четой, для которой уроки были одним источником существования, а музыка - непонятной для многих радостью, облегчавшей болезнь, неминуемые в такие преклонные годы.

Хозяева угловой комнаты старательно завешивали свою дверь старым пледом и войлочной дорожкой, закрывали щель внизу под дверью, заботливо и аккуратно заглушая все звуки из своей комнаты. Они были деликатны и заботливы, эти смешные

интеллигентные люди и оказались ... обвиненными другими соседями. Других не только раздражала музыка, другие не знали настоящих радостей в жизни, кроме удовлетворения от еды и питья. Им казалось радостью в их повседневной, утомительно однообразной жизни, сделавшейся привычной, как смена дня и ночи, травля четы старых педагогов.

Изошренная выдумка не чужда человеческому примитиву.

Настойчивая повторяемость, вызывающая человеческую боль, страдания, иногда только радует некоторых людей. Двое соседей, гораздо моложе, значительно обеспеченнее, легче живущие в быту, придумывали все новые гадости пожилым педагогам.

Началось с простого - подбрасывали в открывающуюся по утрам для проветривания угловой комнаты дверь дохлых мышат. Это не могло продолжаться долго - просто не было нужного количества мышат.

Гораздо легче применить более надежное средство - регулярно, скажем, через день, на общей кухне подсыпать в пищу соседям из угловой комнаты просеянную золу или обыкновенную соль в большом количестве - отравиться не смогут, а помнить будут и на следующий день. Наверняка действует и хорошо продуманная система подвешивания прищепок для белья, укрепленных на двух веревках под открывающееся окно во двор из угловой комнаты. Но это ведь, применимо только в летний период, а в остальное время безотказно действуют обычные ночные горшки, поставленные под дверь угловой комнаты, открывающуюся наружу.

Это продолжалось несколько лет. Не помогали просьбы, иногда "интеллигентские" мольбы. Преподавателей музыки и пения систематически мучили и травили соседи, они - придумывавшие все новые и новые забавы.

Однажды, когда выходящий из угловой комнаты ученик, открыв дверь попал в воду, заполнившую коридор из перевернутого таза, поставленного, как бывало прежде, под дверь, вышедшая за мальчиком учительница необычно громко отчитала обрадованных очередным успехом своих "шутков" соседей, сказала им в сердцах:

- Вы - просто дряни!

Услышавший шум в коридоре и плач своего ученика-мальчугана, выбежавший из комнаты старый учитель пения, выхватил у него футляр с нотами и в присутствии других жильцов, молчаливо наблюдавших, неистово стукнул по голове "молодого" затейника, помогавшего своей жене не только устанавливать таз под дверь, но и устраивать все остальные пакости...

...В заявлении в суд, кроме обвинения в оскорблении, кроме упомянутой фразы "Вы - просто дряни", было написано о нанесенных побоях, без указания, правда, что... картонной нотной папкой.

Чета обвиняемых виновными себя признали и в нанесении оскорбления, добавив только: "Это же - правда", и в нанесении удара по голове картонным футляром с нотами. Полностью подтвердилась и вся предшествующая неправдоподобно-мрачная атмосфера жизни в общей квартире.

Слово защиты было предоставлено мне.

- Товарищи судьи! - обратился я к составу суда. - Товарищи судьи, - повторил я, несколько меня интонацию. - Товарищи судьи... - вновь повторил еще тише и, сделав паузу продолжал: - Товарищи судьи! -

И снова задумчиво и тихо:

- Товарищи судьи...

Члены суда, казалось, совершенно безучастные во время допроса, непонимающе переглянулись, а молодая секретарша, волнуясь за еще более молодого защитника, подошла к графину с водой, стоявшему на засиженной мухами рваной старой скатерти, и поставила мне стакан с водой. Рука ее дрожала.

- Товарищи судьи, - по возможности меня интонацию, продолжал я, - Товарищи судьи!..

Тут уже не выдержал пожилой судья, приподнявшись в своем, издававшем непонятные звуки, стареньком кресле, строго сказал:

- Да начинайте же свою речь, товарищ защитник!

Я вновь продолжал:

- Товарищи судьи... товарищи судьи, - изменяя только длину пауз, понижая или повышая голос. - Товарищи судьи!

Тут судья встал и крепко схватился обеими руками за стол. Заседательницы несколько раз переменили позы и выражения лиц. Более молодая была опечалена, а лицо пожилой сделалось страдальчески скорбным. Она уже просто жалела меня, молодого защитника.

Присутствовавшие в зале недоумевали, кто-то сочувственно перешептывался, а кто-то начал откашливаться, помогая неудачнику-защитнику. Секретарша как будто окаменела, только мелкая дрожь продолжалась в ее руке, принесшей мне воду...

- Товарищи судьи... Товарищи судьи!!!

Судья наклонился над столом. Он казался очень возмущенным и грозным:

- Начинайте свою речь, товарищ защитник, или я лишу вас слова!

Заседательницы заметно волновались. В зале заседания слышался невнятный шум.

- Товарищи судьи...

На лице председательствующего, выдавшего разное в судебных заседаниях, начали меняться краски...

- Товарищи судьи!..

Когда волнение в зале перешло в страсти и страсти накалились, я тихим голосом спокойно начал:

- Товарищи судьи! Вы видите, как простые слова, произнесенные более десяти раз подряд, могут вызвать вполне объяснимые досаду, волнение, беспокойство, даже возмущение, а что должны были испытывать эти старые педагоги повседневно видевшие, ощущавшие, переносившие ВСЕ, что вы здесь узнали...

...Что происходило при молчаливом невмешательстве других соседей, жильцов в общей квартире, будущих свидетелей по делу. По велению закона, рассказавших здесь, в суде, правду о гнусной длительной травле обвиняемых, ожидающих, чтобы вы поняли, как заслуженно было полученное оскорбление возбуждившими это дело, и удар по голове картонной папкой для нот, и что вы должны отразить в своем оправдательном приговоре.

По совести, надо было бы судить возбуждивших это дело чтобы им было не только стыдно...

...Обвиняемые были оправданы. Но суд возбудил дисциплинарное преследование против меня, требуя взыскания за: "Повторение им более десяти раз двух слов - "Товарищи судьи" и за такое отношение его к суду".

Позднее преследование было прекращено Президиумом коллегии защитников. В моих действиях не было признано "оскорбления суда". Дело это слушалось в начале 1930 г. Это была моя пятая защита в суде по уголовному делу.

КТО УБИЛ?

Этот казус по судебному делу произошел у меня в самом начале практики.

Я получил ордер на защиту по делу об умышленном убийстве. Ознакомился с делом в суде.

Поздней осенью 1930 года в пруду за городом был обнаружен труп мужчины. Проведенной судебно-медицинской экспертизой было установлено: "Смерть при явлениях асфиксии наступила в результате удушения... Была вызвана насильственными действиями".

На шее мужчины была оборванная веревка, затянутая петлей.

Убитый опознан не был. Никаких заявлений об исчезновении человека ни от кого не поступало. Никаких свидетелей убийства найти не удалось. Только двое малолетних детей из дома, находившегося на расстоянии пятисот метров от пруда, игравших накануне вечером около пруда, были опрошены милицией и показали одинаково:

- Мы слышали чей то крик, когда играли возле пруда, кто-то кричал, как будто с противоположной стороны пруда. Мы пошли туда вдвоем. Там никого не было.

Пруд был большой, заросший тиной, окруженный старыми ивами со всех сторон. В пруду никто давно не купался. Рыбы в нем не водилось. На берегу стояла сохранившаяся с незапамятных времен старая лодка. В ней изредка выплывал на середину пруда старик, живший неподалеку. Он обнаружил находившийся в воде труп и заявил об этом в милицию.

Милицией были допрошены жители близлежащих домов. Никто ничего не мог сообщить о происшедшем. Ввиду отсутствия улик против кого-либо, при невыясненности даже

личности убитого, милицией было вынесено постановление о прекращении дознания и материалы были переданы на утверждение прокурору.

Спустя месяц после прекращения дела и примерно через два месяца после обнаружения трупа мужчины, в милицию явился с "повинной" человек, признавшийся в том, что он - убийца.

Человек этот, назвавший себя, (это было подтверждено паспортом и последующей проверкой) подробно рассказал о себе, своей работе, своей жизни. Все это позднее было подтверждено. Показал, что в день, предшествующий обнаружению трупа (это заявление совпадало по дате), он, будучи, сильно выпившим, приехал вечером отдыхать к пруду, встретил незнакомого мужчину, предложил ему выпить водки (привез с собой) и "после распития еще одной поллитровки у нас началась ссора... Мужчина дважды ударил меня. Я оборонялся, ударил его. Он упал, сильно ударившись головой о пень срубленного дерева на берегу и лежал недвижимо. Увидев, что он мертв, я перевязал ему шею имевшейся у меня веревкой, втащил труп в лодку и, отталкиваясь от берега шестом, лежавшим около лодки, вывез труп в пруд и сбросил его в воду. Потом я решил не признаваться. Но дальше жить так не мог и теперь пришел с повинной".

Явившийся был задержан в милиции. На дополнительно поставленные вопросы позже ответил:

- Шею ему я перевязал веревкой, чтобы, если найдут его труп, решили, что он кем то задушен с целью грабежа. Все произошло у нас из-за водки. У меня не было умысла. Это случилось неожиданно.

При проверке было выяснено, что явившийся с "повинной" одинок, работает чертежником в проектно бюро, находился во время происшествия в отпуске, замечаний по работе не имел, судимости у него не было.

Были допрошены его соседи по квартире. Они показали - "Был тихий, не пил, никогда не видели его пьяным, никогда ничего за ним не замечали".

Осторожная характеристика администрации, узнавшей об обвинении их сотрудника гласила: - "Взысканий и поощрений не имел. В общественной работе не участвовал".

Обвинительное заключение по делу, утвержденное прокурором, было построено на показаниях самого обвиняемого, полностью признавшего свою вину, но действия его были квалифицированы как умышленное убийство.

Я поехал в тюрьму к своему подзащитному. В комнате для свиданий (предоставляемой по закону адвокату наедине со своим подзащитным) увидел крайне возбужденного молодого человека. Он сразу же сообщил:

- Я не просил о назначении адвоката для моей защиты по делу! Я признал себя виновным и повторю это в суде...

Я разъяснил своему подзащитному порядок назначения защиты по делу. Если в деле участвует прокурор, обязательно участие и адвоката. Признание себя виновным не исключает целесообразности помощи защитника по делу. Сказал, что после ознакомления с делом, стало очевидно, что нет состава преступления по обвинению в УМЫШЛЕННОМ убийстве, и есть еще ряд вопросов, которые я хочу выяснить до начала дела.

Обвиняемый отнесся к этим словам с безразличием, граничившим с неприязнью.

- Я же сказал, что признал себя виновным и повторю это. Меня уже спрашивали трижды (действительно, в деле было три протокола его допросов, с повторением в одних и тех же словах его показаний о признании вины), зачем меня снова спрашивать?

Его голос дрожал от волнения.

Я рассказал ему подробно все, что прочел в деле. Так я делал всегда - в начале первой беседы с каждым своим подзащитным, чтобы напомнить ему все материалы дела и упростить дальнейшее выяснение необходимого. Задал вопрос обвиняемому:

- Все ваши соседи показали, что вы не пьете. Они никогда не видели вас пьяным. Что побудило вас выпить в тот день и еще продолжать выпивать с незнакомым человеком?

Подзащитный ничего не ответил, продолжал заметно волноваться. Несколько раз в разной форме я повторял свой вопрос и не получил на него никакого ответа. Я объяснял себе его молчание переживаниями при воспоминаниях о водке, доведшей его до последующей ссоры.

Еще ряд вопросов задал я, не получая на некоторые ответа. Было однообразное повторение: "Я уже все рассказал... Я уже признал себя виновным... Зачем это снова?.."

Более подробно и не так волнуясь, обвиняемый повторил свое заявление в милицию о свершенном им убийстве и как-то односложно, тупо подтвердил свой рассказ "о происшедшем возле пруда, после того, как мы выпили вместе"...

Я так и ушел, хотя оставалось много вопросов. Вероятно, единственный раз во всей своей практике защиты по уголовным делам, не найдя ключика к своему подзащитному, встретив вместо доверия безразличие, вместо стремления совместно разобраться в причинах трагедии - как будто помещенное в тесные рамки одних и тех же слов и выражений повествование о случившемся.

Я был еще молод и не мог опровергнуть собственные сомнения, возникшие после свидания: "Почему подзащитный не только ко всему безразличен (это состояние человека, впервые попавшего в тюрьму, вполне объяснимо), но так безотчетно, ограниченно-однообразно повторяет все, словно заученное, казалось, даже вынужденное?"

Осталось также непонятным, почему у обвиняемого не только не было обычной, естественной радости от свидания со своим адвокатом, но явно чувствовалась отчужденность, даже враждебность?

Не найдя ответа на свои вопросы, я решил вновь увидеть своего подзащитного.

...Та же комната для тюремного свидания на Холодной Горе. В ней - двадцатипятилетний мужчина с безучастным выражением лица.

Я выяснял, откуда обвиняемый приехал в Харьков, где он прежде жил, учился, кто его родители, где они живут? Мне не только были нужны ответы, я хотел заручиться доверием своего подзащитного, найти к нему "ключик".

Это мне не удалось. Контакт доверия, необходимый в работе адвоката с подзащитным, не налаживался. Позднее обвиняемый даже сказал: "Зачем вам мои родители? Они тоже всю жизнь задавали мне ненужные вопросы. Я от них уехал". На предложение вызвать их, категорически отказался. Я мог предположить, что он не хотел их беспокоить, что ему было стыдно, что он не хотел получать их передач. Но сомнения оставались...

Об обстоятельствах происшедшего обвиняемый отказался дальше что-либо говорить:

- Я уже трижды повторял одно и то же следователю и Вам повторил еще раз, все уже сказано!

Совершившему преступление бывает трудно о нем говорить. Он хочет скорее все закончить, скорее узнать свой срок наказания, скорее попасть в лагерь...

Я это понимал, но одновременно удивлялся тупому безразличию моего подзащитного к своей судьбе, к своему будущему.

Что стало причиной смерти потерпевшего? Я повторял свои вопросы:

- Вы говорите: он упал сильно ударившись о пень срубленного дерева на берегу? Насколько был сильный удар головой?..

Я не успел закончить вопрос, как подзащитный начал явно волноваться, перебивать меня резко, неприязненно.

- Довольно, довольно об этом, сколько раз меня можно переспрашивать? Я уже все сказал. Довольно... - и замолчал, словно отключившись...

И при следующей беседе со своим подзащитным я не получил ответов. Я снова ушел из комнаты свиданий с теми же сомнениями в правдивости слов своего подзащитного. Решил написать письмо родителям обвиняемого в Белгород и задать ряд вопросов о своем подзащитном.

В народном суде была "полная явка" по списку обвинительного заключения. Привезли и подсудимого, и старика, обнаружившего в пруде труп, и двух детей, слышавших чей-то крик, и даже преподавателя школы, для подтверждения правдивости детских показаний. Явился судебный эксперт, дававший заключение о причине смерти мужчины, найденного в пруду.

На вопрос председателя: "Признаете себя виновным?", подсудимый ответил:

- Да, признаю.

И далее в своих коротких ответах повторял:

- Был сильно пьян. Вечером около пруда предложил незнакомцу выпить еще поллитровку водки, привезенную с собой. Мы, оба пьяные, поссорились. Незнакомый мужчина дважды ударил меня. Я ударил его. Он упал. Ударился головой о пень. Лежал. Я увидел, что он мертв, перевязал ему шею веревкой, втащил труп в лодку, стоявшую у берега, и сбросил его в воду... Убивать его не хотел. Так и следователю говорил, но это он не записал.

И неожиданно добавил:

- Кончайте со мной скорей, а то...

И затих. Сел на скамью и молчал. Непонятной осталась его последняя фраза. Сидел совершенно бледный, опустошенный, далекий от того, где он находился, что с ним происходит.

Судья предложил ему встать. Обратился к прокурору:

- Есть у вас вопросы к подсудимому?

У прокурора было много вопросов, на все подсудимый отвечал кратко, в пределах ранее сказанного. На вопрос, часто ли и много ли он пьет, вообще не ответил.

Об этом его спрашивал и я:

- Вы сказали, что, приехав к пруду отдыхать, были сильно выпивши (лист дела 7), потом - что вместе еще распили бутылку водки, привезенную вами. После этого впали в состояние, когда не могли дать отчет себе в своих последующих действиях. Вы хорошо помните дальнейшее? Что произошло, что вы делали около пруда?

Подсудимый молчал, казалось, весь дрожит. Я продолжал:

- Вы сказали на следствии, что все произошло из-за водки... Но, когда он упал, и вы увидели, что он мертв (лист 9), вы протрезвели и все дальнейшее совершали уже трезвым? Это так?

Подсудимый не ответил.

На все последующие вопросы отвечал однообразно, повторяя: "Был пьян", "Был сильно выпивши"...

- Через сколько времени вы пришли в милицию с повинной?

- Через несколько дней... не помню.

- А последующие дни, до вашего ареста в милиции, вы работали?

- Не помню...

Свидетель-старик рассказал суду, как он обнаружил в воде труп, наткнувшись на него веслом. Весло принес из дому. На вопрос прокурора о шесте, старик ответил:

- Никакого шеста не было, я никогда шеста не видел. Около пруда бывают маленькие дети, они ведь могли бы с этим шестом оказаться в пруду.

Когда свидетель ответил на вопросы, стоя перед судейским столом, он повернулся к подсудимому. Долго всматривался в него и неожиданно сказал суду:

- Я вот все на него смотрел. Теперь признал точно. Он (и показал на подсудимого), был в столовой на базаре в Харькове, когда я, на другой день после того, как нашел в пруду этот самый труп, помню, это было в воскресенье, обедал там со своим приятелем. Мы пили с ним пиво, и я подробно рассказывал ему, как я выехал на лодке и обнаружил веслом в

тине труп, как заявил в милицию у нас в районе, как его вытащили милиционеры, я был вместе с ними. На шее был обрывок веревки. Труп отвезли на экспертизу... А он сидел рядом за столом, тоже обедал (показал на подсудимого). Тогда он был иначе одет, но я его сегодня точно признал. Это он тогда рядом сидел и все слушал, что я рассказывал приятелю-соседу.

Я спросил свидетеля:

- Сидевший тогда рядом с вами, ныне подсудимый, что-нибудь пил тогда?

- Нет, только все слушал...

Судья спросил подсудимого, был ли тот в столовой на базаре в воскресенье? Обедал ли там, Слушал ли, что рассказывал за соседним столом свидетель?

Подсудимый долго молчал, потом ответил:

- Я приехал в тот день от родных из Белгорода. Был в воскресенье на базаре. Обедал в столовой. Родители мои долго лежали в больнице в Белгороде, после аварии машины, в которой они ехали. Я обедал в столовой и ничего не пил. Кажется, он сидел рядом за столом (показал на свидетеля), но что он рассказывал, я не помню...

Судебный эксперт подтвердил заключение медицинской экспертизы: "Смерть произошла в результате удушения... Был обнаружен прижизненный след петли на шее..." На вопрос адвоката эксперт обстоятельно ответил: "Труп еще не разложился. Задушенный ранее, в воде пробыл недолго - не более трех дней до его обнаружения".

Я спросил эксперта:

- Вы слышали показания подсудимого? Во время драки потерпевший упал, сильно ударившись головой о пень дерева и лежал недвижимо. Вы обнаружили следы удара на голове при вскрытии трупа? Мог ли удар при падении быть причиной смерти?

- Нами не было обнаружено никаких следов удара головой при падении, а если падение и было, то никакой связи между ударом потерпевшего головой о пень и наступившим внезапным исходом экспертиза не установила. Смерть произошла в результате удушения петлей на шее убитого.

Суд объявил перерыв судебного заседания после длительного молчания подсудимого, не ответившего на вопрос адвоката.

После перерыва я задал обвиняемому еще несколько вопросов.

- Вы слышали подробное заключение эксперта о причине смерти найденного в пруду человека? Вы не отвечали мне в тюрьме на мои вопросы об этом. Скажите теперь правду!

Подсудимый по-прежнему ничего не ответил. Продолжал сидеть, безучастный ко всему окружающему. Были еще вопросы к нему. Он не отвечал.

...Я заявил ходатайство, обратившись к суду:

- Вы ознакомились с делом и внимательно выслушали показания подсудимого, свидетеля и эксперта. Уверен, что вам, как и мне, очень многое не ясно по делу. Доказательство для обвинения подсудимого только одно - собственное признание в милиции, на следствии и здесь в суде. Его неоднократный рассказ - только версия происшествия - убийства, "совершенного им". Его приход в милицию, совпавший с обнаружением трупа в пруду, расходится с его признанием в подробностях с заключением эксперта. Подсудимый говорит, что он был сильно пьян, когда встретил незнакомого человека, потом вместе с ним выпили еще бутылку до ссоры. Соседи по квартире показали, что подсудимый раньше никогда не пил. Можно допустить, что в день ссоры было исключение, он сильно выпил. Это может быть. Могла произойти ссора пьяных людей и драка. Неизвестно, откуда взялся и куда девался шест, которым подсудимый якобы отталкивал лодку. Свидетель показал, что для этого он приносил из дома свое весло. Все это - противоречия в показании-признании подсудимого. Но это все не главное противоречие, которое можно разрешить в совещательной комнате. Вы не можете вынести обвинительного приговора по одному признанию подсудимого.

Для этого надо полностью поверить в версию обвиняемого, а ей верить нельзя. Есть главное противоречие в показаниях подсудимого с объективными заключениями судебно-медицинской экспертизы, подтвержденным свидетельством эксперта в судебном заседании о совершенно другой причине смерти человека, якобы участвовавшего в драке с подсудимым. Причина смерти - не удар головой при падении, а бесспорно установленное удушение погибшего.

Я не медик и не имею права говорить о странностях поведения подсудимого здесь в суде. Вы видели и слышали то же, что и я, но и вы - не медики, не психиатры. Даже если вызвать в судебное заседание судебного медика-психиатра, он не мог бы дать исчерпывающее заключение о состоянии подсудимого. Поэтому необходимо направить его на стационарное наблюдение для установления: нет ли отклонения от нормальной психики у подсудимого, и следовательно - можно ли считать правдивым его показание-признание в якобы совершенном им. Прошу дело отложить и направить подсудимого на психиатрическую экспертизу.

Прокурор возражал:

- Не найдено другое лицо, которое можно было бы подозревать в убийстве и нет о нем данных. Обвиняемый сам пришел с повинной. Дал подробные показания о своей виновности по делу, в убийстве совершенном им... Нет никаких доказательств о психической неполноценности подсудимого.

Я попросил слово для реплики-возражения прокурору. Привел литературные и юридические данные о редких случаях самообвинений психически больными, о возможной судебной ошибке при игнорировании возникших сомнений без привлечения психиатрической экспертизы. Сказав, что не только суд и адвокат, но и даже прокурор не могут заменить психиатра.

Я был молод, горяч в полемике и этим можно объяснить мой выпад в отношении прокурора.

Подсудимый сидел по-прежнему безучастно, как будто был не в суде, решавшем вопрос о его судьбе. Как будто он был где-то совсем далеко.

Суд долго совещался в судебной комнате, рассматривая ходатайство адвоката. Выйдя из комнаты, судья огласил определение суда:

- Рассмотрение дела отложить. Направить подсудимого на стационарное обследование в психиатрическую клинику, на экспертизу.

Через несколько дней я получил письмо - ответ родителей подсудимого из Белгорода. Они благодарили за письмо о сыне, сообщали, что они очень беспокоились, ничего не зная о нем, после того, как он уехал, что их сын никогда не брал в рот спиртного и не могло быть, чтобы он был пьян и дрался, что он с детства был странным. Его водили к врачу, а он сердился. Писали, что когда на него "находило", он ни с кем не разговаривал... Иногда у него бывали "фантазии".

...После стационарного наблюдения судебно-медицинская экспертиза дала заключение о психической неполноценности испытуемого, о склонности его, из-за душевного заболевания, к выдумкам, фантазиям, о том, что он подлежит лечению в психиатрической больнице.

Судебное дело было прекращено. Бывшего подсудимого поместили на лечение в психиатрическую больницу.

Прокуратура проводила дополнительное расследование по делу об убийстве человека, труп которого был обнаружен в пруду.

...Не было установлено, кто его убил, неизвестным осталось, кто был убит? Выяснение, кто был убит, причины убийства и розыск виновника убийства - обязанность органов расследования.

Обязанности адвоката много скромнее - защита обвиняемого, помощь ему и суду в установлении истины - виновности или невиновности обвиняемого.

Иногда адвокату приходится выполнять функции и прокурора, и судьи, но только лишь прокурор должен выяснить - "КТО УБИЛ?"

Самооговор психически больного человека - труднейшее в судебных делах.

Дальнейшая судьба подсудимого мне неизвестна.

ВЫСТРЕЛ НА БАШТАНЕ

"Выстрелил он ночью. В идущего к нему в темноте. Человек шел к нему, несмотря на предупреждения. Он ведь кричал ему три раза, а человек все шел к нему. И тогда он выстрелил. Мне он сказал: "Я испугался. Страшно испугался и тогда выстрелил". Никто ведь не знает чего к нему шел этот человек? Теперь раненый лежит в больнице, а он - в тюрьме ожидает суда. Он обвиняется в покушении на убийство, но он же не хотел убивать. Он любил меня и чужих детей. Мы ждем первого своего ребенка. Хотел, чтобы у нас был ребенок. Я беременна. Помогите ему".

Он был ее мужем. Она, молодая работница, порывисто и сумбурно рассказывала о муже адвокату, придя на прием в юридическую консультацию. Она была беременна, очень волновалась.

Я ознакомился с делом в суде.

Ее муж работал охранником на заводе в Новой Баварии. В период уборки овощей дежурил по ночам на баштане подсобного хозяйства завода, расположенном там же, в Новой Баварии.

Была темная ночь. Он сторожил баштан. Курень сторожа был на небольшом холме, возле огромной кучи собранных днем спелых арбузов.

Ночью не спал. Был возле куреня. Услышал вдали шаги и в темноте не рассмотрел человека, проходящего над канавой - границей баштана. Когда человек свернул на тропу, идущую к холму, где стоял курень и лежали арбузы, охранник крикнул: "Кто идет? Стой!"

- Человек продолжал идти по тропе молча. - Я во второй раз ему крикнул: "Стой! Не подходи!" Человек, не обращая никакого внимания на второе предупреждение, продолжал идти ко мне. Мне сделалось страшно. И я очень громко в третий раз крикнул: "Стой! Стрелять буду!" Человек все шел ко мне. Приближался. Тогда я выстрелил, но не в него. Выстрелил, чтобы он испугался. А он вдруг повалился и упал. Оказалось, был ранен. Но я в него не стрелял. Я выстрелил в воздух.

Таковы были показания молодого охранника, обвиняемого в покушении на убийство, четыре года работавшего на заводе, не пьющего, не имевшего ранее никаких нарушений по работе.

Потерпевший, допрошенный в больнице (ранение оказалось тяжелым - таково заключение судмедэкспертизы) показал, что возвращаясь домой ночью с завода, решил по кратчайшему пути идти через заводские огороды, мимо баштана. Видел кого-то на холмике, ничего не слышал, никаких криков и предупреждений не было. Когда приблизился к едва различимому в темноте охраннику, тот выстрелил и потерпевший упал, раненый в бок. На допросе потерпевший добавил: "Никаких личных счетов между нами не было и я не был знаком с охранником на баштане".

В деле была положительная заводская характеристика по работе на потерпевшего.

"Треугольник" завода выделил на слушание дела общественного обвинителя.

Я поехал на свидание к своему подзащитному. Тот произвел впечатление прямого, открытого человека, но ничего добавить к своим показаниям, данным на следствии, не мог.

Говорил только: "Я в него не стрелял". Это казалось правдой, но ответа на вопрос "Кто же тогда стрелял?" тоже не было.

В судебное заседание пришли многие работники завода. Все жалели потерпевшего, и явно неодобрительно отнеслись к ходатайству адвоката - об отложении слушания дела ввиду неявки потерпевшего. Он не был привезен из больницы, где находился уже более двух месяцев.

На пути из суда, удовлетворившего ходатайство и перенесшего слушание дела, молодая студентка юридического факультета, проходившая практику в коллегии адвокатов, спросила своего "шефа": - меня.

- Формально ходатайство законно. А по существу - присутствие в суде больного потерпевшего может быть полезно для защиты обвиняемого?

Доказательств невиновности подсудимого, действительно, ни у суда, ни у меня не было...

При следующем слушании дела зал судебного заседания был переполнен. Все относились с огромным сочувствием к привезенному из больницы бедному, изможденному потерпевшему, и с полным неодобрением - к "формалисту-адвокату", который явно затягивает дело вместо того, чтобы просить о смягчении наказания, при очевидной для всех виновности обвиняемого.

На заседание суда не явился только судебный эксперт, и в суде не оказалось вещественного доказательства по делу - ружья, из которого был произведен выстрел.

Я вновь заявил ходатайство об отложении дела для вызова судебного эксперта и истребования из прокуратуры непереданного в суд ружья.

В зале заседаний стоял сильный шум, когда прозвучало новое ходатайство адвоката.

Общественный обвинитель резко возражал: "Голый формализм... Умышленное затягивание дела... Мучаем больного потерпевшего..."

Суд вновь отложил слушание дела. В зале слышались реплики:

- Крючоктворство!..

- Все ясно, а он темнит!..

- И таких пускают в суд!..

И обвиняемый был настроен болезненно нервно. Сказал мне:

- Я доверяю вам, но ведь теперь потерпевший более враждебно настроился по отношению к нам...

По дороге из суда молодая женщина-стажер тоже говорила мне:

- Формальное применение закона оправдано только тогда, когда это отвечает существу дела и будет в интересах выяснения истины. А чего мы добьемся при отложении дела? Разве что общего возмущения!

Через четыре дня в городской газете появилась заметка: "Защита или издевательство?", в которой сотрудник заводской многотиражки открыто писал о недостойных действиях адвоката, окончившего советский ВУЗ и воспринявший худшие традиции дореволюционной адвокатуры. В публикации были такие строки: "Ничем не оправданный формализм, порочное стремление отложить дело, без пользы для выяснения истины по делу...", и просил о принятии мер, чтобы в дальнейшем пресечь подобное "умышленное и вредное затягивание слушания дела"...

При третьем слушании дела я встретил в суде переполненный зал, враждебно настроенный не только к подзащитному, но и явно к ко мне. Люди, пришедшие на

судебное заседание, уже не только симпатизировали пострадавшему, но и безоговорочно разделяли гнев автора статьи в газете.

Когда судья в начале судебного заседания спросил стороны: "Какие есть ходатайства по делу?", общественный обвинитель иронически ответил:

- Какие еще могут быть ходатайства?

Судебный эксперт на этот раз присутствовал. Ружье, из которого был произведен выстрел, уже лежало на судебном столе рядом с тоненькой папкой дела.

Потерпевший был еще более бледным - рана не заживала. Он продолжал лечение в больнице и, приехав на заседание, воспринимал судебный процесс как ненужное продолжение мучений, теперь уже не только по вине обвиняемого, но и его адвоката.

В зале суда не было только жены обвиняемого. Она находилась в больнице, ожидая роды. Поэтому обвиняемый особенно желал окончания дела - выяснения своей дальнейшей судьбы.

Отвечая суду, он виновным себя не признал. Подтвердил, что выстрелил только после третьего предупреждения.

Ему задал ряд вопросов общественный обвинитель, а я по-прежнему ни о чем не спрашивал, из зала раздалась реплика: "Теперь ни о чем не спрашивает, когда все ясно, как и прежде".

Начался допрос потерпевшего. После подтверждения им своих показаний, данных следователю в больнице, общественный обвинитель, задав несколько вопросов, сказал, что для него по-прежнему все ясно и судья спросил меня:

- Имеете ли вы вопросы?

Первый же уточняющий вопрос о взаимоотношениях потерпевшего с обвиняемым, подробное выяснение отсутствия личных счетов между ними, вызвали резкую отповедь потерпевшего, показавшего на свой бок и ответившего:

- Я знаком не был, а вот мой бок познакомился так, что я третий месяц лежу в больнице!

Это вызвало шумную реакцию присутствующих.

Последующие мои вопросы об обстоятельствах, предшествующих выстрелу - о пути потерпевшего домой по меже баштана, о повороте на тропку к холмику, где был курень и лежали арбузы, несмотря на окрики охранника, - вызывали не только возмущение потерпевшего, но и нескрываемое негодование в его ответах.

Чувствовался все усиливающийся накал его неприязненного отношения к адвокату.

Я был вынужден задавать необходимые вопросы, вызывавшие еще большую нервозность больного потерпевшего. Похоже было, что он настолько волнуется, что теряет над собой контроль. Это чувствовалось не только по тону ответов, но и по нескрываемому раздражению и желанию положить конец затянувшемуся допросу.

Ему старался помочь общественный обвинитель, несколько раз вмешавшийся, чтобы отвести вопросы адвоката "как не имеющие отношения к делу, когда и так суду все ясно..."

Судья разрешал мне продолжать допрос потерпевшего. При вопросе к потерпевшему: "С какой стороны был выстрел и куда вы были ранены?" - тот взорвался и с возмущением сказал:

- Все это знают, кроме вас. Я уже три месяца на себе это знаю. Я готов еще быть в больнице несколько дней и соглашаюсь, чтобы у меня вынули пулю, хотя врачи говорят, что она не будет мне мешать. Наконец, будут приняты меры к издеваемому адвокату.

Я попросил суд записать его ответы и заявил ходатайство об отложении дела, изъятия в больнице пули у потерпевшего, если это не отразится на его здоровье. Это необходимо для установления факта: был ли выстрел из ружья обвиняемого произведен именно этой пулей? Таким образом будет установлена бесспорная истина по делу и доказана виновность подзащитного.

В зале стоял приглушенный разноголосый шум. Общественный обвинитель возражал против ходатайства. Опрошенный эксперт подтвердил целесообразность удовлетворения ходатайства и возможность полностью объективного установления вины обвиняемого.

Суд вновь, в четвертый раз, отложил дело, удовлетворив ходатайство. Было множество реплик присутствующих, когда суд ушел, а я объяснял подзащитному "целесообразность" нового отложения дела.

По дороге из суда студентка-стажер спросила меня:

- Входят ли обязанности прокурора по бесспорному восстановлению вины обвиняемого в функции работы его адвоката, и где их предел?

Я должен был объяснить стажеру, что адвокатская работа требует иногда совмещения функций и защитника, и обвинителя - для получения и проверки всех доказательств по делу.

Я пока еще не мог сформулировать полного ответа стажеру, но понимал, что путь к истине не только в письменных материалах дела. Путь к истине - и в собирании всех материалов, и еще - в доверии к человеку... нет, больше - в вере в другого человека, оказавшегося его подзащитным. Это уже включает элементы психологии, профессионального опыта, требующих риска для разрешения неопределенности. Я шутил: "Время покажет!"...

Студентка впервые не соглашалась со своим "шефом".

При четвертом слушании дела зал суда снова был переполнен. Новых ходатайств у меня не было. Не было и никаких вопросов к подзащитному и потерпевшему. Был только один вопрос к присутствовавшему пожилому эксперту: пуля, лежавшая в запечатанном конверте на судейском столе, извлеченная из тела потерпевшего и исследованная экспертизой, могла ли быть выпущена из ружья подсудимого?

В зале заседания была мертвая тишина когда эксперт сказал, короткое и категоричное "нет". И подробно, показывая ружье и пулю объяснил, что данная пуля выпущена не из ружья охранника, обвиняемого по делу.

После тщательной проверки экспертизой было установлено, что выстрел в потерпевшего был сделан из другого ружья, кем-то неизвестным.

Обвиняемый охранник был оправдан.

Кто был тот "другой", стрелявший в потерпевшего, из какого ружья и почему он стрелял - это осталось невыясненным на следствии. И как слились два выстрела в один?..

На обратном пути из суда я сказал своей взволнованной спутнице:

- Выяснение всего этого - обязанности прокуратуры. Это уже вне пределов компетенции адвоката. Адвокат лишь защитник по делу.

В этом деле я поверил своему подзащитному, поверил в то, что он - не стрелял в потерпевшего. Поверил его правде...

ЧУЖОЙ ДНЕВНИК

Из-за угла выскочила девочка и побежала наперерез проезжавшей мимо автомашине. Шофер резко затормозил. И ему, и мне, сидящему на заднем сидении, показалось, что девочка хотела броситься под колеса. Запыхавшись, девочка обратилась ко мне:

- Я видела вас в суде... Вот возьмите! Помогите ему! Пожалуйста...

Быстро сказала, волнуясь. Протянула мне что-то завернутое в газетную бумагу и, не ожидая ответа, скрылась за углом.

В газету была завернута толстая ученическая тетрадь.

...Я возвращался машиной из народного суда в Дергачах. В этот день там слушалось дело по обвинению воспитателя детского дома в покушении на растление малолетней воспитанницы детского дома. Дело было отложено из-за неявки потерпевшей, находившейся в больнице, и судебного эксперта. С делом я ознакомился раньше. Неоднократно беседовал с обвиняемым. Ему было предъявлено тяжелое обвинение.

Дело возникло по письму в Дергачевскую прокуратуру. Письмо было анонимным. Но в нем подробно, на двух страницах, вырванных из ученической тетради, сообщалось, как однажды вечером, перед сном, одну из воспитанниц детского дома вызвал в учительскую дежуривший ночью новый воспитатель и "делал ей больно". Отпустил ее только тогда, когда это увидела другая воспитанница детдома, открывшая дверь в учительскую. Здесь же приводились имена этих воспитанниц, фамилия, имя и отчество воспитателя.

Прокуратура произвела расследование-проверку изложенных в письме фактов. Обе воспитанницы все подтвердили следователю. Потерпевшая девочка в своих пространственных показаниях приводила детали происшедшего, усугубляющие вину воспитателя.

Малолетние девочки были допрошены следователем в присутствии врача и работника народного образования. Требования закона были выполнены. В показаниях не было

противоречий. Все в тех же словах было подтверждено потерпевшей на очной ставке. Воспитатель в начале беседы не вызывал полного доверия. Бывают такие замкнутые, угрюмые, молчаливые люди. Необходимо время, чтобы добраться до их души, увидеть их изнутри, снять барьеры отчужденности, которыми они ограждают себя от людей. Эта замкнутость могла быть временной у молодого воспитателя, порожденной его неверием в людей, после того, как они поверили в то, чего не было. Она могла возникнуть после большой нанесенной ему психической травмы - допросов, выслушивания на очной ставке страшных показаний девочки, сидевшей напротив него с опущенными глазами, но с твердым, решительным голосом.

И в беседах со своим защитником воспитатель не мог привести ничего, кроме голословного отрицания, как и на следствии, всех обстоятельств обвинения. И это отрицание, не подтвержденное попыткой как-то объяснить, найти истоки обрушившейся на него неправды, тоже вначале не вызывало доверия.

Вопрос необходимости доверия адвоката своему подзащитному - сложный, решаемый по-разному юристами-адвокатами. Может быть, достаточно собственного убеждения, основанного на критическом изучении всех материалов дела, в том числе и позиции обвиняемого, в признании или непризнании себя "виновным". Для меня лично всегда было не только важно, а просто необходимо для эффективности всей моей защиты - мое доверие к своему подзащитному, требовавшее полного контакта с его правдой, поиска "ключика" к этой правде человеческой души.

Бывает, что лишь одно отрицание человеком своей вины может вызвать веру в него. Но при полном доверии к самому человеку. А воспитатель, при первой нашей беседе, его не вызывал. Потом я отошел от материалов дела, начал расспрашивать его о работе, почему он пошел именно в детский дом. Воспитатель начал рассказывать. И передо мной был уже совсем другой человек. Живой и открытый, совсем не угрюмый, не отчужденный. Рано оставшийся без родителей, он сам оказался в детдоме в тяжелые годы после гражданской войны. Много пережил, испытал, передумал.

Он справедливо считал, что своим трудным переходом от детства к юношеству, зарождением и развитием веры в добро, в правду, был обязан внешне угрюмому, но настоящему человеку - старшему воспитателю его детского дома, пришедшему туда на работу со следами тяжелых ранений и с душой, открытой к детям - своим воспитанникам.

Именно благодаря этому старшему воспитателю, мой подзащитный решил выбрать в жизни такой же путь - работу с трудными детьми, оставшимися без родителей. Окончив педагогическое училище, сам пошел воспитателем в детский дом и поступил на заочное обучение в педагогический институт.

Свою работу любил. Не мыслил себя вне мира детей, вне их жизни, противоречий и контрастов их внутреннего роста, формирования характеров.

В Дергачевском детском доме работал около года. В работе высшим примером для себя считал изученный им опыт своего старшего воспитателя. Невольно во многом, особенно в начале своего самостоятельного пути, иногда незаметно для себя, подражал ему.

Все товарищи по работе отмечали: "Был неизменно ровным, выдержанным". Знал, что воспитанницы-девочки между собой называли его "засушенным" и "сухарем". Был строг и требователен. Старался найти для себя объяснение каждого поступка или нарушения

воспитанниц. Думал - что делал бы его старший воспитатель, если бы это случилось у него?

Считал, что знал своих воспитанниц. Теперь понимал, что знал лишь их способности, все то, что относилось к учебе, участию в кружках, самодеятельности, распорядку жизни, однако совсем не знал внутреннего мира каждой, сложного и часто неукладывающегося ни в какие нормы распорядка часов учебного дня и отдыха, не знал их внутреннего мира на границе между детством и юностью.

После его рассказа о работе у меня возникло доверие к этому человеку. Действительно, он еще и сам себе не мог объяснить все происшедшее. Но виновным я его не чувствовал.

...Дома я ознакомился с содержимым неожиданно полученного пакета. Это оказалась толстая ученическая тетрадь в клетку. Начал читать ее. Почерк был неровный, не отработанный, совсем еще детский, временами фразы как будто налезали друг на друга, было трудно разобрать написанное. Кое-где были чистые свободные места на страницах, оставленные, возможно, в спешке - может быть, для последующих, вовремя не сделанных записей. Очень много было грамматических ошибок.

Вначале был один лишь текст. Почти сплошной, без пропусков. Объяснение "для себя" возникновения дневника:

"Я решила записывать в эту тетрадь все о себе. Я дружу только с Надей. Надя мне близка. Меня слушает. Но и Наде я не могу рассказать все о себе. Буду теперь записывать только для себя..."

Следующие страницы, все пронумерованные, имели даты записей. Дальше дат не было. Потом они вновь возникали или подряд, или с пропусками дней, даже недель... И снова шли в хронологическом порядке.

В общей тетради в клетку был дневник девочки, воспитывавшейся в детском доме.

Была короткая запись о тете, у которой жила девочка, сестре ее отца. Матери и отца не помнила: "У тети жила до ее смерти. Потом привезли в детский дом, и здесь я живу уже второй год".

Встречались подробные записи о жизни в детдоме. Девочка перечисляла всех занимавшихся вместе с ней в одном классе, всех живших вместе с ней. Их было шестеро. Кроме нее и Нади было еще четыре девочки. Всех описывала, но "близкой" была только Надя. И Наде посвящалось много строк в описаниях их общих с Надей "мечтах-фантазиях". После прочитанной книги Лермонтова - две страницы тетрадки в клетку, записи, что "и я с Надей мечтали о такой любви".

Были записи о воспитателях. Описание их. Непосредственные характеристики, с прозвищами, данными им в детдоме. "Засушенного" или "сухаря" среди них пока не было.

На нескольких страницах были аккуратно, полностью, переписаны стихотворения, среди них - строфы Есенина. Одна из них дважды обведена жирными чернильными полосами, словно помещена в рамку:

И любовь не забавное ль дело?

Ты целуешь, а губы, как жемчуг.

Знаю, чувство мое перезрело,

А твое не сумеет расцвести.

Я прочитал почти половину этой тетради, однако сумбурные записи не позволяли получить представление о юношеских запросах и внутреннем облике автора дневника. Прочитанное не вызывало интереса.

Читал дальше: "Сегодня у нас появился новый воспитатель. Молодой, видно, строгий. Кажется, он может мне понравиться".

На следующий день записано: "Он строгий, занят своим делом. Не смотрит на наших девочек, как будто не видит нас в классе, а то, что я подсказывала Наде, заметил, заставил меня покраснеть. Лучше бы просто заметил, заметил меня без Нади. Он мне нравится".

Затем несколько дней записей не было. Потом - неумело нарисованные цветным карандашом цветы и продолжение записи: "Несколько дней я была больна и ничего не записывала, очень хотела, чтобы он пришел, расспросил о здоровье и посидел около кровати. Но его не было. Сегодня узнала: он поехал за своими вещами. Вернется завтра. Когда его нет, мне еще больше хочется его видеть".

Были еще пропущенные дни, потом - подробная запись: "Он вернулся "насовсем", постоянно работать у нас. Он мне очень нравится. Но он ни на кого не смотрит. Все для него одинаковые. А как же я? Я сама ему не скажу ничего. Он должен заметить меня. Сегодня первый раз говорила с Надей о нем. Надя сказала, что он ей тоже нравится. Но девочки называли его "сухарем". Но, по-моему, он совсем не "сухарь". Только я очень хочу, чтобы он меня заметил. Пока не заметил - не буду о нем писать".

Дальше был ряд записей о приезде комиссии, обследовавшей детдом: "Нам дали совсем не такой как всегда обед. Когда приезжие уехали, все пошло по-старому. Опять каждый день дают каши".

О ссоре девочек из-за уборки своей комнаты, о прибудившемся котенке, принятом на общее воспитание. И снова появилась запись: "Только сегодня он меня заметил. Не могло же это мне показаться? Я отвечала урок. Он похвалил меня. Стихотворение я хорошо знала..."

Следующие страницы общей тетради были о "нем". Ожидание начала дня, чтобы увидеть "его", приход "его" в класс, "его" настроение, каким "он" показался в этот день. О своей обиде, так как "опять меня не замечает. Мне показалось, что "он" необычно посмотрел на Зину".

Дальше было само опровержение: "Я знаю, что Зине, как и всем, "Он" тоже нравился, но "Он" и Зину не замечает, а мне так хочется, чтобы "Он" относился так ко мне, как я к "Нему".

Потом было записано: "Теперь каждый вечер я говорю со своей Надей о "Нем". Надя - единственная, с которой я решила поделиться, чем я теперь живу. Надя любит по-прежнему только своего Мишу. Он замечает ее и она не будет у меня на большой дороге к "Нему". Я уже рассказала Наде о своей любви к "Нему", о том, что я думаю о "Нем" все

вечера и ночью, когда просыпаюсь, по-моему Надя завидует мне. Она не умеет так сильно любить. А "Он" ничего не знает и не замечает".

Всюду в тетради местоимение "ОН" написано было крупными буквами, кое-где еще дополнительно обведено чернилами. На страницах появляются пропуски - чистые места и отсутствие дат. Потом возобновляется точная датировка...

После многих повторений о "своей любви к "Нему" написано: "Я больше так не могу. Я должна или во всем признаться "Ему", чего бы это не стоило мне дальше, или..." (не дописано).

Запись ни в этот, ни в последующие дни не была продолжена.

Много дней о "Нем" вовсе не было ничего. Шло описание наблюдений "романа" Нади и Миши, дословные записи вечерних рассказов "счастливой Нади", о себе - еще одна фраза: "а мне никто не завидует".

Запись о "Нем" была продолжена через много дней.

"Сегодня я увидела "Его" одного, в коридоре после занятий. "Он" стоял около окна и читал какое-то письмо. Сначала я увидела "Его" лицо, оно все светилось. Я никогда не видела у "Него" такого радостного, светлого лица. Потом я увидела у "Него" в руках это письмо. Когда я вошла в коридор и увидела "Его", повернувшегося к окну, я хотела подойти к "Нему", не знаю, что я сказала бы "Ему", но когда я увидела "Его" лицо и письмо в его руках, я поняла, что ни за что на свете я не могла бы говорить сейчас с "Ним", и прошла мимо, а "Он" меня совсем не видел. Никого и ничего не видел, кроме своего письма. Я должна узнать, от кого "Он" получает письма?"

Дальше, через день: "Позавчера вечером я рассказала Наде о "Нем". Какой "Он" был, когда читал в коридоре чье-то письмо. Надя рассмеялась и сказала мне, что я глупая, что только я одна не знаю, что "Он" часто получает письма, и когда читает их, у "Него" всегда бывает такое лицо, как будто "Его" изнутри осветили солнцем. Я начала плакать и долго, долго плакала. Ни позавчера, ни вчера даже не могла ничего записывать как всегда, и сегодня, когда я вспоминаю, хочется плакать".

Далее в записях прекращаются описания занятий, проведение свободного времени в воскресенье, событий у других воспитанниц. Все только о своей обиде на "Него". И так на протяжении нескольких недель.

"Вечером Надя вызвала меня в коридор, чтобы никто не мог нас услышать, и рассказала мне, что когда проходила мимо учительской, услышала там разговор. Остановилась послушать. Говорил кому-то из учителей, что "Он" собирается жениться. Она хорошая, тоже будет учительницей. Он часто получает от нее письма. Весной поедет к ней, когда будет его отпуск. Я переспрашивала Надю. Она мне все повторила и поклялась, что ничего от себя не добавила. У меня все сжалось. Наде я больше ничего не сказала. Вся как окаменела, даже не плакала. Я этому сама помешаю".

Несколько следующих строчек были густо зачеркнуты.

Дальше записи становятся малоразборчивыми, написаны без аккуратности и порядка, неровными.

"Я должна "Ему" отомстить. Я уже все обдумала. Но мне нужна Надя. Одной мне могут не поверить. Надя для меня сделает то, что я попрошу. Она только подтвердит, о чем ее спросят. Я расскажу ей, я все сделаю сама".

За этим в тетради была совершенно чистая страница, а следующая начиналась так: "Я уже все сделала. Все написала и послала, теперь буду ждать. Возврата нет. Я должна была отомстить".

В последующих записях исчезает упоминание о "Нем". Сами записи дальше становятся короче. Простое перечисление уроков, отметок. Все чаще упоминаются неудовлетворительные оценки. Нет размышлений о себе. Затем датированная запись:

"Наконец меня вызывали! Я очень тихо, подробно все рассказала. Меня переспросил другой человек, присутствующий там, куда меня вызывали и куда я писала. "Это все правда?" Я тихо подтвердила. Потом вызвали при мне "Его". Я не знала, что "Его" будут при мне вызывать. Я закрыла глаза и тоже все подтвердила. "Он" ничего не мог сказать, ничего не мог ответить. "Ему" предложили задать мне вопросы. Ответил, что у него нет никаких вопросов. Повторил, что ничего этого не было. Отказался что-нибудь объяснять, это меня спасло. Если бы "Он" задавал мне вопросы, я не смогла бы ему тоже отвечать. Меня посадили в стороне, по другую сторону стола, я не могла поднять глаза, посмотреть на "Него". Потом без меня вызывали Надю. Она вечером, потому, что боялась, чтобы днем нас не подслушали, все мне рассказала. Она подтвердила все. Теми же словами, что я ей говорила. Я спросила ее, поднимала ли она глаза, когда говорила? Она ответила: "Да". А я - не могла. Что же будет теперь? Что я ему отвечу, если он спросит меня?!"

Дальше в тетради были большие пропуски, чистые ряды клеток. Затем отдельные фразы: "Я совсем не могу сейчас заниматься. Со мной все перестали разговаривать, все в комнате, кроме Нади, хотя они ничего не знают. Знает только Надя".

Записей о "Нем" больше совсем не было. "Он" ни о чем не спросил ее...

Много разных мыслей вызвали у меня эти прочтенные записи в общей толстой ученической тетради. Прежде всего я был бесконечно благодарен девочке, передавшей мне эту тетрадь. Дело воспитателя должно было продолжаться.

Перед новым слушаньем дела я недолго говорил со своим подзащитным, просил его быть предельно лаконичным в своих показаниях и ответах на вопросы. О лежащей у меня в портфеле общей тетради ничего ему не сказал. "Он" о ней ничего не знал. Я решил, что неожиданность будет лучше для всех.

В судебное заседание явились и выздоровевшая "потерпевшая", и свидетельница Надя, и судебный эксперт, и врач, и педагог для подтверждения "правдивости и продуманности показаний малолетних".

Ни во дворе суда, ни на улице, я не увидел маленькой девочки, передавшей мне тетрадь. Впрочем, в суде из воспитанниц детдома больше никого не было.

Судья открыл судебное заседание. Ходатайств до слушания дела ни у прокурора, ни у защитника не было.

Прокурор предложил ввиду непризнания обвиняемым своей вины, начать слушанье дела с опроса свидетелей. Я не возражал. Суд согласился.

Первой допрашивали "потерпевшую". В комнату вошла девочка невысокого роста, очень бледная. По виду и первому впечатлению она казалась еще моложе. Плотные сжатые губы выдавали упрямство и замкнутость, глаза были полуопущены. И в дальнейшем она ни разу не посмотрела прямо, глаз ее я так и не увидел. Когда она отвечала, то даже не смотрела на задававшего вопрос. Судья предложил рассказать, что она знает, о чем ее опрашивал следователь. Девочка долго молчала. Иногда вздрагивала. Продолжала стоять с полуопущенными глазами. Судья повторил вопрос, девочка начала тихо рассказывать все то, что она показала следователю. О том, как "ее вечером вызвал в учительскую воспитатель, увидев ее, проходящую по коридору. Посадил рядом на диван в углу, обнял ее и придвинул ближе к себе. Повалил ее на диван и - сделал ей больно. Она вскрикнула"...

Рассказывала теми же словами, что и на следствии. Тихим голосом, но твердо и уверенно. И это производило большое впечатление. Такие объяснения девочки могли вызвать доверие у взрослых.

Также отвечала и на вопросы прокурора. Не торопилась с ответами. Подолгу молчала и подтверждала все в прежних своих выражениях при допросах на следствии.

Право задавать вопросы перешло к защите. "Потерпевшая" по-прежнему не поднимала глаз.

Я спросил ее, как она училась? Какие были отметки? Любит ли она стихи? Кто ее любимый поэт? Любимое стихотворение?

На все вопросы отвечала не торопясь, отдельно, тихо, но четко. Я спрашивал: писала ли она сама стихи?

- Нет.

- Вела ли дневник?

Она помолчала дольше чем при других вопросах. Ответила:

- Нет.

Я попросил ее подумать. Она долго молчала и повторила:

- Нет.

Я в третий раз, рискуя получить замечание председателя, переспросил:

- А в общую тетрадку в клетку не записывала ли о себе и о других, почти ежедневно, не называя это дневником?

У нее сразу изменился цвет лица, оно перестало быть бледным. Она начала заметно тяжело дышать. Очень долго молчала и ответила снова:

- Нет.

Я вытащил из портфеля ученическую тетрадь. Девочка вся как-то сжалась, совсем отвернулась, только плечи слегка вздрагивали.

- Это ваша тетрадь? - задал я вопрос.

Она молчала.

- Скажите суду, вы делали в ней записи?

Тишина в ответ.

- Вы не отвечаете суду. Это ваша тетрадь?

- Моя, - ответила она чуть слышно.

Я попросил суд приобщить тетрадь к делу и разрешить мне задавать вопросы, связанные с ее записями в тетради.

Нашел в тетради и прочел суду некоторые записи.

- "Сегодня у нас появился новый воспитатель. Кажется, он может мне понравиться...", "Когда его нет, мне еще больше хочется его видеть...", "Я уже рассказала Наде о своей любви к "Нему"..."

Спросил:

- Это вы писали?

Она молчала, совсем опустив глаза. Я продолжал читать:

- "Потом я увидела у "Него" в руках письмо. Я должна узнать от кого "Он" получает письма...", "Вечером Надя рассказала мне, что "Он" собирается жениться", "Он" часто получает от нее письма. Я этому сама помешаю..."

- Это все написано вашей рукой?, - спросил я.

Она ничего не ответила. Я листал тетрадь дальше:

- "Я уже все сделала. Все написала и послала. Теперь буду ждать. Я должна была отомстить"... "Что же будет теперь? Что я ему отвечу, если "Он" меня спросит?..."

"Потерпевшая" начала вдруг опускаться на пол и упала. Был обморок. Был объявлен перерыв судебного заседания. К ней подошел доктор.

После перерыва, когда продолжилось слушание дела, она по-прежнему тихо сказала суду:

- Это моя тетрадь. Все я писала сама. Прошу больше ее не читать. Я все сделала сама...

И начала плакать. Я сказал председательствующему:

- Вопросов у меня больше нет.

Общая тетрадь осталась на судейском столе. В перерыве ее просмотрел прокурор.

Вопросов "потерпевшей" больше не задавали. Она сидела на первой скамье, низко склонив голову, безучастно и одиноко.

После этого допрашивали Надю. Вначале она подтвердила свою версию. Затем, после ряда вопросов, смешалась, замолчала и призналась:

- Все говорила со слов, по просьбе ее, все...

Повернулась к первой скамье и тоже опустила голову.

Я задал Наде один вопрос:

- Кому принадлежит общая тетрадь?

Надя снова повернулась к первой скамье, кивнула головой. Подтвердила.

Совсем коротким был допрос подсудимого. Он сказал:

- Я невиновен в том, в чем меня обвиняют.

Ему задавал вопросы прокурор. У меня к нему вопросов не было.

Больше всех был потрясен происшедшим воспитатель. Сдержанный, раньше казавшийся замкнутым "сухарь", с волнением и горечью смотрел на девочек, своих воспитанниц. Дальнейшее рассмотрение дела было необычно скомканным.

Совсем ненужным казалось заключение врача и педагога о правдивости показаний малолетних девочек, излишними слова эксперта. Все это было выполнением чисто формальных требований.

Прокурор от обвинения воспитателя отказался. Я говорил:

- Материалы этого необычного оговора задают много вопросов педагогам и психологам. Заслуживают подробного изучения для правдивого литературного освещения, со стороны же судебной - вывод очевидный и единственный: признать ошибкой обвинение по делу.

Приговором суда воспитатель был оправдан.

Общая ученическая тетрадь осталась в папке судебного дела. Не знаю, если бы ее не оказалось в суде, что отвечала бы суду "потерпевшая" и что сказал бы в приговоре суд?

Маленькой девочки, бросившейся к машине, просившей о помощи "Ему", передавшей мне ученическую тетрадь, я больше никогда не видел.

Воспитатель женился. Жена его была учительницей в школе. Он продолжал работать до войны в детском доме.

"Потерпевшую" и Надю после суда перевели в другой детский дом.

ДЕЛО О столкновении самолетов

14 сентября 1936 года в 6 часов 40 минут утра, во время подготовки к авиационному празднику, в воздухе над харьковским аэропортом столкнулись два самолета. Самолеты упали на землю. Пилот Бекетов и наблюдатель в одном самолете погибли. Пилот другого самолета Левченко и наблюдатель спаслись, хотя были сильно повреждены при падении и отправлены в больницу.

Примерно таким было короткое донесение о происшествии 14 сентября. Была создана экспертная группа для установления причины столкновения самолетов.

Первые объяснения о происшествии Левченко дал в больнице, после операции.

Выполняя полученное задание по отработке "полета тройкой" для проведения в воздухе полета тремя самолетами во время будущего авиационного парада 18 сентября с выполнением фигур высшего пилотажа, как и в предшествовавшие дни, экипажи трех самолетов проводили подготовку-отработку в воздухе совместного полета.

Утро 14 сентября было ясным, безветренным. Погода благоприятствовала полетам. В "тройке" самолет, пилотируемый Левченко, был ведущим. Он первым ушел в воздух с бетонной дорожки аэродрома. Следом за ним, в установленные интервалы, ушли два других, два ведомых самолета.

В зоне выполнения фигур высшего пилотажа тройка самолетов проводила определенную программой отработку группового полета с выполнением ряда фигур.

Наблюдавшие за полетами "тройки" с земли руководители полетов и свободные летчики видели, что сложные фигуры высшего пилотажа были выполнены отлично и "тройка" была готова к выполнению ответственного задания - участия в авиационном параде 18 сентября.

После выполнения установленной программы полета "тройкой", Левченко дал указание ведомым самолетам идти на посадку. Распоряжение Левченко сделал согласно инструкции - правил проведения групповых полетов путем покачивания крыльев своего самолета в определенной манере.

Один из ведомых самолетов сразу пошел на посадку и приземлился. Второй ведомый самолет, пилотируемый летчиком Бекетовым, продолжал полет. Левченко пришлось повторить, согласно инструкции, указание Бекетову о посадке его самолета.

Убедившись, что в самолете Бекетова заметили его сигнал и считая, что самолет Бекетова идет на посадку, Левченко вновь вернулся в зону для отработки своим одним самолетом фигур высшего пилотажа, что также было намечено программой проведения тренировочных полетов.

Делая круг для набора высоты, самолет Левченко столкнулся с самолетом Бекетова. Обе машины рухнули на землю. Когда подъехал санитарный автомобиль, обнаружили под обломками самолета двоих погибших - летчика Бекетова и летевшего с ним наблюдателя. И двух человек, как было записано в акте, "с признаками жизни" - летчика Левченко и наблюдателя его самолета.

Обе машины были разбиты. После изучения обломков самолетов эксперты должны были дать техническое заключение - восстановить картину столкновения в воздухе. Присутствовавшие при полете "тройки", наблюдавшие с земли на аэродроме, видели

сигнал, данный ведущим самолетом Левченко двум ведомым самолетам идти на посадку, но не рассмотрели последующих событий до момента столкновения. Они не заметили, с какой стороны по отношению к самолету Левченко оказался самолет Бекетова.

Сам Бекетов был опытным летчиком, не имевшим ранее нарушений при проведении полетов, дисциплинированным, с хорошими характеристиками командования по службе. Бекетов и наблюдатель погибли, поэтому объяснить уже ничего не могли.

Лежа в больнице, Левченко тяжело переживал происшедшее. Вновь и вновь в бессонные ночи перебирал в уме все детали того утра, предшествовавшие трагедии: материальная часть была спроектирована, задача группового полета "тройки" была ясна; самолеты идут в установленном порядке в зону; выстраиваются с соблюдением необходимых интервалов; выполняют все фигуры пилотажа, положенные программой полетов в день авиационного праздника; по сигналу ведущего самолета оба ведомые идут на посадку; ведущий самолет возвращается в зону для отработки последующих фигур...

Так ведь и было все исполнено! Как же случилось, что при ясности поставленной задачи и четкости ее выполнения, как считал Левченко, произошла страшная катастрофа?

Погибли его товарищи Бекетов и наблюдатель, разбиты оба самолета, нарушен весь привычный распорядок работы и жизни, в котором участие "тройки" в групповом полете и авиационном параде в День советской авиации, с его Левченко, ведущим самолетом...

Левченко родился в рабочей семье. Отец его не успел получить образование выше четвертого класса церковно-приходской школы, потом - первая мировая война... Надыхался газов при наступлении немцев. Лежал в госпиталях. Снова фронт. Ранение. Вновь госпиталь. Опять фронт до возвращения домой, к жене, работавшей на заводе, и к маленькому сыну, который рос без отца уже пять лет. Затем - гражданская. Еще одно ранение. Демобилизация. Поступление на завод - детище революции. Член партии по Ленинскому набору. На заводе дошел до мастера. Хотел, чтобы его сын тоже пошел на авиазавод, продолжил рабочую династию Левченко.

Но младший Левченко еще в школе "проглатывал" все, что он находил в библиотеке и в книгах у товарищей отца о полетах. Позже ему давал книги об истории летного дела инженер - начальник цеха, где работал его отец, заметивший страстный интерес к полетам молодого Левченко.

Жили недалеко от площадки аэродрома. Все свободное время Левченко, еще мальчиком, проводил с книжками о летчиках, об истории летного дела. Часто его можно было увидеть и на холме за домом, откуда он с восторгом наблюдал за взлетами и посадками самолетов.

Окончив школу, пошел в авиаучилище. Учился планерному делу. Уже будучи летчиком, летал на планерах. Дважды участвовал в планерных соревнованиях. Занял первое место, был образцовым курсантом в летном училище при повышенно строгих требованиях ко всем и к самому себе. Его отмечало командование. Им гордились друзья и преподаватели как лучшим курсантом, им гордился отец. В этом году его в числе самых лучших пилотов выделили для подготовки и участия в авиапараде над Харьковом, на ведущем самолете.

В этом же году он женился. Любил свою жену. Непритворно радовался ее прыжкам с парашюта. Казалось, им все улыбалось в жизни до этого ясного утра 14 августа, когда произошла трагедия в воздухе.

Бекетов и Левченко вместе заканчивали авиаучилище. Вместе удачно участвовали во всесоюзных планерных соревнованиях. Были друзьями. Бекетов тоже был женат. Дружили и их жены.

...Левченко больше двух месяцев пролежал в больнице. Врачи не верили, что он останется жив. Было несколько тяжелых переломов. Ему еще раз повезло. Его чинили, складывали кости, успешно применили скелетное вытяжение. Пятьдесят дней неподвижного положения на кровати и замечательный врач-ортопед. Санитары и больные называли этого врача "Баба Лиза". Сама врач, жена военного врача-хирурга, говорила: "Ты, Левченко, везучий - жив остался". А он мучился: "Я живой, а Бекетова нет - чья и в чем вина?" Левченко не знал заключения экспертизы. Эксперты установили вину Левченко. Они отбросили возможность неполадок в материальной части самолетов, признали неправильными действия Левченко при возвращении в зону для отработки самолетом фигур высшего пилотажа. Не могли установить одного - почему, когда он делал круг для набора высоты, самолет Бекетова задержался в воздухе, если оба ведомые самолета получили четкие указания Левченко идти на посадку.

Позже на следствии Левченко не согласился с актом-заключением экспертов. Но в соответствии с актами экспертизы он был предан суду военного трибунала.

К адвокатам, с просьбой принятия защиты Левченко в трибунале, пришли его отец и беременная жена.

Старший Левченко говорил: "Я гордился сыном..." Молодая его жена беззвучно плакала.

Военный трибунал рассмотрел дело о столкновении двух самолетов в воздухе. Определяющим было заключение экспертизы. Не вдумываясь в детали его, в приговоре подтверждалась вина Левченко, хотя в трибунал были представлены блестящие характеристики пилота по работе до происшествия. Прокурор потребовал для Левченко 5 лет лишения свободы, ведь "в результате его неправильных действий произошла смерть двух летчиков и разбиты два самолета".

Я не только изучил следственное дело, но провел необходимые консультации с преподавателями авиаинститута и пожилым летчиком, знакомым отца Левченко, трижды был в тюрьме у самого обвиняемого.

Я отстаивал несогласие Левченко с экспертизой. Просил о его оправдании.

Заседание трибунала слушало командование летной части, где служил Левченко, его товарищи по работе, пилот и наблюдатель другого ведомого самолета, понявших указания Левченко и благополучно приземлившихся. Ощущалось общее сочувствие Левченко.

Он закончил свое "последнее слово":

- Хочу еще летать, в этом моя жизнь.

Трибунал признал виновным Левченко и осудил его к двум годам лишения свободы.

Военный трибунал в Киеве - кассация, куда пришло дело о столкновении двух самолетов в воздухе с жалобой Левченко, приговор утвердил, не согласившись с адвокатом, выезжавшим в Киев для подтверждения жалобы и дачи своих объяснений по делу.

Оставалась возможность обращения с жалобой в порядке надзора к заместителю председателя Верховного Суда Союза - председателю военной коллегии В. Ульриху.

Я пришел в тюрьму к Левченко для подписания жалобы. Левченко расспрашивал о событиях в Испании. Сражались в воздухе, побеждали и погибали за свободу Испании наши летчики. Левченко мысленно, непритворно был с ними. Весь охвачен был одним - быть в бою. Действительно, в работе летчика, в защите правого дела было все для него, он жил этим.

...В просторном угловом кабинете, за громадным письменным столом сидел грузный, с волевыми чертами лица, Ульрих. Он читал очень медленно, внимательно. Отметил на полях жирной чертой дореволюционным толстым красно-синим грифелем, вывинчиваемым из шестигранного карандаша, заключение экспертизы. Спросил меня:

- Так почему Левченко с ним не согласен?

Выслушал мое пояснение. Отметил синей чертой на полях характеристику Левченко и врачебные данные о его повреждениях при падении самолета. Коротко сказал:

- Он же счастливый человек. Остался жив...

Смотрел тяжелым, казалось, неподвижным, очень запомнившимся мне пристальным взглядом. Я порывисто обратился к Ульриху:

- Нет, не счастливый, он - просто человек, Василий Васильевич. Я был у него трижды...

Ульрих размашисто написал в верхнем углу жалобы три слова: "Истребовать. Доложить мне". Видны были крупные буквы и подпись крупно.

По протесту председателя Военной коллегии Верховного Суда Союза В. В. Ульриха дело было рассмотрено военной коллегией.

Вина Левченко не была снята, но мера наказания была заменена условной. Левченко был освобожден.

Я увидел счастливые лица отца Левченко и жены, родившей сына и вернувшейся из больницы. Такие озаренные радостным светом лица оправдывают все в трудной адвокатской работе.

Старший лейтенант Левченко участвовал в Отечественной войне с первых дней. В первом же бою сбил немецкий самолет. С войны Левченко вернулся Героем Советского Союза. Судьба хранила его. Больше его самолет не падал. Его сын, когда исполнилось восемнадцать лет, ушел учиться в летное училище.

Да, не получилось рабочей династии Левченко. Зато было положено начало династии летчиков-Левченко...

Крушение на станции Залютино

Дело о крушении на станции Залютино слушалось в показательном порядке в самом большом тогда в Харькове зале Дворца культуры железнодорожников, при громадном стечении людей, переполнивших помещение зала судебного заседания.

На выходной стрелке станции Залютино потерпел крушение рабочий поезд, на котором рано утром ехали в Харьков с пригородной станции люди - кто на работу, кто в школу... Шел тогда 1934 год.

При крушении поезда, когда паровоз прошел стрелку, а вагоны не последовали за ним, а пошли по другому пути, сталкиваясь и налезая друг на друга, несколько вагонов в середине поезда "выдавило" - они опрокинулись. Погибло 67 человек. Среди них было немало детей. Многие из пострадавших получили тяжелые травмы и увечья, были отвезены в городские больницы. По количеству человеческих жертв это было самое большое крушение на Южной железной дороге за все время ее существования.

Была проведена техническая экспертиза для установления причины крушения, опрошено много потерпевших и железнодорожных служащих для выяснения всех обстоятельств происшествия, проведено подробное расследование.

В результате экспертизой транспортной прокуратуры Южной железной дороги было установлено, что причинами крушения были неисправность пути и перевод стрелки, совершенный не своевременно, согласно инструкции, а уже под движущимся составом.

За исправное состояние пути отвечал дорожный мастер. Перевод стрелки производил стрелочник, дежуривший на этом посту в момент аварии. Дорожный мастер Кривко, работавший на этом околотке, и стрелочник Кротченко были преданы суду линейного (транспортного) трибунала.

Обвинение им было предъявлено по второй части ст. 56-30 "а" УК УССР - умышленные действия работников транспорта, повлекшие за собой тяжелые последствия.

За совершение таких преступных действий законом предусмотрено было исключительное наказание - высшая мера - расстрел.

Это требовало особой ответственности при рассмотрении дела от всех его участников, и прежде всего от защитников обвиняемых, для установления истинной причины крушения и наличия умысла в действиях виновных.

Публика, тесно наполнившая все помещение Дворца культуры железнодорожников - зрительный зал внизу, все ярусы и ложи - состояла в основном из родственников потерпевших, жителей станции Залютино и соседних станций, естественно, особенно остро и просто враждебно была настроена к обвиняемым. Требовался долгий настойчивый звонок опытного судебного работника - председательствующего по делу, чтобы в зале судебного заседания наступила необходимая тишина и порядок, обеспечивающие нормальные условия рассмотрения дела.

И теперь, по прошествии более половины века, вспоминая этот судебный процесс, я слышу рыдания и плач матерей погибших во время крушения детей, вдруг возникавший в зале в течение нескольких дней, когда линейный суд ЮЖД слушал непосредственные, правдивые показания свидетелей - уцелевших очевидцев катастрофы, при которой многие из них были тяжело ранены.

Но все они, показывая правду о восприятии ими самого момента катастрофы и ее последствиях, ничего, естественно, не знали и не могли знать о главном при решении дела - о причинах крушения.

Обвиняемые виновными себя по делу не признали. Дорожный мастер Кривко, проработавший на своем околотке более 10 лет, говорил, что он никогда не пропускал обязательных дней своего осмотра участка пути. Взысканий по работе у него не было.

Стрелочник Кротченко утверждал, что он перевел стрелки в положенное время. Кротченко недолго работал стрелочником, поэтому данных характеристики по работе у него не было. Было только установлено, что он из семьи раскулаченных и скрыл это при поступлении на работу. Поэтому основным доказательством по делу было заключение экспертов. Они подтвердили в суде свое заключение на следствии.

Заключение гласило, что причинами крушения были неисправность пути и перевод стрелки непосредственно под движущимся составом поезда.

Прокурор, заканчивая свою обвинительную речь, потребовал для обоих обвиняемых по делу, стрелочника Кротченко и дорожного мастера Кривко - высшей меры наказания - расстрела. В отношении остальных обвиняемых по делу, привлеченных за халатное отношение к работе, связанное с происшествием, прокурор требовал различные сроки наказания, находя смягчающие обстоятельства, без наличия в их действиях умысла.

Я понимал, что прямой причиной крушения был, несомненно, перевод стрелки, сделанный несвоевременно. Очевидно, стрелочник, находившийся на посту, задремал, или почему-то прослушал телефонный звонок в будке и выбежал из нее, когда паровоз подошел к выходной стрелке. Ему пришлось переводить стрелку под проходившим составом поезда. Выяснить это совершенно точно было невозможно, потому что сам стрелочник категорически отрицал очевидный факт перевода им стрелки под движущимся составом.

Положение на процессе стрелочника Кротченко было настолько тяжелым, что я, защищая дорожного мастера, опасался превратиться фактически во второго обвинителя Кротченко, доказывая, что только стрелочник виновен в крушении.

И на судебном следствии, в вопросах свидетелям и экспертам по делу, я старался выяснить фактическое состояние пути на околотке, добросовестность отношения дорожного мастера к выполнению своих обязанностей, для установления отсутствия причинной связи между неисправностями пути, если они были, и происшедшей катастрофой. Но категорическое заключение экспертизы в отношении состояния пути на околотке (где я дважды побывал до слушания дела) требовало иных путей доказательства невиновности Кривко. Изучая дело, я нашел в списке лиц, находившихся на "выжатом" и упавшем во время катастрофы вагоне, двух детей Кривко, тоже ехавших этим же поездом в школу.

В предоставленном слове для защиты, я сказал:

- У дорожного мастера Кривко четверо детей. Двое из них, старшие, ехали в школу поездом, потерпевшем крушение. Не может быть умысла у отца на совершение действий или бездействия по своей работе мастера на околотке, в результате чего может произойти катастрофа поезда, в котором могут быть или будут его дети...

Напряженно слушали присутствовавшие в зале. Внимательно слушал состав линейного суда. Пожилые заседатели, сами железнодорожники и родители, казалось, вновь всматриваются в Кривко, не только подсудимого, но и отца детей, спасшихся при крушении поезда.

Поздно ночью суд ушел на совещание. Зал заседаний был по-прежнему переполнен. Стояла волнующая тишина, когда председательствующий по делу оглашал приговор:

- Именем Союза Советских Социалистических Республик... заслушав показания обвиняемых, свидетелей и заключение экспертизы... линейный суд установил по материалам дела, что в поезде, потерпевшем крушение, ехали дети дорожного мастера Кривко, считает, что подсудимый Кривко, не мог иметь умысла в работе на совершение крушения этого поезда... Подсудимого Кривко по делу оправдать.

Председательствующий был прерван раздавшимися в зале сильными дружными аплодисментами, нарушившими торжественную тишину.

Казалось, по-человечески обрадовались услышанной правде все отцы, все родители, слушавшие дело, все люди, почувствовавшие, что кроме любых технических доказательств есть еще внутреннее убеждение в невиновности человека.

Виновным по делу был признан Кротченко, действительно перебросивший стрелку под движущимся составом поезда.

Дорожный мастер Кривко продолжал работу на своем околотке до самой войны. Был на фронте всю войну, восстанавливал после войны железнодорожный транспорт. Все четверо его детей работали на Южной железной дороге. И его внуки тоже.

Отвод председателю коллегии Верховного суда

В 1933 году было арестовано все руководство стройконторы ЮЖД во главе с ее начальником Гребеником. Следствие по делу продолжалось около года, и только в начале 1934 г. было передано в линейный суд ЮЖД, назначивший слушание во Дворце культуры железнодорожников в показательном порядке.

Кроме работников стройконторы по делу был привлечен начальник планового отдела ЮЖД М. Н. Лупицкий.

Помню первую встречу с ним в юридической консультации.

На прием пришел невысокого роста худощавый, подтянутый пожилой человек в пенсне с золотой оправой, представился и сказал:

- Я ряд лет работаю в Харькове, но не знаю никого из харьковских адвокатов, мне рекомендовали обратиться к вам. Я в жизни только один раз имел дело с адвокатом. Это было до революции. Тогда я обращался к Плевако. Он вел дело моей тетушки. Если вы согласитесь принять мою защиту, вам придется выполнить несколько моих условий. Я не признаю себя виновным и линия защиты будет установлена мной.

Начальник планового отдела ЮЖД, будучи обвиняемым по делу, не был взят под стражу и продолжал работать, исполняя свои обязанности в управлении ЮЖД.

- Завтра я начну вас знакомить с материалами моего обвинения, - сказал он, прощаясь со мной после оформления и принятия его защиты по делу.

- Нет. Беседовать с вами будем только после ознакомления с делом в линейном суде, - ответил ему я.

С самого начала работы защитником выполнялось мной незыблемое правило защиты: первое, что необходимо сделать - это подробно ознакомиться со всеми материалами дела и только после этого беседовать со своим подзащитным, причем всегда я сам рассказывал ему все обстоятельства обвинения, имеющиеся в томах дела, лишь потом начинал слушать его.

Так было и на этот раз. Только беседовать по делу пришлось не на следующий день, а только на шестой, так как дело оказалось в нескольких томах. В нем было множество сложных эпизодов, прямо не относившихся к обвинению М. Н. Лупицкого.

Группа руководящих работников стройконторы обвинялась в совершении действий, вызвавших развал работы, в результате чего наступили тяжелые хозяйственные, финансовые, моральные и другие последствия.

Кроме этого, начальнику стройконторы Гребенику было предъявлено еще отдельное обвинение - сокрытие своего контрреволюционного прошлого.

Начальник планового отдела дороги обвинялся в "организации неправильного планирования, в расширении перспективного планирования за счет текущего для стройконторы ЮЖД".

Много вечеров после окончания работы мы провели в кабинете начальника планового отдела М. Н. Лупицкого, беседуя с ним о работе отдела и стройконторы ЮЖД.

Защитнику по многим делам приходится подробно знакомиться с разнообразными вопросами, он обязан глубоко и всесторонне разобраться в них, чтобы получить объективную картину по всем материалам дела, провести тщательный анализ для конкретной помощи суду по проводимой защите.

Так мне пришлось знакомиться с работой планового отдела дороги и его начальника, и - очень подробно.

Детальное ознакомление с делом убедило меня в полной невинности М. Н. Лупицкого. В работе стройконторы ЮЖД было много успехов, но были и недостатки по вине самой стройконторы, порожденные огромным размахом проводимого ею строительства.

Плановый отдел дороги работал очень четко и оперативно, проводил ряд разработок, анализов, составлял перспективные планы без получения на то задания ЮЖД, но не в ущерб основной работе, всегда качественно и в срок - благодаря неумной инициативе, громадной энергии и исключительной работоспособности самого начальника отдела М. Н. Лупицкого.

Михаил Николаевич был крупным специалистом железнодорожного транспорта. Окончив институт инженеров путей сообщения, он встретил революцию, уже работая начальником дороги. Много лет продолжал трудиться на этом посту, и только после обязательного назначения на все должности начальников дорог и их заместителей (как и на многие другие руководящие должности) исключительно членов партии, был переведен на ЮЖД, на вновь созданную должность начальника планового отдела дороги. Здесь развел кипучую деятельность перспективного планирования. Был Михаил Николаевич колючим, ершистым человеком, не прощавшим легкомыслия и непродуманности в работе, и к своему обвинению по делу относился как к невозместимой потере своего времени, был

очень резок, даже дерзок при допросах на следствии и, казалось, даже утратил свою неизменную выдержку и корректность.

Позднее и на суде вел себя не как подсудимый, ограниченный в своих правах, а как консультант-эксперт, дававший пояснения совершенно независимо и подчеркнуто резко, словно он находился не на показательном суде, будучи подсудимым, а на уроке, где он не только учил, но подчас и резко обрывал "учеников".

Процесс продолжался девятнадцать дней. На семнадцатый день напряженной судебной работы с допросом огромного (более ста человек!) количества свидетелей и многочисленных экспертов, после ряда предупреждений председательствующего и звучавших крайне резких реплик из зала, со скамьи подсудимых в адрес прокурора, последний заявил ходатайство о взятии под стражу подсудимого Лупицкого, единственного из обвиняемых, находившегося на свободе. Причина - подсудимый мешает работе суда. Несмотря на все возражения защитника, линейный суд изменил меру пресечения Лупицкому. И до оглашения приговора он находился под стражей, фактически лишь "за свое поведение на суде".

Эпизоды обвинения Лупицкого были исследованы и проверены судом сравнительно кратко, а рассмотрение всех обстоятельств обвинений работников стройконторы было очень длительным.

За четыре года существования стройконторы ЮЖД, до ее реорганизации (выделение Донецкой дороги и т. д.), в старых границах, простиравшихся от Орла до Севастополя и охватывавших весь Донбасс, она провела большую работу по восстановлению всего железнодорожного хозяйства - постройку вторых путей, обустройство водохранилищ, электрооборудования дороги и т. д. Были, конечно, и недочеты, недостатки в работе, но при следствии чувствовалось, что все обвинения по делу работников стройконторы были всего лишь дополнением к главному - основному - обвинению начальника стройконторы Гребеника.

Член партии со времени гражданской войны, позднее окончивший транспортный институт, Гребеник обвинялся в "сокрытии своего прошлого", обмане при поступлении в партию, а также в том, что он в действительности был не бойцом Красной Армии, а начальником штаба в банде атамана Григорьева, активно боровшегося с Советской властью на Украине.

Основным доказательством вины Гребеника было опознание его подпольщиком, старым членом партии. Он был арестован начальником штаба Григорьева. Начальник штаба лично пытал коммуниста, избивал, перебил позвоночник и человек остался инвалидом. Все годы после гражданской войны он лежал в постели.

Свидетель был привезен из Черкасс. В зал судебного заседания, а позднее на огромную сцену Дворца культуры, где заседал линейный суд, внесли кресло, в котором полулежал свидетель - худой, как будто высохший человек с изможденным лицом, на котором выделялись большие глубокие глаза.

Председатель линсуда попросил его рассказать об обстоятельствах его ареста во время войны. Наступила полная тишина в зале, внимание всех было приковано к стоявшему в стороне креслу свидетеля, откуда слышался тихий голос:

- Наши части Красной Армии должны были оставить Черкассы. Я был оставлен для работы в подполье. После занятия Черкасс бандой атамана Григорьева, выполняя задание, я должен был побывать в городском театре, куда пошел загримированным. Там меня узнал начальник штаба Григорьева - Гребеник. Он и ранее лично знал меня. Ночью он меня допрашивал в штабе, я отказался отвечать. Гребеник схватил металлический прут и начал бить меня. После сильного удара я упал. Меня освободила Красная Армия, снова занявшая Черкассы. У меня оказался поврежденным позвоночник, с тех пор я - инвалид, лежу в постели. Гребеника я запомнил на всю жизнь. Мне предъявили фотографию, и я увидел его на снимке.

Председатель предложил опознать Гребеника среди обвиняемых. Свидетель попросил ближе поставить его кресло к скамье подсудимых. Кресло со свидетелем было перенесено.

Зал замер. Наступила полная тишина. Свидетель долго поочередно всматривался в лица всех обвиняемых по делу, снова напряженно смотрел и сказал:

- Я не могу среди всех опознать Гребеника. Пожалуйста, посадите Гребеника ближе, я буду определять.

Председатель распорядился (в нарушение закона, обязывающего опознание одного лица производить в группе лиц) перенести кресло Гребеника, поставить его вплотную к креслу свидетеля.

Своими большими немигающими глазами свидетель очень долго всматривался в лицо Гребеника. Две головы были совсем рядом. Белая, с совершенно седыми волосами худощавая голова свидетеля и черная, с выступившими капельками пота, голова Гребеника.

Белая голова повернулась к председателю:

- Можно мне осмотреть его голову?

Председатель разрешил. Свидетель протянул свою тонкую руку к голове Гребеника, ощупал и долго, долго смотрел на нее.

Потом тихо сказал:

- Нет. Это - не Гребеник. Не он.

Напряжение суда и всех присутствующих, молчаливо ожидавших ответа свидетеля, было нарушено невольным шумом, донесшимся откуда-то из зала. Председатель задал еще несколько вопросов свидетелю.

- Я теперь полный инвалид, но я остался членом партии, - сказал свидетель, - моя совесть не позволяет мне сказать неправду. Это не тот человек, который меня пытал. У того Гребеника был большой шрам на левой стороне головы. Я видел его, когда он меня бил металлическим прутом и запомнил на всю жизнь. У этого человека шрама нет, это - не тот Гребеник.

Был кульминационный момент процесса. Все последующие показания свидетелей, двухдневный спор с экспертизой, различные дополнения к следствию, даже заключение

под стражу Лупицкого за его препирательства с прокурором и председателем в судебном заседании, все это, казалось, было формальными частицами многодневного затянувшегося процесса, после опознания Гребеника, когда привезенный издалека свидетель не допустил трагедии - судебной ошибки, осуждения "не того Гребеника".

Прокурор вынужден был в своей речи отказаться от обвинения Гребеника в контрреволюционной деятельности в период гражданской войны, но поддерживал обвинение в остальной части всех обвиняемых по делу.

После многочасового совещания линсуд вынес приговор:

- Гребеник признан невиновным в прошлой контрреволюционной деятельности и осужден по должностным обвинениям за работу в стройконторе к десяти годам лишения свободы.

К различным срокам были приговорены и другие подсудимые по делу.

Транспортная коллегия Верховного Суда Союза приговор по делу утвердила. Позднее, по жалобам в порядке надзора, поддержанными протестом председателем Верховного Суда Союза, судебной-надзорная коллегия Верховного Суда Союза (тогда еще существовавшая), отменила приговор в отношении двух обвиняемых - Гребеника и Винцентина, передав их дело на новое рассмотрение линсуду Южной железной дороги.

Мне пришлось вести в дальнейшем их защиту, вновь в линейном суде и во всех дальнейших инстанциях.

При новом рассмотрении дело Гребеника было уже обычным. Не нужно было касаться далеких времен гражданской войны на Украине, заниматься выяснением состава банды Григорьева, выяснять в архивах, что у атамана было четыре начальника штаба и один из них носил фамилию ГРЕБЕНИОК, отличающуюся от фамилии подсудимого лишь одной буквой "ю".

Дело слушалось в обычном судебном заседании и закончилось осуждением Гребеника к двум годам лишения свободы. К этому времени он уже отбыл почти весь этот срок, находясь под стражей.

Дело вновь перешло в транспортную коллегия Верховного Суда Союза по жалобе Гребеника и заместителя начальника стройконторы ЮЖД М. Г. Винцентина.

Небольшая комната в Верховном Суде Союза, где происходило заседание транспортной коллегии. За столом - ее состав. Председательствовал Н. М. Немцов - старейший судебный работник, в прошлом политкаторжанин, член партии с 1902 года.

Председатель в установленном порядке начинает короткий доклад по делу. Я его прерываю и прошу слова для заявления.

- Какое может быть заявление в начале заседания коллегии? Вам будет предоставлено слово для защиты, - отвечает председатель, сурово глядя на меня поверх очков.

- У меня заявление об отводе, товарищ председатель.

- Кому?

- Вам.

Председательствующий Немцов еще больше нахмурился. Его густые мохнатые брови приподнялись над глазами:

- Сообщите основания отвода.

- По этому же делу, когда оно рассматривалось ранее в транспортной коллегии, вы уже принимали участие и, естественно, в какой-то степени связаны своим прошлым определением коллегии. В законе нет прямого указания о таком случае, но я полагаю, что вы не должны вторично участвовать в рассмотрении этого же дела в транспортной коллегии. Вот почему я и заявляю вам отвод.

Я и прокурор вышли. Не более как через минуту нас пригласили в комнату заседаний.

- В отводе отказано, - сказал председательствующий и иронически добавил: - Других заявлений у вас нет?

- Есть, - к крайнему изумлению всех членов коллегии, ответил я. - Прошу вызвать секретаря коллегии, чтобы записать мой отвод и отказ транспортной коллегии. Иначе это не будет нигде отражено.

Был вызван секретарь транспортной коллегии и выполнена формальная процедура записи. Заседание коллегии продолжалось...

Позднее я обратился к прокурору Союза с жалобой на необоснованность отказа транспортной коллегии в отводе председательствующего, ранее принимавшего участие в заседании коллегии по этому же делу. Прокурор Союза, согласившись с жалобой, принес протест в судебно-надзорную коллегию Верховного Суда Союза, отменившую определение транспортной коллегии и передававшую дело на новое, третье рассмотрение.

Оказалось, в практике Верховного Суда Союза это был первый заявленный отвод председателю коллегии.

Н. М. Немцов, встречая в дальнейшем меня в коридорах Верховного Суда, всегда добродушно, насмешливо, громко, не обращая никакого внимания на окружающих, говорил: "А, это приехал заявлявший мне отвод..."

Дело стройконторы ЮЖД, слушавшееся девятнадцать дней в первой инстанции в показательном порядке, затем вновь рассматривавшееся во всех других инстанциях, было большой школой для меня, я практически убедился в том, что основное для защиты по делу - исчерпывающе подробное ознакомление со всеми его материалами и настойчивое личное ведение дела во всех инстанциях.

Гребеник был освобожден по окончании своего двухлетнего срока наказания. Позднее судимость с него была снята и он до Отечественной войны был на ответственной работе на Севере.

М. Г. Винцентин, его заместитель, переехал в Москву, был деканом МИИТ.

Его дочь приглашала в гости "защитника отца". Хотела познакомить его со своим мужем. Однако я не ходил "в гости" к своим подзащитным...

Позже я весьма сожалел, что не познакомился с зятем Н. Г. Винцентина, узнав, что им был будущий легендарный главный конструктор - Сергей Павлович Королев...

КРУШЕНИЕ НА СТАНЦИИ ЯМА

Около станции Яма произошло большое крушение двух поездов.

Ввиду особо тяжелых последствий этого происшествия рассмотрение судебного дела было передано в Верховный Суд СССР.

Вскоре в Харьков приехала транспортная коллегия Верховного Суда Союза, и для защиты обвиняемых по делу были выделены защитники из транспортной юридической консультации, первой и единственной тогда работавшей в Харькове.

Защитники явились в помещение линейного суда ЮЖД знакомиться с привезенным делом. Я, защитник по делу машиниста Куманцева, поработав целый день, знакомясь с толстым томом дела, понимал, что мне нужно еще несколько часов для глубокого ознакомления с делом, и обратился к приехавшему секретарю транспортной коллегии с вопросом - когда это можно будет сделать.

- Для беседы с подзащитным и дополнительного ознакомления с делом у вас завтра будет целый день в Лимане, где мы начнем слушать дело. Но Николай Михайлович Немцов, председатель транспортной коллегии, сказал мне, что вы поедете с нами и сможете это сделать еще по дороге, в поезде. Правда, у нас в вагоне мест нет, и другие защитники поедут сами отдельно, а вы уж, раз Николай Михайлович так распорядился, приходите ровно к часу ночи на запасной четвертый тупик. Там стоит вагон председателя транспортной коллегии Верховного Суда Союза.

Разумеется, ровно к часу ночи я явился на станцию, нашел четвертый запасной тупик и увидел неправдоподобно длинный темно-синий старинный пассажирский вагон, в котором зеркальные большие окна чередовались с простенками, такого же размера.

На мой стук в дверь тамбура вышел старший секретарь транспортной коллегии. Он сказал:

- Теперь вы сами убедитесь, что в нашем вагоне мест нет. И я фактически без места, и главный транспортный прокурор Союза Миронов, приехавший с нами, спит в приспособленной ванной комнате. Но раз Николай Михайлович сказал, то пожалуйста входите. Он вас ждет...

Я вошел в необычно большой тамбур, за ним была массивная зеркальная дверь. В широком просторном коридоре с одной стороны были те же очень широкие зеркальные окна, в пролетах между ними во всю стену - старинные зеркала. С другой стороны была глухая перегородка, красиво отделанная деревянной панелью. Непонятно было, где же вход в купе. Только пройдя уже по коридору, увидел небольшую дверь. Я постучал и услышал:

- Входи же, входи.

Открыв дверь за ручку причудливой формы, вошел и, оказавшись в громадном салоне, остановился, с изумлением рассматривая необычную, показавшуюся неправдоподобной его обстановку. С одной стороны салона, обитого белой, вышитой разноцветными

цветами, когда-то нарядной, богатой тканью на стенах, стояли вычурной формы кресла и столик между ними из карельской березы, обитые золотистым материалом, с другой - широкий, укрепленный под потолком балдахин, с явными следами остатков громадного двуглавого золотого орла, нависшего над непонятным сооружением, позже оказавшимся деревянной необъятных размеров кроватью, где кто-то лежал и громко, заразительно смеялся.

- Когда мне, председателю транспортной коллегии Верховного Суда Союза в Москве, по делу отвод заявлял, такой молодой еще и зеленый, тогда не боялся, а теперь, значит, боишься, когда ко мне в вагон попал... Что же, ты считаешь, что в этом вагоне я не имею права ездить? После двенадцати лет каторги, ссылок до революции, после всей борьбы нашей с царским правительством? Когда мне предложили выбрать вагон для транспортной коллегии, сам этот вагон выбрал. Ты же не знаешь, чей это был вагон?

И он снова весело рассмеялся.

- Этот вагон был до революции вагоном вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Так-то. А теперь мы ездим. И ты поедешь с нами. Мы тебя спать устроим здесь же. Или будешь дело дочитывать, как тебе надо? Раз уж мне, старику, отвод заявлял в коллегии суда и... прав оказался, поедем на работу в этом вагоне вместе.

Так за невысоким, причудливым столиком из карельской березы, в вагоне-салоне, когда-то бывшем спальней императрицы Марии Федоровны - матери последнего русского царя, я ночью подробно ознакомился с делом.

Секретарь транспортной коллегии мне сказал правду. В огромном вагоне действительно не было мест, весь салон был предназначен только для одной императрицы. В узком и тесном купе в конце вагона для ее лейб-фрейлины, единственной, кому было доверено обслуживать старую императрицу, теперь ехал старший секретарь транспортной коллегии. В довольно просторном помещении ванной комнаты, на сохранившейся огромной каменной ванне, покрытой деревянным настилом, спал главный прокурор Союза - Миронов...

Но самым необычным для меня было иное. Под частично уцелевшим, потерявшим свои цвета, но сохранившим остатки золотого двуглавого орла, когда-то величественным пологом-балдахином, свисавшим над необъятной кроватью, на бывшем спальном месте жены и матери царей возлежал русский рабочий, "профессиональный революционер", всю молодость отдавший борьбе с самодержавием, а после революции - чекист и видный судебный работник Николай Михайлович Немцов.

Мне приходилось неоднократно выступать в Москве в коллегии по кассационным жалобам, по делам, слушавшимся под его председательством, неизменно внимательным и вдумчивым.

Однажды мне пришлось заявить ему по формальным основаниям отвод (он был в составе транспортной коллегии Верховного Суда Союза), как ранее работавшему по этому же делу, переданному вновь на рассмотрение судебно-надзорной коллегией. Отвод этот (позднее выяснилось - первый и единственный в практике Верховного Суда Союза) не был удовлетворен транспортной коллегией, но по протесту прокурора Союза определение транспортной коллегии было отменено тогда существовавшей в Верховном Суде Союза судебно-надзорной коллегией, так как отвод был признан законным.

Это запомнил председательствующий М. Н. Немцов, по-стариковски непосредственно, насмешливо и добродушно, встретивший в "царском" салоне меня, молодого защитника.

Рано утром поезд пришел в Красный Лиман, где было назначено слушание дела. Вагон отцепили и поставили в тупик.

В Красном Лимане всюду, и на станции, и на пути к центру поселка, и на огромном новом, недавно отстроенном здании ДК железнодорожников висели плакаты. На больших листах бумаги и картона разными шрифтами были выведены одинаковые тексты: "Виновным в крушении на станции Яма, машинисту Куманцеву и помощнику машиниста Бойко ТРЕБУЕМ ВЫСШУЮ МЕРУ НАКАЗАНИЯ!"

Машинист Куманцев и помощник машиниста Бойко находились на паровозе грузового поезда, идущего с большой скоростью, проследовавшего станцию Яма и на перегоне станции Красный Лиман внезапно столкнувшегося с шедшим по тому же пути пассажирским поездом. Произошло это ночью. Автоблокировки на путях тогда еще не было. Два паровоза ударились "лоб в лоб". Вся паровозная бригада пассажирского состава погибла. Локомотивы врезались друг в друга с такой силой, что их невозможно было не только отремонтировать, но и разъединить. Оба они пошли в металлический лом.

Машиниста Куманцева и его помощника Бойко каким-то чудом выбросило из будки паровоза на бровку пути. Они были серьезно ранены при падении. Позже оба были привлечены по обвинению по делу крушения - столкновения двух поездов, когда много вагонов опрокинулось и разбилось. Было много человеческих жертв. Перегон был закрыт для движения более суток, хотя для ликвидации последствий крушения работали два прибывших спасательных поезда.

Направление следовать по неправильному пути дал товарному поезду дежурный по станции Яма, понявший после сообщения о крушении свою ошибку и там же, на станции, покончивший с собой.

Машинист Куманцев обвинялся в следовании поезда с превышенной скоростью по неправильному пути. Помощник машиниста Бойко - в том, что он не следил за правильностью следования поезда. Были еще другие обвиняемые, косвенно причастные к происшествию.

Заседание транспортной коллегии началось во Дворце культуры железнодорожников в переполненном зале, не вместившем всех пришедших, толпившихся около входных дверей с двумя длинными плакатами: "Машинисту Куманцеву и помощнику машиниста Бойко требуем ВЫСШУЮ МЕРУ НАКАЗАНИЯ!".

Главный обвиняемый по делу машинист Куманцев родился и вырос в потомственной железнодорожной семье, его дед был помощником машиниста, водил первые поезда в Советском Донбассе. И отец тоже работал машинистом. И сам, тогда еще молодой, Куманцев начал водить товарные составы "на плече" отца, когда тот заболел (открылись раны, полученные на гражданской).

Машинистом "младший" Куманцев водил товарные поезда уже девятый год. В паровозном Краснолиманском депо его, как и отца раньше, принимали в партию. И жена его, дочь машиниста, сама работала на станции, пока не пришлось нанять двух маленьких детей. И был примерным машинистом Куманцев, никогда не было у него нарушений по работе.

В ночь аварии на своем "плече" вел состав, возможно, несколько превышая скорость. Это он честно признал, понимая, такая скорость могла повлиять на масштабы катастрофы. Куманцев был цельный, честный, прямой человек, мучительно переживавший происшедшее.

В первый день судебного заседания допросы обвиняемых и свидетелей мало дополнили обстоятельно проведенное расследование по делу. На место выезжала правительственная комиссия, была назначена экспертиза. Факт столкновения поездов, вызвавший печальные последствия, обрушился не только на обвиняемых по делу, но давил на все показания свидетелей, создавая угнетающую обстановку заседания.

На второй день суда слушали показания экспертов и дополнительно вызванных свидетелей. Последним председательствующий пригласил парторга Краснолиманского узла.

К столу, за которым сидел состав транспортной коллегии, подошел высокий худой человек с несколькими папками под рукой и большой стопкой бумаги. После опроса председатель предложил свидетелю рассказать суду, что ему известно по делу.

- На следующий после катастрофы день мы начали проводить обсуждение виновников крушения. У нас состоялись собрания всех работников транспорта. Они выносили свои резолюции...

При этом свидетель начал развязывать принесенные им папки.

- Мы позже охватили всех работников депо, службы пути и других отсутствовавших ранее на работе, и они тоже все присоединились к собранию. Так что нами были охвачены все работники Лиманского узла стопроцентно. Вот я принес протоколы собрания с резолюциями.

И он вытащил из папки и положил листы на стол...

- В паровозном депо присутствовало на собрании сто шестьдесят человек работников депо. Службы связи присутствовало...

Свидетель говорил быстро, заранее выверенной скороговоркой, вынимая все новые листы и складывая их на стол суда. Их не трогали члены состава суда, и пачка листов все росла на столе.

В зале стояла особенная, какая-то, казалось бы, звенящая тишина.

- И как же все голосовали? - спросил председательствующий.

- Все голосовали единогласно, товарищ председатель. Все требовали высшей меры наказания.

- И не было ни одного воздержавшегося? - после небольшой паузы спросил председатель.

- Не было, товарищ председатель.

- Все. Можете быть свободны, - по-прежнему тихо сказал председательствующий и показал жестом, чтобы свидетель забрал груды бумаги.

- У меня есть к свидетелю вопросы, - обратился к суду главный прокурор Союза.

- К этому свидетелю не может быть никаких вопросов, - ответил председательствующий.

Парторг медленно собрал в папку листы бумаги и ушел с ними. Весь зал замер. Была удивительная тишина. Объявлен был перерыв перед прениями сторон.

Прокурор в своей речи говорил об особых последствиях крушения, требовал высшей меры наказания машинисту Куманцеву.

Я в своем выступлении объяснил, что настоящей причиной катастрофы было ошибочное направление товарного поезда по неточному пути, и вина машиниста Куманцева была не в столкновении поездов, а только в возможном превышении скорости поезда, и лишь это определяет степень его вины, а не многие десятки бумажных и картонных плакатов, преждевременно, до приговора "определивших" вину и ответственность подсудимых по делу. Я говорил о цене каждой человеческой жизни, о невозможности применения к моему подзащитному высшей меры наказания.

Приговором транспортной коллегии машинист Куманцев был осужден к десяти годам лишения свободы.

После вынесения приговора председательствующий, вызвав меня из зала заседания в совещательную комнату, сказал мне:

- Через год, придешь ко мне, тогда обратимся для досрочного освобождения машиниста Куманцева.

Позже я узнал, что председатель по делу М. Н. Немцов написал представление в ЦК ВКП(б) о невозможности дальнейшей работы парторгом свидетеля по делу, "организовавшего стопроцентный охват работников Краснолиманского узла ЖД" для обсуждения действий виновников крушения на Краснолиманском узле. Куманцев через два года был досрочно освобожден.

В Отечественную войну Куманцев водил поезда к фронту и на фронте погиб.

...Крушение на станции Яма произошло в 1935 году...

Вспоминая все обстоятельства судебного процесса, я отчетливо вижу председательствующего по делу - старого большевика и судебного работника, очень пожилого, внешне сурового человека, с веселым смехом, в вагоне императрицы-вдовы и матери двух последних русских царей, в котором он приезжал на суд в Красный Лиман - цельного и мудрого человека, таких называли в народе "совесть партии" - Н. М. Немцова.

В 1938 году М. Н. Немцов был расстрелян, как "враг народа". Позже был реабилитирован.

МЯСОРУБКА НА 303-М КИЛОМЕТРЕ

К рабочему поезду в 5 часов 30 минут утра на платформе "303 километр", как всегда, собрались люди, направляющиеся в Харьков: дети в школу, рабочие - на предприятия. Собственно, платформы как таковой не было - просто утрамбованный с одной стороны участок без навеса и без фонаря.

Правда, был сильный туман. И света фонаря все равно не было бы видно. Туман стоял густой, сплошной, как потом было отражено в справке метеорологической станции: "свет от фар паровоза был виден только за полтора метра". Люди были в настолько густом тумане, что собравшиеся для ускорения посадки в рабочий поезд, с левой и с правой стороны по ходу его движения, не видели друг друга.

А в это время, опаздывающий на 8 часов, по противоположному пути шел скорый поезд. Шел с большой скоростью - более 40 км. в час. И здесь, на прямом участке пути, в густом, сплошном тумане произошло страшное. Скорый поезд врезался на полном ходу в массу людей, стоявших на пути, раздавил их и изрезал, превратившись в "мясорубку".

Машинист скорого поезда показывал позже:

- Наш паровоз начал дрожать, переезжая через что-то. Я остановил состав и сказал помощнику, чтобы он высунулся из паровозной будки и посмотрел. Тот это сделал. Мы услышали приближающиеся к нам крики бегущих людей. Помощник залез обратно в будку и сказал мне: "Это страшно. Там руки и ноги в колесах. Люди бегут к нам, кричат..." Тогда я дал ход и мы доехали до ближайшей станции, где я остановил состав, и, вернувшись, увидел то же, что и помощник.

Машинист не смог рассказать на станции о происшедшем. У него произошел нервный припадок, и позже он давал показания уже в больнице, где в неврологическом отделении пробыл полтора месяца в тяжелом состоянии.

Еще позднее он был привлечен по делу о "происшествии на 303-м километре" за то, что ехал с повышенной скоростью и не давал предупредительных сигналов.

Транспортная прокуратура назначила экспертизу для установления причин происшествия на платформе "303 километр" и виновных в трагедии.

Необычайные обстоятельства тяжелого происшествия - было убито на путях несколько десятков человек и еще больше покалеченных, попавших в больницы - вызвали создание специальной правительственной комиссии для расследования причин происшествия. В составе комиссии было три наркома. Председателем его была назначена заведующая отделом ЦК ВКП(б) Р.С. Землячка, приехавшая из Москвы.

По делу были привлечены многие лица. За определение на платформе "303 километр" одноминутной остановки пригородных рабочих поездов, в результате чего, как было указано в заключении правительственной комиссии и в обвинительном заключении, "ожидавшие поезда, ввиду недостатка времени для посадки с правой стороны состава, находились и с левой стороны от вагонов" - начальник пассажирской группы управления Бортгаузен, начальник 3-го эксплуатационного отделения дороги Переяслав, ответственные за расписание пригородных поездов. За отсутствие на "303 километре" крытой платформы и фонаря нес ответственность начальник коммунального отдела дороги Рокке и другие работники управления ЮЖД.

Был назначен показательный процесс над виновными в происшествии.

Я был тогда еще молодым защитником транспортной юридической консультации, впервые созданной в Советском Союзе на ЮЖД, специализировавшейся на ведении транспортных дел. Мне была поручена защита начальника пассажирской группы ЮЖД М. Н. Бортгаузена. Этот человек был незаурядным работником железнодорожного

транспорта. "Старый спец", занимавший еще до революции руководящие должности в управлениях дорог был требовательным, опытным, знающим, высококвалифицированным инженером, примером добросовестной до педантичности работы.

Мне было ясно, что прямой причиной происшествия было нахождение людей, ожидавших рабочий поезд (в нарушение правил) с левой стороны по ходу рабочего поезда, где посадка запрещена. Но не происходило ли так потому, что установленное время остановки - 1 минута - было недостаточным?

Пришлось изучить расписание всех дорог Советского Союза для рабочих поездов. Остановки были одноминутными и двухминутными.

На электрифицированной железной дороге под Москвой остановки были также одноминутными и двухминутными. На станциях Московского метро, недавно открытого, все остановки были одноминутными. Важно было сопоставить длительность времени остановок со средним количеством пассажиров, ожидавших посадки на остановках.

Подобный следственный эксперимент не был проведен. Поэтому его пришлось провести неофициально, лично, с хронометром.

Я ездил дважды на платформу "303 километр" в положенное время по расписанию рабочего поезда.

В обычных условиях (без тумана) в одновременно открывающиеся 16 дверей в восьми вагонах рабочего поезда на протяжении одной минуты без особой спешки, свободно, садились 128 человек, правда, если они распределялись равномерно по всему составу и проводили посадку организованно, без неизбежной при сплошном тумане и полном отсутствии видимости спешки и нервозности. Это было намного больше количества людей, собравшихся на платформе в день происшествия.

Именно недисциплинированность людей - сложившаяся годами привычка садиться в поезд с двух сторон - и привела к несчастному случаю с такими тяжелыми последствиями. По существу, сами люди были прямо виновны в происшествии. Нахождение на левом пути людей, тем более - в густом тумане, было опасным и совершенно недопустимым.

Но экспертная и специализированная правительственная комиссия, транспортная прокуратура и линейный суд ЮЖД, слушавший дело при невероятном скоплении слушателей в Харьковском Дворце культуры железнодорожников, считали, что одноминутной остановки было недостаточно, обустройство платформы навесом и фонарем было необходимым.

И именно это якобы привело к происшествию и было подробно отражено в приговоре линейного суда ЮЖД, приговорившего подсудимых к разным срокам наказания.

Мой подзащитный М. Н. Бортгаузен был осужден к пяти годам лишения свободы.

Дело с кассационными жалобами осужденных перешло на рассмотрение транспортной коллегии Верховного Суда Союза, где приговор был утвержден.

Я обратился с жалобами в порядке надзора к председателю Верховного Суда Союза и прокурору Союза. Эти жалобы также были оставлены без последствий.

Все нормальные пути для обжалования приговора были исчерпаны, но у меня осталось убеждение в несправедливости его осуждения, и я решил обратиться не по формальным основаниям, согласно закону.

Москва. Ильинка. Длинное здание ЦК ВКП(б). Отдел пропусков. Прошу о выдаче пропуска к заведующей транспортным отделом ЦК ВКП(б) тов. Землячке. Услышал:

- Она никого не принимает.

Попытка добиться приема на второй день также результата не дала. На третий день - тоже...

Какая-то женщина около окошка бюро пропусков, услышав мою взволнованную просьбу о выдаче пропуска к тов. Землячке для доклада ей об ошибочном решении комиссии под ее председательством, спросила:

- По какому делу?

Обещала помочь.

В два часа дня этот же голос по телефону из приемной ответил:

- Товарищ Землячка вас примет. Вам выпишут пропуск.

Третий этаж. Длинный коридор. Приемная. Высокая дверь и очень длинный кабинет, показавшийся бесконечно длинным, в конце которого большой стол. За ним - товарищ Землячка. Впрочем, сначала, открыв дверь кабинета я услышал голос, а потом, уже идя по кабинету, я увидел ее.

Голос был очень резкий, недружелюбный, просто-таки неприятный. И первые слова были такими же неприятно-обидными:

- Зачем вы пришли? Вы же знаете, что я никого сейчас не принимаю. А защитников вообще никогда не принимаю. Вам же, наверно, сказали? Вам не надо было приходиться.

Тогда, до 1934 года согласно закону защита не допускалась в трибуналах и специальных коллегиях. Такое отношение руководящих лиц к защитникам было обычным. Приходилось выслушивать еще и не такое...

...Все это и не только это я услышал, проходя огромное пространство от двери до стола, где сидела небольшого роста пожилая женщина с седыми взъерошенными волосами, продолжавшая резко меня "разделявать", пока я шел к ее столу.

- Нет, надо было товарищ Землячка. Надо. Потому, что по делу "происшествия на 303 километре" в вашем заключении была допущена ошибка и только вы можете восстановить справедливость.

Я был тогда прямым, горячим, молодым. И первые слова доклада по делу были сказаны еще по пути к столу. Хозяйка кабинета мне сначала даже не предложила присесть. Я долго еще стоял около кожаного старинного кресла перед массивным, тоже старинным, письменным столом, наверно, сумбурно, но взволнованно, непосредственно и убежденно "докладывал" об ошибке заключения комиссии, вызвавшей несправедливый приговор.

Я говорил, что комиссия "поверила" в недостаточность одной минуты для посадки в рабочий поезд, экспертиза хронометром не проверила этого. Приводил собранные данные о времени остановок рабочих поездов на всех дорогах Союза. На электрической ЖД под Москвой, на всех станциях метро в Москве и за границей, о неофициально проведенном хронометраже времени посадки на платформе, не проверенном экспертной комиссией и судом, о непринятии НКПС соответствующей инструкции... Говорил, что без всего этого дело должно быть направлено на следствие, а в моем ходатайстве об этом суде было отказано, говорил, что судебная ошибка с несправедливым приговором - тяжелее любого несчастного случая, вызванного стихией и виной самих пострадавших...

...И странно, до сих пор мне еще странно: товарищ Землячка перестала ругать меня, слушала и потом начала задавать вопросы по существу нужные, необходимые.

Я понял, что товарищ Землячка обладает редким даром умения слушать и предоставить право спорить с собственным мнением, обычно отсутствующим во многих других инстанциях.

- Вот почему надо было к вам прийти, как к председателю правительственной комиссии по делу на "303-м километре".

Она сказала коротко:

- Попросим прислать нам дело и еще раз проверим.

Через месяц она подписала представление председателю суда Союза в порядке надзора с просьбой о пересмотре дела и меры наказания для осужденных. Верховный Суд Союза смягчил наказание всем и уменьшил срок Бортгаузену.

Старейший член партии, суровый, резкий человек Землячка оказалась человеком совести, справедливым в самом трудном - признании собственной ошибки.

Позже НКПС Союза издал необходимую инструкцию о закрытии всех дверей с левой стороны по ходу следования рабочих поездов, была предусмотрена ответственность за их открытие для предотвращения несчастных случаев при посадке в рабочие поезда.

Для рабочих поездов на платформе "303 километр" была сохранена одноминутная остановка.

ЛИСТЫ ИЗ ТЕТРАДИ В СТАРОЙ КЛЕЕНЧАТОЙ ОБЛОЖКЕ

На столе передо мной лежала простая ученическая тетрадь в клеенчатой обложке. Вернее, не тетрадь, а листы различных размеров, с текстом, отпечатанным на пишущей машинке в один, два, три интервала, без полей и свободного пространства внизу страниц, на бумаге разного формата, сорта и цвета, вложенные в старую клеенчатую обложку.

По внешнему виду этих листов, небрежности их заполнения нетрудно было заключить о торопливости, взволнованности человека, печатавшего их в спешке, вовсе не заботившегося о внешней форме изложенного.

Общим в этих листах было мужское имя - обращение к "Виктору".

Это были напечатанные на машинке письма одного человека к другому. В письмах были некоторые данные об этих людях, об их знакомстве и встречах, об их отношениях к работе и жизни.

Но прежде всего это были письма об их любви.

Самое удивительное - все эти письма были в стихах. Все, до единой строки. Рифмованные яркие строфы о возрастающей, напряженной, просящей и требующей ответного чувства, бурной любви.

Строфы радости за ответное признание и новые страстные объяснения, горечь сомнения в чувстве-ответе и вновь строфы о любви...

Это были женские письма молодому мужчине.

Многие листы не имели дат, но, сложенные подряд в клеенчатой обложке, они, казалось, не имели пропусков дней, включали ответы на имеющиеся и отсутствующие странички и вновь были наполнены строфами о любви.

Старая обложка хранила сорок девять женских писем в стихах одному мужчине, напечатанных по одному в день на протяжении сорока девяти рабочих смен, на одной или двух страничках.

Эти письма должны были стать доказательством по уголовному делу.

Доказательством причин преступления совершенного, в результате ответной любви, подчиненной автору писем.

Пачку листов в клеенчатой обложке - большой роман в стихах - оставила мне очень грустная, болезненная женщина. Она очень волновалась, рассказывая мне об аресте сына.

- Он сказал мне, уходя под конвоем: "Ты не волнуйся, мама, обо мне. Береги себя. А мне только сохрани тетрадь в клеенчатой обложке, лежащую в письменном столе"...

И продолжала:

- Сын всегда был у меня хорошим. Рано оставшись без отца, он рос у меня на глазах. Во многом был похож на отца. Такой же мягкий, временами безвольный, даже бесхарактерный. Вот только его первый роман совсем не похож на наш с мужем. Наш был ясным, радостным, он продолжался светло и счастливо всю жизнь. У сына его первое чувство было увлечением, но, по моему, не любовью. Казалось, он попал в какой-то водоворот, ураган, унесший его от меня и от самого себя, подчинивший его полностью этой женщине... О ней вы прочтете в ее письмах. Я не могла их читать. Я ведь мать... и пришла к вам за помощью, для защиты моего сына в суде. Он теперь арестован...

Я ознакомился с делом ее сына в суде. Дважды беседовал с ним на свиданиях в тюрьме.

Но больше всего о нем мне рассказали письма из папки в клеенчатой обложке, принесенные мне.

Ее сын Виктор - студент дневного отделения технического института, по вечерам работал чертежником на небольшом заводе. На вечерней смене в техотделе оставалось немного

сотрудников. Иногда он бывал один на один со своим чертежом и кальками. Не знал, и обычно не сталкивался с работавшими на первой смене. Однажды придя несколько раньше на работу, увидел новую машинистку техотдела, заканчивающую первую смену на работе. Познакомились.

- Она сразу произвела на меня большое впечатление, - говорил Виктор. - Не внешность. Нет. Хотя она красива. Вы видели ее фотографию? Необычной непосредственностью и прямоотой. Через час нашей беседы все уже ушли из техотдела и мы остались вдвоем, она мне сказала: "Мы работаем в разное время и не сможем, наверное, встречаться, но я напишу вам завтра, а вы мне ответите. Хорошо? Я оставлю вам напечатанное в чехле машинки, и вы положите свое письмо туда же..."

На следующий вечер я, придя на работу, нашел в чехле машинки адресованный мне листок, напечатанный в стихах. Я ответил благодарной запиской. На следующий день это повторилось. И вновь я получил оставленные в машинке листки со стихами- ответ мне. Только для первого листка у нее были сутки после нашего знакомства, а для всех последующих был один день между работой, от получения моей записки до конца ее смены. Каждый вечер меня ожидали под чехлом машинки напечатанные в стихах листки и я не начинал работу, не ответив.

Мы не виделись пять дней. Но все эти пять дней продолжали нашу переписку. В субботу я приехал из института специально раньше, и мы условились встретиться в воскресенье в кино. В следующее воскресенье мы слушали вместе в театре "Кармен", потом были в драматическом театре. Через три недели я побывал у нее дома. Она жила, снимая крошечную комнату, почти угол, недалеко от вокзала. В ее комнате ничего, кроме кровати, не было. Мы уже немного знали друг о друге из нашей переписки. Из "почтового ящика" - чехла машинки, по-прежнему вынимали письма друг другу. Я по вечерам читал чудесные письма в стихах, полученные мною впервые в жизни, и я не знаю, получал ли кто-нибудь такие. И она по утрам читала мои записки, наверное, бессвязные, но всегда искренние, потому что она нравилась мне все больше и больше...

Потом я остался в ее комнате. С ней. Очень беспокоилась мама.

Я заехал домой утром перед институтом и не признался ей. Был в этой крошечной комнате с одной репродукцией Сикстинской Мадонны на стене еще и еще. Оставался там. Казалось, мы любили друг друга, и не только в письмах. А переписка наша продолжалась. Каждый рабочий день я получал все новые листки со стихами и отвечал. Так было каждый день, кроме праздников, которые мы проводили вместе. Я делал подарки, обычно цветы. Цветы она любила. Для них не хватало денег, получаемых за работу машинистки. Я покупал их много. Если бы была возможность, покупал бы все. Мне хотелось, чтобы в крошечной комнате было полно цветов. Хотел бы подарить ей все, что ей нравилось. Я знал о ней немного. Нет родителей. Переменила работу машинистки, перейдя к нам на завод. Мне было безразлично, что она старше меня. Я полюбил ее очень сильно и предлагал жениться. Она смеялась...

Я спрашивал ее, почему она не напишет стихи о природе, людях, жизни, или - не пошлет их в журнал или газету, а пишет только мне. Она смеялась...

Однажды она спросила меня, у себя дома: "Что ты мог бы сделать ради меня?" Я ответил: "Все". Мы начали фантазировать, что будет со мной, когда я закончу институт, и с ней, когда ей надоест работать на машинке. Она смеялась...

Мне казалось, я не мог бы прожить ни дня, не получив под чехлом машинки своего листка. Я жил ими. Жил ее стихами до нашей встречи. Наверное, это была моя одержимость, какой-то сплошной угар.

И в школе, и на первом курсе института я хорошо учился. Сейчас же я просто не успевал учиться. Мама это замечала. Это очень огорчало ее. Я ни в чем ей не признавался.

Никого прежде я не любил. Я просто не знал этого чувства. Оно вошло в меня, захватило всего, и я готов был сделать для нее все, что угодно.

Был у нее дома. Она сказала мне смеясь: "А мою пишущую машинку ты можешь забрать и унести для меня? Я ее продам!" Сначала я не понял, думал, что она шутит, просто смеется.

Спрашивал, когда она повторила вопрос, хотел узнать для чего ей деньги? Она не отвечала. Теперь, я думаю, может быть она хотела меня испытать?

Когда, перед моим уходом от нее, она спросила меня в третий раз: - могу ли я унести с завода ее машинку? - ответил: "Могу. Ты ее получишь".

На следующий день попросил своего товарища по институту помочь мне - он долго отказывался. Я говорил ему, что "дело не в машинке - во всем в моей жизни". Уговорил его. В тот же вечер, перед уходом с работы, положил пишущую машинку в принесенный мешок, вынес ее во двор завода, чтобы передать через забор в условленном месте ожидавшему товарищу. Его задержали с пишущей машинкой в мешке. Я ушел через проходную и меня арестовали дома.

...Следственное дело было кратким. В папке значительно более тонкой, чем принесенная мне в клеенчатой обложке с листами стихов. Протокол задержания с заводской пишущей машинкой, признание задержанного: "Просил меня Виктор". Показания Виктора: "Виновным себя признаю. Зачем это сделал, объяснять не буду". Ордер на арест обоих и обвинительное заключение: "Обвиняются в краже на заводе пишущей машинки системы "Ундервуд".

Больше лаконичных материалов следственного дела и подробного рассказа на втором свидании в тюрьме Виктора, мне дали для понимания всего происшедшего, отпечатанные на пишущей машинке "Ундервуд" листы в стихах, лежащие у меня на столе.

Был институт, обязанности студента, работа по вечерам на заводе, дом с заботливой мамой. Был привычно ровный, спокойный размеренный пульс жизни... И в девятнадцать лет в жизнь ворвалась буря огромной силы, нарушившая все внутри и вокруг, стремительный ураган. Отодвинулось, потом отпало все привычное, обязанности, условности, все бывшее, известное...

Пришло чужое и возникло чувство. Росло. Все заполняло. Казалось, мог уйти в крошечную комнату, только для того, чтобы остаться навсегда вместе. Мог выполнить любое ее желание. Готов был исполнить любую просьбу, даже совершить преступление.

В первом же листке стихов было бурное объяснение в чувстве, призыв к ответному чувству. В следующем был все растущий, сметающий все преграды призыв и страстное требование ответного чувства. Затем беспокойство, сомнение и внезапная радость. Множество строф о счастье. Снова неверие в продолжительность его, беспокойство и требование взаимности...

Стихи были женщины к юноше. Женщины, подчинившей его своему чувству и себе.

Стихи были поистине взрывной силы. Мерные строфы сменялись свободным размером. Может быть, слишком обнаженным было признание в собственном чувстве. Эти стихи были не для цензора и не для посторонних читателей. Но это был мир большого, бурного, настоящего, все заполняющего и подчиняющего себе женского чувства.

Я решил в заседании суда, при защите Виктора, прочесть эти стихи.

Помещение нарсуда. Небольшой зал заседаний. Малочисленная публика, - кто придет слушать дело о краже пишущей машинки? В составе суда три женщины - судья и заседательницы. Позже оказалось - учительница, вторая - работница. Двое обвиняемых студентов. Короткие их показания с полным признанием и молодой адвокат, не отрицающий фактических обстоятельств дела, читающий суду содержание листов - стихи, полученные подсудимым под чехлом пишущей машинки "Ундервуд", с которой было связано обвинение по делу.

Прокурора на суде не было. Но вряд ли он стал бы возражать против чтения более достоверного и убедительного документа, чем любые показания, привлеченные по делу.

Прочтены были, конечно, не все листки. Пяти было достаточно, чтобы молодая судья и обе пожилые заседательницы, сначала с недоумением, непонятливо слушавшие, позже поняли и поверили, что в жизнь Виктора ворвалось нечто, совсем далекое от комнаты, где происходило судебное рассмотрение дела.

Чувство Виктора было подчинено другому. И его последующие действия, не допускающие, конечно, никакого оправдания, объяснились слепыми стремлениями исполнить любое желание-просьбу, рожденную стремлением испытать его или другим, неизвестным мотивам женщины, отсутствующей на суде.

Я не думаю пересказывать мои объяснения. Это бессмысленно при отсутствии этих стихов... Но тогда их напряженно слушал суд.

Приговор по делу - оба обвиняемых были признаны виновными. Мерой наказания было назначено - условное осуждение.

Оказалось, что стихи о любви могут быть доказательством по уголовному делу. Больше всех была рада мать Виктора. Ведь это она принесла мне эти листки в старой клеенчатой обложке. Она спасла сына.

Стихи я просил приобщить к делу. Особенно заинтересованной оказалась молодая секретарша суда, сказавшая мне: "Я перепишу их себе".

Печатавшей подлинник на машинке "Ундервуд" к моменту слушания дела и освобождения Виктора в Харькове не оказалось.

Она уехала, даже не оставив адреса своей хозяйке.

В том же году Виктор перешел в другой институт. Пошел на юридический факультет. Изредка приходил ко мне. Шутил, объясняя причину перехода, выбора новой стези деятельности. "Хочу изучить все виды доказательств в уголовных делах. Это нужно для работы адвоката". Перед войной окончил юридический институт.

В Отечественную войну ушел на фронт. Дальнейшей его судьбы не знаю.

После войны я узнал о судьбе женщины, печатавшей стихи Виктору на пятидесяти восьми листках разного размера, прятавшей их под чехлом злополучной машинки.

Прочел сразу два сборника стихов русской поэтессы, ее стихи. Не поверил. Проверил. Она была автором стихов, ставших "доказательством по уголовному делу".

Давно уже она - лауреат Государственной премии. Одна из самых известных поэтов. У нее есть звучные, яркие, хорошие стихи, много написано и издано. Она - поэт. Нет только стихов таких волнующе-удивительных, настоящих, как те, отпечатанные в спешке, без исправлений и редакторской правки, на листках в простой клеенчатой папке.

Папка хранилась у меня до войны. Погибла со всем моим архивом и библиотекой.

Почему-то, особенно жаль что не сохранилась эта папка...

Высшая мера наказания

В 1934 году в верхнем зале Харьковского почтамта областной суд в показательном порядке слушал дело "Государственной карточной монополии на Украине", так сокращенно называли несколько томов дела о хищении полумиллиона государственных средств.

Обвинение было предъявлено по декрету от 7 августа 1932 года, требовавшему расстрела и при особых смягчающих обстоятельствах - десяти лет лишения свободы за хищение социалистической собственности.

Какие могли быть особые смягчающие обстоятельства при таких особо крупных размерах похищенного, когда высшую меру наказания применяли за хищение колосков после уборки урожая с колхозных полей? И закон, и печать тех лет требовали усиления репрессий для расхитителей государственной социалистической собственности.

Главный обвиняемый по делу - начальник главной карточной монополии на Украине Григорий Яковлевич Григорьев-Катынский, за четыре года (1930-1934) "образцово" организовал сбыт игральных карт на Украине. До процесса я не представлял себе, какой огромный доход собирал Наркомфин от продажи обычных игральные карты. Все годы работы Григорьев-Катынский разными путями с помощью прямых подделок документов, подлогов присваивал часть выручки всей государственной карточной монополии на Украине. Для облегчения своей преступной работы специально выучил бухгалтерию и в штате держал старика - старшего бухгалтера шестидесяти восьми лет (у него оставались в жизни только заботы о своих болезнях) и двух счетоводов - юных шестнадцати- и семнадцатилетних девушек, "зеленых" и неискушенных в жизни и работе. Эту тройку, не участвовавшую в хищениях и ничего о них не знавшую, только формально можно было привлекать за халатность (за что они были привлечены), тем более, что опытные ревизоры Наркомфина Украины (две ревизии) и Наркомфина Союза (третья), при проверках никаких нарушений не обнаружили. Все годы государственную карточную монополию на Украине премировали за "образцовую работу"...

Итак, центральной фигурой процесса был Григорьев-Катынский. Он держал себя свободно в суде, даже несколько развязно и словно бравировал своим признанием в подробнейшем объяснении по делу.

На первый же вопрос председательствующего: "Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?", четко отвечал: "Из 447 тысяч рублей, в хищении которых обвиняюсь, я признаю себя виновным только в присвоении 225 тысяч".

Нелепо звучало это подчеркнутое "только", тогда ведь к расстрелу осуждали за хищение свыше 10 тысяч рублей, а тщательно проведенная экспертиза по делу бесспорно установила систематически совершаемые лично им присвоения именно 447 тысяч рублей.

Характеристика его осложнялась бесспорно установленным образом его жизни, привлечением еще большей суммы.

Свидетелями по делу были вызваны четыре жены Григорьева-Катынского.

Первая была его женой двенадцать лет, с 1919 года. Они познакомились в отряде Красной Армии, командиром которого он был, она - медицинской сестрой. Она продолжала его любить и тогда, когда он сошелся с другой женщиной и привел ее к себе в дом.

Со второй женой прожил более двух лет. Некоторое время параллельно жил с третьей, пока не оставил третью и... не появилась четвертая.

Все женщины по-своему были очень интересными. Четвертая, просто красивая, дочь профессора, ушла от своего мужа, крупного инженера, сошлась с Григорьевым-Катынским и некоторое время жила вместе с ним и его третьей женой в одной квартире, вместе дважды ездили на курорты, вместе получали богатые подарки. Запомнились показания этой четвертой жены, старавшейся казаться простодушной, молодой (каждая последующая жена была моложе предыдущей) хищницы и перелетной моли с миндалевидными глазами и игрой в детскую непосредственность и вправду обиженной: "Только здесь мне стало известно"...

- Мы поехали в свадебное путешествие в Ленинград. Григорий Яковлевич был очень огорчен. Поезд был транзитный и он не мог купить все билеты в вагоне, чтобы нам ехать одним. Пришлось купить четыре билета в международном вагоне, чтобы одним остаться в купе. В Ленинграде Григорий Яковлевич взял такси, чтобы поехать в Петергоф, показать мне фонтаны. По дороге заехали в комиссионный магазин, купили патефон, может быть вы знаете, фирмы "Собачка"? Григорий Яковлевич любил делать мне подарки. В Петергофе посмотрели дворец, может вы знаете - такой красивый, и музей, послушали на свежем воздухе купленные пластинки Вертинского, такие приятные, может быть, вы слушали? Вернулись в Ленинград, Григорий Яковлевич мне говорит: "Давай подарим патефон шоферу, он так хорошо нас возил". Подарили.

В зале движение, шум. Председательствующая спрашивает свидетельницу:

- И долго вы так ездили? Сколько стоила ваша поездка?

- Ездили четырнадцать дней, поездка стоила, кажется, 12 тысяч рублей.

В зале невольный шум. Встает Григорьев-Катынский:

- Позволь уточнить. Ездили 12 дней, поездка стоила 14 тысяч рублей.

Публика шумит. Уже не смеется, негодует.

Свидетельница, четвертая жена, продолжает неторопливый рассказ:

- Григорий Яковлевич так любил делать подарки...

Говорит о двух манто - беличьем и каракулевым:

- Не помню только, какое подарил раньше и сколько они стоили...

Григорьев-Катынский подробно уточняет. Он не напрасно учил бухгалтерию. Одет в кремовый костюм. Обратившись к секретарше суда, перед началом заседания, спросил: "Он помят? Я не мог его выгладить в тюрьме".

Все пять дней суда до приговора обвиняемый держался внешне спокойно, может быть, даже несколько позируя.

В суде были корреспонденты из Киева и Москвы.

Харьковская газета поместила в дни процесса негодующую статью о бытовом разложении человека, похитившего полмиллиона рублей.

С каждым последующим днем заседания суда было все большее количество присутствующих, переполнявших зал заседания.

Г. Я. Григорьев-Катынский не верил в вынесение ему приговора, осуждающего к высшей мере наказания, даже когда прокурор потребовал расстрела не только для него, но и для другого обвиняемого - начальника 25-го почтового отделения Алексеенко, привлеченного за хищение 9 тысяч рублей. Его защищал я.

Алексеенко имел двух малолетних детей и жену, больную открытым туберкулезом (из-за нее он и совершил преступление, покупая все для нее в торгсине). Вину свою в присвоении около 9 тысяч рублей признал и только плакал.

На фоне действительно огромных хищений - почти полумиллиона государственных средств, совершенных Григорьевым-Катынским, при молчаливом согласии его жен (шестьдесят лет тому назад не было практики привлечения жен, получавших многотысячные подарки, за соучастие с "дарившими"), эпизод виновного в хищении фактически 9 тысяч рублей Алексеенко, формально, механически объединенный с трехлетними хищениями и подарками начальника карточной монополии на Украине, был количественно несоизмерим и заслуживал смягчения.

Прокурор потребовал высшую меру наказания для обоих подсудимых и областной суд согласился с ним в приговоре. В газетах было сообщено: "Многочисленные присутствующие приговор встретили с одобрением. Верховный Суд Украины, рассматривавший дело по жалобам осужденных, приговор оставил в силе. Это было в последнем заседании Верховного Суда Украины на Сумской улице (19, перед переездом в Киев. Я, защищавший Алексеенко, обязан был обжаловать его приговор в части меры наказания для отмены расстрела, в порядке надзора. Родственников, кроме жены и детей, у него не было. Его жена лежала в тубинституте, малолетние дети были у чужих людей.

Неожиданно ко мне пришли две жены Григорьева-Катынского (позже я получил письмо в коллегия адвокатов, тогда такие письма передавались от осужденных к нам). Они

просили (и он) - в Киеве и Москве продолжать защиту Григорьева-Катынского с жалобами в порядке надзора.

Первая жена от него ушла, но она продолжала его любить. Это была незаурядная, верная женщина. Четвертая жена продолжала, как и в заседаниях суда, играть в любовь. Вспоминала о желтых сапогах Григория Яковлевича,- "Он для меня одевал их, приходя в суд", ей, несомненно, нравилось повышенное, нездоровое отношение многих к ней, "как к героине происшедшего".

Сам Григорьев-Катынский, отказавшийся от защитника в областном суде ("Я ведь все совершенно признаю", - говорил он), и согласившийся на назначение судом адвоката "только потому, что так полагается по закону", в тюрьме, после утверждения приговора, был уже совсем иным.

Ожидание ВМН - страшное испытание для любого человека. А он хотел жить и просил невозможного от еще молодого адвоката, защищавшего Алексеенко.

Всего пятый год я работал в коллегии защитников, окончив судебный цикл юридического факультета, сохранил задор молодости, непосредственность и критичность восприятия жизненных аномалий и мировоззрение своего поколения. Для меня не существовало "защиты ради защиты". Я понимал свою работу, как участие в общем судебном труде по установлению истины и борьбе с браком, страшным в человеческих судьбах. Придя в адвокатуру по призыванию из мира точных наук, после окончания первого института, к лаборатории человеческих душ, к социальной клинике - такой я считал работу судебно-следственных органов и исправительно-трудовых учреждений, я тогда одновременно работал в научно-исследовательском правовом институте.

У меня скопилось множество вопросов, рожденных жизнью и собственной практикой, нерешенных и потому, порой, мучительных.

"Дело государственной картонной монополии на Украине" родило новые вопросы: "Где предел обязанностей адвоката? Где заканчивается его долг перед подзащитным и самим собой? Имеет ли внутреннее право адвокат отстаивать при бесспорности совершенного тягчайшего преступления и установленных законом и двумя судебными инстанциями неправильности этой меры наказания (даже единственную, предусмотренную законом), только потому, что этим наказанием был расстрел? Не входит ли адвокат в противоречие с самим собой и требованиями общества, добиваясь сохранения жизни совершившему преступление характера и масштабов Григорьева-Катынского?.."

Были у меня и вопросы о государственной необходимости исключительной меры наказания - высшей меры - вместо пожизненного заключения.

...Я принял дело Григорьева-Катынского в порядке надзора. У меня тогда еще не было полного и прямого ответа на все свои вопросы, но решался один вопрос - о жизни человека, и закон давал право этому человеку и его представителю перед законом - защитнику - обращаться во все существующие надзорные инстанции.

В Киеве, куда переехали с украинским правительством высшие судебные органы республики, меня принял прокурор Украины. Он знал об этом нашумевшем деле, знал, что следствие по делу проведено с достаточной полнотой, задал мне вопросы, получил подтверждение о том, что на следствии и при слушании дела судом не было допущено нарушений закона и прямо сказал: "Мера наказания соответствует содеянному", отказав

по жалобам о снижении меры наказания обоим - и Григорьеву-Катынскому, и Алексеенко. То же повторилось в Верховном Суде Украины, только председатель его, Железнодорожный, отрицательно относившийся ко всему институту адвокатуры, считая, что она только мешает в борьбе с преступностью, после беглого прочтения жалоб, начал "разделять" меня:

- Вы окончили советский вуз, и не понимаете ни своих, ни наших задач!

И, когда услышал, что у защитника в соответствии с законом близкие с ним задачи, пришел просто в неистовство. По существу выгонял меня из своего кабинета:

- Вы не понимаете даже моих разъяснений, обещая поставить вопрос о несоответствии действий защитника!

В Москве меня приняли находившиеся почему-то в одном кабинете оба заместителя заместителя прокурора Союза - Леплевский и Рогинский. Сам прокурор Союза отсутствовал. Просмотрев жалобы, высказали единое мнение о невозможности замены расстрела обоим осужденным и о ненужности обращения защитника по таким делам. Здесь, сказали, все ясно.

Оставался председатель Верховного Суда Союза. К нему я и пошел на прием. У него не возникло сомнений в необходимости снижения меры наказания Алексеенко не только благодаря значительно меньшей доле от присвоенного, но и по мотивам совершенного. А в отношении Григорьева-Катынского были вопросы, требующие ответа независимо от оценки другими.

Работавший в то время по рекомендации В.И. Ленина, по образованию юрист и врач, председатель Верховного Суда тов. Винокуров внимательно ознакомился со всеми доложенными ему материалами, задал ряд вопросов (ему совсем не все было ясно), не высказывая своего мнения "до изучения дела", согласился с необходимостью замены высшей меры наказания для Алексеенко, в отношении же Григорьева-Катынского ничего не сказав, долго и пытливо слушал меня.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза согласилась с Винокуровым - заменила Алексеенко расстрел десятью годами ИТЛ.

Я сообщил это телеграфно его больной жене.

В Харькове товарищи по работе, руководители коллегии адвокатов области и все другие сказали: "Сделано все возможное и по закону. В отношении Григорьева-Катынского приговор к ВМН правилен. Если к нему его не применять, к кому же еще такой приговор может быть применен?"

Оставалось послать ходатайство о помиловании. Это было простой формальностью. В декрете от 7 августа 1932 года "О хищении социалистической собственности" было указано: расстрел без применения права помилования.

...Я решил обратиться еще по существу о мере наказания по адресу: Москва, ул. Моховая (7. Приемная председателя ВЦИК СССР М. И. Калинина.

Огромная светлая комната, перегороденная высоким барьером. За ним, принимающий стоя (как и М. И. Калинин) седой, очень пожилой человек, старый большевик с

удивительно глубокими глазами, неторопливо все читает, слушает (какое-то огромное умение слушать!), задает много вопросов, не спешит...

Я, конечно, волнуясь, не гладко и совсем не юридическим языком, говорил необычно (так мне казалось!) напряженно-внимательно слушающему за барьером, могущему все понять, усталому человеку, представлявшему Верховный орган СССР, о ценности для государства каждой человеческой жизни, не только потому, что обвиняемые прошли цельно и честно свой трудный путь революции и гражданской войны, но и потому, что главным для применения ВМН является не только судебная характеристика преступных действий, а всесторонняя оценка совершившего их, с учетом всего его прошлого и возможной будущей полезности его для общества.

- Вы убеждены в его дальнейшей пользе для общества? После всего совершенного им. Почему?

- Григорьев-Катынский - человек волевой, большого размаха, не только в преступных действиях - он из тех людей, кто вторично никогда не совершит вредного для государства, а всю энергию, инициативу и незаурядные личные возможности человека обратит на пользу, на нужное, хорошее. Он еще может быть полезен нашему обществу...

Медведев все слушал, слушал...

- Только председатель Верховного Суда Союза, товарищ Винокуров, спрашивал о нем, всем остальным было "все ясно", а, ведь, кроме его дела о многих тысячах присвоения, определяющих все для всех, был и остается - человек, могущий дальше, навсегда, быть другим - настоящим человеком.

Медведев тихо, как будто про себя сказал:

- Да, еще есть - человек, - и начал спрашивать: - Правду ли говорил Григорьев-Катынский на следствии и в суде, не скрывал ли чего либо о себе?

И вновь подробно и внимательно смотрел принесенные ему материалы о прошлом Григорьева-Катынского и слушал, возможно, несвязные, но окончательно определившиеся мои мысли о том, что главным, основным была и остается оценка человека, каким он может быть и будет дальше.

Медведев умел слушать людей:

- Попросим председателя Верховного Суда Союза еще раз проверить дело Григорьева-Катынского, - и написал об этом коротко на большом листе товарищу Винокурову.

Я шел с Моховой улицы, мимо Кремля, с огромной благодарностью к Медведеву, который, возможно, поверил в то, что человек может быть и будет совсем другим, и решал не только по закону, а по совести.

Я тогда не знал, что этот человек был ранее секретарем ЦК Украины, еще до революции изучал людей и жизнь в царских тюрьмах и всегда был бережлив в решении человеческих судеб, будучи старым большевиком - совестью партии.

Я только понимал, что независимо от результатов обращения, человек, стоявший за барьером, был ближе всех к существу самой сути вопроса о человеке и его судьбе, что

этот, впервые встреченный человек помог утверждению решенных им вопросов и решению еще нерешенных.

Таким человеком был Медведев.

По протесту Председателя Верховного Суда Союза товарища Винокурова Пленум Верховного Суда постановил: заменить ВМН Григорьеву-Катынскому лишением свободы, сроком на десять лет. В формулировке замены Пленумом меры наказания Григорьеву-Катынскому основным были данные о его прошлом.

...Я пришел последний раз в тюрьму к Григорьеву-Катынскому перед его отправкой в лагерь.

- Меня хотели оставить здесь отбывать наказание по врачебной комиссовке, - я хромаю после раны, полученной в борьбе в бандитизмом, - но я отказался. Лучше ведь уехать возможно дальше, правда? Вы верите, что я еще буду человеком? Хочу, чтобы вы еще узнали обо мне. Буду вам писать. Хорошо?

Григорьев-Катынский не знал, что председатель Верховного Суда Украины Железнодорожский, узнав о решении, обратился в ЦК партии с докладной запиской о неправильности решения и вредности вмешательства секретаря ВЦИК СССР Медведева, повторив: "Если не применить ВМН к Григорьеву-Катынскому, то к кому же, тогда, применять?"

Ко мне началось "паломничество" родственников многих подсудимых. О судьбе Григорьева-Катынского узнали все находившиеся в обеих тюрьмах. Дело его создало мне неправдоподобно большую практику и помогло решению ряда моих собственных вопросов в работе адвоката. Жизнь решила остальное. Два года регулярно я получал письма-треугольники с короткими сведениями от Григорьева-Катынского. Потом они прекратились.

Известие о дальнейшей судьбе Григорьева-Катынского я получил в 1937 году. Мелко написанный треугольник письма и вырезка из какой-то газеты. Потом оттуда приехал ко мне, человек, окончивший отбывать срок своего наказания, находившийся в лагере вместе с Григорьевым-Катынским. Вот что я узнал.

...Недалеко от северного лагпункта на железнодорожной ветке в тупике стояли неразгруженные вагоны и цистерны с нефтью. В одной из цистерн загорелась нефть. Пламя перекинулось на соседний вагон. Он начал гореть, а в крайнем вагоне был привезен для взрывных работ аммонал. Люди, знавшие об этом, подняли панику, вместо тушения пожара начали выводить из лагпункта заключенных, начальство разбежалось.

В это время, возвращались с работы бригады с лесоповала. Паника была такая, что часть конвоя, увидев приближение пожара к вагону с аммоналом, тоже бежала. Тогда бригадир одной из бригад Григорьев-Катынский крикнул: "Кто со мной?" - и бросился к горящим вагонам, за ним побежали еще четверо из его бригады, они пытались тушить пожар и отцепили вагон с аммоналом, вручную откатали его и снова вернулись тушить пожар. Обгорели. Трое позже умерли от ожогов, двое долго лежали в больнице, выздоровели. Выжил и бригадир Григорьев-Катынский.

Приказом наркома внутренних дел СССР Григорьев-Катынский был досрочно освобожден и представлен к награждению (последнее осуществлено не было).

Григорьев-Катынский остался на Крайнем Севере работать по вольному найму. До войны изредка писал подробные, как он называл, "послания" мне, продолжавшему по возможности следить за его судьбой, как и за судьбой остальных своих подзащитных, особенно после замены ВМН десятью годами лишения свободы. Все эти письма пропали у меня во время войны.

ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ко мне обратились с просьбой принять защиту известного в городе доктора В. по делу об аборте.

Доктор В. - кандидат медицинских наук, готовил докторскую диссертацию, научный работник, немало писал в журналах на медицинские темы, читал лекции, работая по совместительству в научном институте, несомненно, был обеспечен - зачем ему было заниматься абортами, с риском потерять доброе имя? - так я думал тогда.

Оказалось, доктор В. был уже осужден нарсудом к трем годам лишения свободы. Не был взят под стражу до вступления приговора в законную силу. Был отпущен под подписку о невыезде.

Я колебался - адвокату всегда лучше вести защиту, начиная с первой инстанции. И его адвокат, защищавший его в первой инстанции, будет в обиде (правда, позже оказалось, что он заболел и в облсуде выступать не мог). Доктор В. продолжал работать в институте и, естественно, очень тяжело переживал обвинение, осуждение, потерю дальнейшей научной работы и доброго имени.

Я согласился принять дальнейшую защиту доктора, после ознакомления с делом. Том его дела оказался необычно толстым из-за многочисленных допросов огромного количества свидетелей, многих протоколов очных ставок, различных материалов и полностью положительных характеристик по профессиональной и общественной работе доктора во многих организациях.

Доктор виновным себя не признал.

Двадцать шесть свидетельниц - женщин, которым были сделаны аборт, не только ни в чем не упрекали врача, делавшего им эти операции, но все хвалили его работу, как умелую, высококвалифицированную, не оставляющую никаких осложнений.

Удивительным было, что ни одна из свидетельниц не только не назвала фамилии, имени и отчества врача, но даже не могла назвать улицу, номер дома, где были произведены аборт. Ни одна из свидетельниц на очных ставках четко и уверенно не опознала врача, сделавшего ей аборт.

Все свидетельницы показывали однообразно: "Я хотела сделать себе аборт, мне рекомендовали женщину, которая могла бы мне помочь. Я встретила без посторонних с этой женщиной. Она поставила мне условие: "Вы не будете знать врача, который у себя дома сделает эту операцию. Не будете знать, кто он, где он живет, не будете ни о чем с ним беседовать. Я заеду за вами на машине. Поеду вместе с вами одной к врачу. Привезу вас домой. Вы со мной расплатитесь и больше никого не будете знать. Вы знаете, что это врач опытный, высококвалифицированный гинеколог. Операция будет произведена в надлежащих санитарных условиях. Только вы никому ничего не должны об этом

говорить, потому что ответственность за аборт несут и врач, и вы". Потом так все и было осуществлено".

Свидетельницы не знали фамилии и имени женщины, с которой они договаривались по рекомендации. "Рекомендовавшие" - сами делавшие себе аборт, - ее тоже не знали.

Следователем была установлена цепочка сделанных на протяжении четырех месяцев абортов - неизвестно где, неизвестно кем - двадцати шести женщинам в одинаковых условиях, по одинаковой договоренности, с одной и той же пожилой женщиной. Но женщины этой не было на суде и следствии. Женщина эта не была разыскана и поэтому не была привлечена к уголовной ответственности. Цепочка, установленная следователем, оказалась уравнием со многими неизвестными.

Следователь старался установить "все, как было". По деталям показаний свидетельниц, путем привоза их в дом доктора, - предполагаемого виновника по делу, путем "опознания" свидетельницами доктора.

Следователь провел большую работу по собиранию доказательств проведения абортов именно этим доктором, исключив возможные другие версии.

Суд, "по внутреннему убеждению", признал его виновным и осудил, но цепочка аналогичных случаев с каждой свидетельницей ни к кому доказательно не вела и, кроме "убеждения следствия и суда", не создавала доказательств вины именно этого доктора В.

Все детали преступных действий были аналогичны с каждой свидетельницей. Много сделано абортов, и во всех случаях картина была совершенно одинаковой. Описание, при всех стремлениях следователя найти, выявить расхождение в деталях каждого отдельного случая совершения аборта были неотличимы у разных свидетельниц:

- В условленный день и час за мной приехала пожилая женщина. Принесла с собой большой платок, накинула на меня, закрыла всю голову и лицо, так, что я с закрытым лицом ничего не видела. Вывела меня, поддерживая под руку, из моей квартиры на улицу, помогла мне сесть в машину. Я не видела, куда мы ехали и где остановились. Помогла мне выйти из машины и войти в какую-то дверь. Когда в чужой квартире с меня сняли платок, я увидела в почти пустой комнате гинекологическое кресло, тахту возле стены, двух людей в белых халатах с белыми повязками, закрывающими волосы на голове, в белых плотных марлевых повязках на лице, с прорезанными отверстиями для глаз и рта. Одна была, я предполагаю, пожилая женщина, привезшая меня (я ее узнала по голосу). Она спрашивала другого человека о каких-то инструментах и лекарствах, а тот, в длинном белом халате, усаживал меня в гинекологическое кресло молча.

Сделал мне операцию. Помог перейти с кресла на тахту, где я пролежала одна несколько часов. Потом пришла пожилая женщина, помогла мне одеться, вновь накинула мне на голову платок - я снова не могла ничего видеть. Взяла меня под руку, вывела из квартиры врача на улицу, помогла сесть в машину и привезла меня к себе домой.

Я не видела, куда я ехала, откуда приехала, не знаю - на какой улице была, сколько было этажей в доме доктора, сколько комнат было в его квартире.

Не видела в комнате, где мне сделали операцию, ничего, кроме гинекологического кресла посередине комнаты, тахты у правой стены и электрической лампочки на длинном шнуре.

Я не могу определить цвет глаз доктора в прорези маски на его лице и ничего не могу сказать о голосе доктора, так как я его не слышала. Операция была сделана хорошо. Никаких осложнений и последствий у меня не было. Пожилой женщины больше я не видела.

...Ни одна свидетельница доктора не опознала.

Следователь задавал каждой свидетельнице много вопросов:

- Поднимались ли вы, выйдя из машины на ступеньки, на крыльцо?

Ответы были различными: "Не помню", "Кажется, поднимались на одну ступеньку", "Кажется, всходила на две ступеньки", "Не заметила ни подъема, ни спуска".

- Пожилая женщина, бывшая с вами, звонила или стучала, чтобы открыли дверь?

Почти все отвечали: "Не знаю", "Не помню", "Кажется..."

- Вы поднимались по лестнице в квартиру доктора?

Все ответили: "Нет"

- Проходили в квартиру доктора через другие комнаты?

"Не знаю", "Кажется, нет", "Не заметила".

- Что вы видели в окно комнаты доктора?

Все ответили: "Окно было завешано темной шторой".

- Какого роста был доктор?

"Среднего", "Ниже среднего", "Кажется, невысокого".

Все подтвердили: "Был в длинном халате с длинными завязанными рукавами, в белой косынке, плотно закрывающей голову, с прорезями на лице, все было чистое и новое".

Следователь произвел следственный эксперимент. Привозил четырех свидетельниц на квартиру доктора В., где якобы происходил аборт. В комнате не было гинекологического кресла, не стояла тахта, не было черной шторы на окне. Совпадала с показаниями свидетельниц только электролампочка под потолком.

Все они, побывав в квартире доктора В., не могли установить, та ли комната, где был произведен аборт.

Следователь спрашивал их об окраске стен.

Все показали: "Стены, когда мы были в комнате с одним окном, были завешены от потолка до пола белыми сколотыми простынями. В комнате, куда вы нас привозили, с одним окном, простынь не было, и мы не знаем, какого они были цвета, когда нас привозила пожилая женщина".

Ни одна свидетельница не опознала по окраске стен комнату доктора В.

Приговор суда игнорировал фактическое отсутствие неопровержимых доказательств виновности доктора, исходил лишь из "множества случаев совершенных аборт", не принимая во внимание крайнюю таинственность всей этой детективной истории, лишенной доказательств факта осуществления операций именно этим доктором, аргументируя лишь несколькими показаниями свидетельниц и фактическими данными - расположением квартиры доктора на первом этаже и наличием одного окна...

При слушании дела в нарсуде было допущено несколько процессуальных нарушений, поэтому областной суд, благодаря этим нарушениям и необходимости дополнительного расследования ряда обстоятельств, по кассационной жалобе доктора, приговор по делу отменил и направил дело на доследование.

Мое выступление в областном суде по существу было расширенным изложением обстоятельной жалобы доктора В.

Доктор закончил докторскую диссертацию. Пользовался авторитетом. У доктора были жена и дочь.

Я думал: "По существу обвинения следствие ничего не может дать. Цепочка случаев абортов установлена. Возможные детали выяснены. Это не создает оснований для привлечения доктора В. к ответственности. Возможно ведь, что аборты производил другой доктор, проживающий тоже на первом этаже в квартире с кабинетом, имеющим одно окно.

Завешивать это одно окно черной шторой, драпировать стены простынями и вносить гинекологическое кресло и тахту (не обнаруженные четырьмя женщинами при "эксперименте следователя") перед приемом очередной пациентки, привозимой для аборта, возможно и в квартире другого, не найденного следствием врача. Это все возможно было не только в квартире обвиняемого доктора В. Зачем же продолжать сверхнервную обстановку вокруг доктора В., лишаящую его возможности работать и спокойно жить?

Я решил, ввиду исключительности обстоятельств дела доктора В., обратиться, минуя все инстанции, прямо в прокуратуру Союза для рассмотрения ею дела доктора В. и решения вопроса о прекращении дела ввиду отсутствия каких-либо улик.

Мы с доктором В. поехали в Москву. Были приняты начальником следственного отдела прокуратуры Союза Л. С. Шейниным.

И вот в небольшом кабинете 2-го этажа по улице Дмитровке, 15 состоялась полуторачасовая беседа.

Л.Шейнин внимательно прочитал мою подробную жалобу. Опытнейший следственный работник, прошедший весь путь мастера следственной работы союзного масштаба от народного следователя в Ленинграде до руководителя всей следственной работы в Союзе, продолжавший лично ведение наиболее сложных запутанных дел, коренастый человек небольшого роста, глубоко сидящий в кресле, умеющий слушать и анализировать, Шейнин неоднократно отрывался от чтения жалобы и всматривался в лицо сидящего напротив за столом доктора В.

Шейнин задал ряд вопросов доктору В. и мне, затребовал из Харькова в прокуратуру Союза дело доктора В.

Когда выходили из кабинета Шейнина, доктор забыл в приемной отдела на вешалке свою шляпу.

Это позже явилось предлогом для доктора В., после поступления дела в Москву, вторично приехать посетить Шейнина. Доктор В. тоже понял, что Шейнин, читая большую, подробную жалобу, всматривался в него не случайно.

Через месяц Харьковская областная прокуратура получила дело доктора В., возвращенное с указаниями начальника следственного отдела прокуратуры Союза Л. С. Шейнина.

Позже я узнал, что Шейниным были даны конкретные указания о необходимых действиях в доследовании, предопределившие дальнейшую судьбу доктора.

Еще через месяц Харьковская прокуратура прекратила производство по делу доктора.

Доброе имя доктора было восстановлено.

Впоследствии мы с доктором близко познакомились, стали друзьями, доктор В. был лечащим врачом в моей семье. Лучшим врачом из встреченных мною.. Дружба продолжалась десятилетиями. Мы стали больше, чем братьями. Но это уже тема другого очерка.

В моей судебной практике было несколько дел об абортах. Дела были разными. С бесспорной и недоказанной виной подзащитных. Были и с курьезными обстоятельствами.

...В Харькове слушалось дело фельдшерицы, обвиняемой в производстве аборт, в показательном процессе во Дворце культуры.

Когда в заседании суда стало известным простое средство, применяемое фельдшерицей, настолько был велик интерес присутствовавших в суде женщин, желавших узнать его, такое количество женщин нахлынуло в зал, что судья вынужден был прекратить показательный процесс и перенести рассмотрение дела в закрытое заседание в камеру суда. Неудобно было оправдывать фельдшерицу в "показательном судебном процессе".

В моем распоряжении была копия приговора Винницкого нарсуда по делу об аборте, в котором было дословно написано: "Обстоятельствами дела и свидетельскими показаниями установлено, что обвиняемая в совершении аборта приняла внутрь порох с целью самовзрыва. Так как по закону самоубийство в Советском Союзе не наказуемо, обвиняемую от наказания освободить".

Были и другие любопытные дела об абортах.

Я собирал судебные курьезы. По разным делам об абортах были различные доказательства виновности обвиняемых. Но ни по одному "абортному делу" в моей практике адвоката, и во всех известных мне судебных делах об абортах, не было такого - "театрализованного действия" - инсценировки с укрыванием платком (чтобы ничего не было видно) всех свидетельниц, привоза их на неизвестной машине, театральных декораций в квартире врача и двух лиц в белых халатах, в масках с прорезями для глаз и рта.

Не судебное дело, а водевил с передеванием во многих действиях. А исчерпывающее выяснение и собрание доказательств вины обвиняемых - это ведь прямая обязанность прокуратуры...

ДЕЛО НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПЕТЛЮРЫ

Человек был низкого роста, коренастый, худой, с запоминающимися очень глубокими пронизательными глазами, в них чувствовалась незаурядная внутренняя сила. По внешнему виду, по первому впечатлению - учитель сельской школы, украинец.

Предположение не было обманчивым. Он действительно был учителем сельской школы в глухом, отдаленном от железной дороги районе РСФСР, на границе с Украиной.

Учителем работал почти двенадцать лет. Был женат. Жена, тоже украинка, учительствовала в той же школе. У жены был туберкулез легких. В семье было двое детей. Любил жену и детей. Еще любил свою Украину. Жил ради детей, жены и своей работы в школе. Любил всех детей, и чужих тоже. И щедро передавал им все лучшее из своего сложного, трудного внутреннего мира.

У человека была необычная биография и необычная судьба. Свою биографию и часть своей судьбы после мучительно долгих сомнений и внутренней борьбы с самим собой на протяжении девяти лет учитель записал мелким убористым почерком на тридцати пяти страницах толстой тетради.

Поехал в Харьков. Долго добивался приема у председателя ГПУ УССР Балицкого. Лично им был принят. Несколько часов рассказывал ему всю правду о себе, передал ему свою тетрадь, итог многих бессонных ночей и борьбы с самим собой.

Кроме тетради, своим низким, немного глуховатым голосом рассказал председателю ГПУ Украины всю изнанку своей жизни, трудного прошлого и свое настоящее.

О прошлом его ничего не знала его жена, не знали в школе, никто не знал из людей, встреченных им за двенадцать последних лет жизни.

Самым невероятным было то, что после длинной, почти четырехчасовой беседы-исповеди на приеме в кабинете председателя ГПУ Украины, Балицкий подписал пришедшему учителю пропуск на выход из своего кабинета на волю.

И удивительный посетитель, вернувшись в село, где он учительствовал, еще два года растил своих и чужих детей, учил их добру дома и в школе, лечил больную жену.

Еще два года жил на свободе. Уже иначе, несколько проще и легче, воспринимал все будни жизни, наполненные теперь иным отношением ко всему и к самому себе - после правды, подробно изложенной им в толстой тетради, оставленной им в кабинете Балицкого на приеме.

Почти год вели следствие по делу учителя, будто не верили всей правде, изложенной в тетради. К тому же, нашли в архивах ГПУ два старых судебных дела военных трибуналов. В одном было десять томов.

Дело было о пятидесяти двух обвиняемых. Все пятьдесят два подсудимых были осуждены к высшей мере наказания.

Пятьдесят один человек из них были арестованы. Пятьдесят вторым был он, осужденный заочно.

В другом архивном деле было три тома. По этому делу было осуждено к высшей мере наказания десять человек. Из них девять были расстреляны.

Десятым был он, осужденный тоже заочно.

Все тринадцать томов этих двух дел, с бумагой, пожелтевшей от времени, судебных разбирательств, с надписями на обложках каждого тома "Хранить вечно", были приобщены к одному тому его последнего дела, где находились его многочисленные показания-признания. Вновь было повторено все содержащееся в тетради и признание в совершении всех действий, за которые он уже был дважды осужден заочно. Все четырнадцать томов были делом по обвинению Савина-Наливайко (впрочем ранее он имел еще пять разных фамилий) бывшего начальника генерального штаба Симона Петлюры.

Ранее он был руководителем банд на Украине (так было написано в обвинительном заключении по его делу), ушел вместе с Петлюрой в эмиграцию за границу и позднее с бандами переходил неоднократно границу Украины.

Фактически было четырнадцать больших и очень емких томов всей истории гражданской войны на Украине, борьбы Петлюры за "самостийну" Украину с большевиками, нахождением его в эмиграции с четырьмя переходами границы с вооруженными отрядами для продолжения этой борьбы.

До революции учитель, Наливайко пошел активно против большевиков за "самостийну Украину". Начал в Холодном яру, близ Полтавы, где сформировал вооруженную украинскую группу (позже названную в большевистской печати бандой). Там скрывались тогда "атаманы" - Григорьев, Тютюнник и другие, много лет активно борющиеся с Советской властью.

О делах этих "банд" подробно рассказывали десять томов дела 1921 года - пятидесяти двух осужденных к высшей мере наказания "бандитов".

Тогда Наливайко удалось скрыться. До этого он объединил свою группу с частями Петлюры и длительное время был у Петлюры начальником его генерального штаба.

Когда Петлюра был разбит и ушел за границу, ушел с ними и Наливайко, продолжавший и там жизнь в борьбе с Советской властью на Украине. Создавал и организовывал новые "группы", находил средства и пути для приобретения оружия и обмундирования, возглавлял эти вооруженные украинские группы, набранные из старых его сподвижников и вновь завербованных, переходил с ними советскую границу для вооруженных нападений на советские территории, на вновь созданные советские органы.

О делах этих "банд" сообщали материалы трех томов дела десяти осужденных к высшей мере наказания, переходивших с ним украинскую границу.

Наливайко и тогда удалось уйти за границу и скрыться. Оставшись без сил и средств продолжать дальше активную вооруженную борьбу и увидев разложение украинской эмиграции, Наливайко на собственном опыте понял, что дальнейшая борьба не только безрезультатна, но беспочвенна и может быть полезной только для "заграничных господ", с которыми у него никогда не было ничего общего (так он позже писал в своей тетради и показаниях на следствии).

Нужно было найти внутреннее решение. Наливайко нашел свое решение - прошлое похоронено внутри. Жизнь дальнейшая вне Украины - немыслима. Жить будет новый, мирный, как и до революции, человек - учитель, внутренне не только разоружившийся, но навсегда порвавший со своим прошлым.

Человек действия, Наливайко осуществил это. В 1925 году один, без оружия, без обращения к кому-либо, Наливайко в последний раз переходит границу Советской Украины и потом почти одиннадцать лет работает учителем, женится на украинке. Живет с семьей и двумя детьми.

Вся его жизнь последующих одиннадцати лет - работа учителем в школе с чужими детьми, которые для него становятся своими, и семья с собственными детьми отражает весь его внутренний мир, найденной им правды.

Но нет покоя. Нельзя жить человеку чужим для самого себя. Человек может преодолеть страх, боязнь преследования, разоблачения, выяснения своей настоящей фамилии, своего истинного лица, своего страшного прошлого. И не может человек целую жизнь быть не самим собой.

Примерно так позднее написал в своей тетради Савин-Наливайко (тогда он жил под другой фамилией), после долгой борьбы с самим собой. Покой возможен только в одном: если в дальнейшей жизни быть как все.

Тогда и была написана тетрадь, прочитанная позднее председателем ГПУ Украины Балицким.

Потом почти через два года Савина-Наливайко, очевидно, из-за тетради, оставшейся в сейфе у председателя ГПУ Украины, нашли, арестовали и возникло это огромное (в 15 томах) дело.

Спецколлегия должна была его вторично судить. Первый приговор был отменен "по мягкости", согласно протесту прокуратуры.

Появилось постановление президиума ВУЦИК Украины о неприменении к нему амнистии 1927 года.

Я считал решение президиума ВУЦИКа, персональное в отношении Савина-Наливайко, неправильным, даже незаконным: по существу, юридическим мотивом, подачи его издания спустя почти десяти лет после амнистии. Были и другие юридические основания.

Понимал - постановление ВУЦИКа и отмена приговора "по мягкости" означает прекращение дальнейших действий в порядке надзора по делу на Украине.

Решил хотя бы выяснить - было ли вмешательство прокуратуры Союза, как основание для вынесения постановления президиума ВУЦИКа, или это произошло только по линии руководства Украины?

Принял решение отправиться лично к Г. И. Петровскому, взяв с собой еще бумаги по двум делам для облегчения приема у него.

Был принят Г. И. Петровским. Доложил ему - первым было дело Кожана Н., он пять лет до того работал у Петровского начальником охраны. В первые годы работы в Харькове Петровский Г.И. обходился без всякой охраны. Отправляясь в школу и проходя через площадь Тевелева, я многократно видел его, шагающего в одиночку, проходящего с Мироносицкой улицы, где он жил с семьей, на работу первым. Позднее, после работы Кожана Н. А. начальником охраны на протяжении пяти лет, Петровский Г. И. направил его в институт, следил за его учебой, после рекомендовал в органы на работу начальником стройколонии и по совместительству - начальником особого строительства МВД.

Там он совершил должностное злоупотребление. Все признал. Получил в трибунале два года. Вышестоящий трибунал приговор утвердил. Оставалось только обращение с жалобой в порядке надзора к председателю Верховного Суда Союза Ульриху.

Г. И. Петровский на своем бланке ВУЦИКа написал В. В. Ульриху своим нечетким почерком на полутора страницах бланка подробное письмо о Кожане Н. А. с полностью положительной характеристикой.

Отдал мне письмо для передачи В.В. Ульриху. Позже на приеме с другим делом (с высшей мерой наказания, иначе он бы меня не принял), Ульрих прочитал мою жалобу в порядке надзора по делу Кожана Н. А. Задал только один вопрос:

- Вы же пишете в жалобе, что он виновен?

- Да, - ответил я ему, - но в уголовном кодексе ведь есть другая мера наказания - "условно"?

Вручил Ульриху письмо Г. И. Петровского. Он в углу жалобы написал: "Истребовать дело". Позже принес протест в части меры наказания в военную коллегия, заменившую Кожану Н. А. два года лишения свободы условным осуждением. Еще позже, во время войны, Кожан Н. А. имел ранение, награды.

По второму делу я обратился к Г. И. Петровскому не с просьбой о помиловании, а по существу. Священник районной церкви М. И. Петровский, устав от многократно пристававших к нему с вопросом: "Вы не брат украинского старосты Г. И. Петровского?", перестал всем отвечать "нет". И когда балда - районный следователь, переспрашивал священника Петровского М. И.: "Так вы не брат председателя ВУЦИКа?", священник тоже ему не ответил. И тот завел на него дело по обвинению в мошенничестве (ст. 180 УК УССР). В протоколе допроса священника в деле было написано: "Вы не отвечаете - "нет", молчите, а вы что, не знаете, что молчание значит согласие?" - и передал дело прокурору. Тот, очевидно, не разобравшись и не читая дело, подписал обвинительное заключение в отношении священника М. И. Петровского по обвинению его в том, что он выдавал себя за брата украинского старосты, председателя ВУЦИКа. Народный суд осудил священника к пяти годам ИТЛ. Облсуд этот приговор утвердил. Г. И. Петровский, прочитав жалобу, нервничал. Я объяснил ему, что сообщаю это, как судебный работник. Он оставил у себя

жалобу (позже дело священника Петровского М. И. "не брата" председателя ВУЦИКа было прекращено и он был освобожден).

Третье дело, главное, было изложено в моей подробной жалобе по делу о решении президиума ВУЦИКа не применять амнистию к Савину-Наливайко.

В жалобе по существу и по юридическим мотивам я ставил вопрос: "Почему было вынесено такое решение президиума ВУЦИКа в отношении Савина-Наливайко, запоздавшее почти на десять лет после общей амнистии, когда он сам пришел с повинной к председателю ГПУ Украины Балицкому? Ведь тот, приняв посетителя, отпустил его на свободу, где Савин-Наливайко работал и жил честно все годы, учил школьников и своих детей?"

Г. И. Петровский мне не сразу ответил, потом долго беседовал со мной и отказал по моей жалобе о Савине-Наливайко.

Затем дело Савина-Наливайко вторично слушалось в спецколлегии. В судебной комнате в составе спецколлегии - три человека. Секретарь, прокурор, защитник, за ним - подсудимый Савин-Наливайко и конвой.

Несколько вызванных и приехавших свидетелей были опрошены и отпущены судом. Их показания в отдельных конкретных фактах меркнут перед действиями Савина-Наливайко, не отрицающего обвинения перед правдой прошлого истории гражданской войны на Украине.

Я не произносил речи. Мое "слово" было взволнованным объяснением состояния человека, который больше одиннадцати лет жил чужой жизнью, не только под чужим именем. Человека, все время боровшегося с собой, с "чужим" человеком, после полного политического разубеждения и возвращения на Родину. Он мучительно боролся с собой за право делать добро, любить и быть любимым, за право жить на земле.

Он нашел в себе силы полностью признать все совершенно, сам пошел с этим признанием и все исчерпывающе подробно, полнее любого следствия, рассказал о себе.

Правда одиннадцати последних лет жизни, его самостоятельный уход от всего прошлого дают суду не меньше права, чем формальный указ о неприменении амнистии.

И еще я говорил о сущности наказания по советскому закону. Это ведь не только кара и возмездие за содеянное, но и сила государства, не требующие через двадцать лет после революции применения исключительной меры наказания.

Спецколлегия осудила Савина-Наливайко к высшей мере наказания. Верховный Суд Украины приговор утвердил.

Я подавал надзорные жалобы всем, кому это было возможно по закону. Отовсюду получал отказы.

Обращался в Москву, был на приеме у прокурора Союза Вышинского. Тоже получил отказ по надзорной жалобе.

Только исполняющий обязанности председателя Верховного Суда Союза И. Т. Никитченко (позднее сопредседатель от СССР Верховного международного трибунала в

Нюрнберге по делу главных виновников фашизма в Германии), почему-то заинтересовался жалобой по делу Савина-Наливайко, истребовал его дело и принес протест в Пленум Верховного Суда Союза, заменивший расстрел десятью годами ИТЛ Савину-Наливайко.

Я пришел на свидание с Савиным-Наливайко еще раз - уже в седьмой раз по его делу.

До войны Наливайко находился и отбывал наказание в лагере на Дальнем Севере. Прислал мне оттуда несколько писем. Письма были о будущем, семье, будущей работе в школе, о его праве после всего на жизнь, на радость жизни. Письма-размышления необычные, как и вся его жизнь и судьба.

Незадолго до войны с последним письмом прислал ко мне человека, досрочно освобожденного из лагеря. Передал с ним небольшой портсигар, собственноручно вырезанный им в свободное время из дерева. Портсигар был собран более чем из ста кусочков дерева разных пород. Письма и портсигар погибли в войну.

Дальнейшей судьбы Савина-Наливайко я не знаю.

ОТКАЗ ОТ ЗАЩИТЫ

Несколько фраз в обвинительном заключении по делу Федорова показались мне явно неправдоподобными: "Командир в/части (... , член партии, ранее не судим, женат, образование среднее техническое... обвиняется в хищении двух моторов с самолетов, совершенном с аэродрома в/части (...". Виновным по делу признал себя полностью.

Обвинительное заключение принесла в консультацию жена Федорова. Она долго плакала. Говорила:

- Он не скажет правду. А виновна я. Я заставила его найти деньги для аборта. Он хотел, чтобы был ребенок. Запрещал делать аборт. Я сказала - тогда я сделаю сама. Он боялся за меня и пошел на это, чтобы принести мне деньги для частного врача. Теперь я осталась беременной...

Был 1935 год. Совершение аборт было запрещено законом. Все происшедшее казалось невероятным.

В тюрьме на свидании с адвокатом Федоров сказал коротко:

- В обвинительном заключении все правильно. Я все признал. В трибунале причины моих действий объяснять не буду. Больше ничего не скажу. Защищать меня не нужно. Я от адвоката откажусь. Вы не обижайтесь - я слышал о вас хорошее, но я сам считаю, что Федорова по этому делу нужно расстрелять.

Он не позировал, не рисовался. Не искал для себя никого, могущего облегчить его судьбу. Сам вынес себе приговор за содеянное.

Федоров показался мне прямым, цельным человеком, совершившим непоправимое, мучительно переживавшим свою вину.

По делу с участием прокурора, с обвинением, предусматривающим высшую меру наказания, только лишь трибунал при слушании дела мог освободить адвоката от участия в процессе.

Я явился на заседание трибунала. Дело было назначено слушанием в показательном порядке в Харьковском Доме Красной Армии с обязательным присутствием командиров частей Харьковского военного округа.

Громадный зал ДК переполнен. На сцене - заседание трибунала Харьковского военного округа, слушавшего дело.

Председательствовал заместитель председателя трибунала ХВО Додин, старейший работник трибунала. В составе военного суда были тоже пожилые люди, пришедшие в армию еще в период гражданской войны.

После обычного опроса обвиняемых и разъяснения прав подсудимых во время слушания дела, председательствующий спросил Федорова:

- Имеете ли вы ходатайства?

Федоров встал и... попросил трибунал слушать его дело без защитника. Председатель трибунала предложил объяснить причины его просьбы.

Федоров сказал:

- Против своего защитника я ничего не имею. Но мне не в чем защищаться по моему делу, мне не нужна защита. Прошу освободить защитника от моей защиты.

Председатель спросил мнение прокурора. Тот ответил:

- На усмотрение трибунала.

Председатель спросил мнение адвоката. Я объяснил, что в соответствии с законом подсудимый имеет право на отказ от защиты.

В зале в дисциплинированной аудитории военного командного состава стоял необычный гул. Чувствовалось единодушное одобрение поведения Федорова.

Трибунал, посоветовавшись определил:

- В ходатайстве подсудимому Федорову отказать. Дело слушать с участием его адвоката.

Трибунал продолжил слушание дела. По факту хищения двух моторов с военных самолетов, вывезенных с военного аэродрома во время дежурства на аэродроме Федорова, по его указанию, было привлечено трое: сам Федоров, снабженец совхоза, согласившийся приобрести эти моторы за наличные деньги для нужд совхоза, и посредник между ними, познакомивший Федорова со снабженцем. Последние двое также полностью признали свою вину и на следствии, и в заседании трибунала.

Федоров подтвердил в трибунале свое признание вины в совершенном им, отказался объяснить, почему он это сделал, зачем ему нужны были деньги за вывезенные с аэродрома два мотора. Несколько раз повторил, отвечая на вопросы прокурора:

- Я же все признал. Я совершил преступление. Я сознался во всем, - словно стремясь скорее услышать "единственно возможный приговор", чтобы уйти как можно скорее от всего позора и стыда, особо переживаемого им в условиях происшедшего показательного процесса с массой присутствующих командиров.

Мое положение его по делу, при полной ясности всех фактических обстоятельств и, особенно, при позиции занятой Федоровым по делу - отказе от своей защиты и от своего защитника, было чрезвычайно сложным. Никогда ранее я не находился в таком состоянии и не представлял себе возможности такого положения.

Прокурор в своей обвинительной речи потребовал высшей меры наказания для Федорова, считая, что "эта мера - единственно возможная". Отягчающими обстоятельствами главный обвинитель назвал следующие: кража совершена на военном аэродроме; моторы похищены с военных самолетов; похититель - военнотружущий, командир, член партии. Поздно вечером, после обвинительной речипрокурора, был объявлен перерыв.

Ко мне подошли трое военнотружущих, сказали:

- Мы из части, где служил Федоров. Служили с ним три года. Он был у нас лучшим командиром. Мы до сих пор не понимаем, как и все, - почему он сделал такое, мы хотим ему помочь. Сегодня ночью на нашем аэродроме будет К. Е. Ворошилов. Мы знаем - нарком обороны приезжает в Харьков и останется посмотреть ночные полеты. Мы понимаем - Федоров будет осужден к высшей мере наказания - к расстрелу. Вы напишите сейчас от имени его жены просьбу к товарищу Ворошилову о его вмешательстве. Жена Федорова передаст ночью товарищу Ворошилову просьбу. Мы поможем ей увидеть товарища Ворошилова. Вы успеете написать, пока закончится перерыв...

Военнотружущие сумбурно излагали свои мысли, но чувствовалось у них искреннее, доброе участие в его судьбе, большое желание помочь ему и его жене.

Еще не был вынесен приговор по делу. Трибунал не установил меру наказания Федорову, и как же писать просьбу о смягчении наказания? Но все ведь присутствовавшие в зале, понимают, что для их сослуживца последует единственно возможная мера наказания. Товарищ Ворошилов может помочь... Понимая, что я не имею на это права, там же, на окне, я написал на имя Ворошилова от жены бумагу и отдал ожидавшим ее, торопившимся на аэродром.

- И для жены Федорова будет лучше, если она не услышит страшного приговора, - говорили друзья Федорова. - А у нее будет ребенок. Мы увезем ее.

Окончился перерыв. Слово для защиты Федорова председатель трибунала дал мне.

- Вы, товарищи члены трибунала, слышали от подсудимого Федорова об отказе его от защиты по делу, прямую полную правду его признания. Прямой отказ от всякой защиты по делу, отказ от участия в деле защитника, честное признание, что он не может и не будет защищать себя - это ведь дает вам право не согласиться с требованием прокурора - не считать вместе с государственным обвинением - "единственно возможной мерой наказания Федорова - высшую меру наказания..."

Еще я говорил о нашем советском человеке, которого любят все работающие и служащие с ним, о ценности жизни человека и его будущего - полной отдаче всего накопленного

человеком опыта для искупления своей вины перед обществом, о праве Федорова на жизнь...

В большом зале стояла глубокая тишина. Слушали. Слушали и члены трибунала. Слушал и сидевший за моей спиной Федоров.

После выступления адвокатов, защищавших двух других подсудимых, выслушанных "их последних слов", неожиданно председатель трибунала объявил перерыв до следующего дня, сообщив, что окончание слушания дела переносится на десять часов утра в помещении трибунала.

Была поздняя ночь. Я, уходя из опустевшего дома Красной Армии, думал о судьбе Федорова, о его жене, ожидавшей ребенка, о ее встрече с Ворошиловым и о "единственно возможном приговоре трибунала..."

На следующее утро в помещении трибунала была обычная деловая обстановка, привезли обвиняемых. Не было разве что переполнявших вчера зал ДК командиров. Не было и военнослужащих из воинской части, где служил Федоров, не было и его жены.

Председатель трибунала предоставил "последнее слово" Федорову.

Он встал. Долго искал глазами в небольшом зале заседания жену. Он не знал о ее попытке обратиться к Ворошилову, и повернувшись к трибуналу тихо сказал:

- Я ничего не могу добавить. Вы все знаете сами.

И, замолчав, сел.

Трибунал ушел на совещание. Прошел час. Полтора. Два часа. Совещание продолжалось...

Я понимал, что дело не требует длительного времени в приговоре. Обычно текст приговоров в трибунале был предельно четким и коротким. Знал, что председательствующий Додин - старейший работник советской юстиции, славился своим опытом и умением быстро писать приговоры по самым сложным делам. Но время шло, а совещание трибунала все продолжалось...

Прошло уже два часа сорок минут с тех пор, как председательствующий, забрав с собой том дела и протокол судебного заседания у секретаря, сопровождаемый двумя пожилыми членами состава трибунала, ушли в совещательную комнату.

Время предельно уплотнилось, сжалось. Прошедшие часы ожидания казались вечностью. Ожидание было напряженным, даже многоопытный секретарь трибунала, работавший в нем двенадцать лет, сдержанный, всегда молчаливый, тоже недоумевал.

Час дня. Час тридцать минут... в зал вошла совершенно поникшая, ее трудно было узнать, жена Федорова. Горе делает неузнаваемыми молодых, красивых людей.

Я, выйдя с ней в коридор трибунала, узнал, что она приехала с аэродрома, ждала всю ночь и утро. Ворошилова там ждали, но он не приехал в Харьков.

Два часа дня... Два тридцать. Секретарь объявил:

- Прошу встать.

Зазвучали слова приговора:

- Именем Союза Советских Социалистических республик... подсудимого Федорова... приговорить... к десяти годам лишения свободы...

Все остальное, казалось, не дошло до сознания слушавших. Не дошло и не было важным. Все как будто застыли. Тишина сохранилась, когда члены трибунала встали и повернулись к выходу. заседание трибунала было окончено.

Председательствующий Додин, обратившись к прокурору и ко мне, попросил:

- Зайдите ко мне.

В совещательной комнате в пепельнице и на столе было множество окурков. Председательствующий Додин, ознакомил вошедших с "особым мнением" одного из состава трибунала по делу, приложенному к приговору трибунала. В "особом мнении" подробно и очень обоснованно было изложено, что "единственная мера" наказания за совершенное Федоровым, учитывая все отягчающие обстоятельства по делу, должна быть избрана - "высшая". Под "особым мнением" стояла подпись... Додин.

Автор "особого мнения" - председатель трибунала - все четыре с половиной часа совещания оказался в меньшинстве, его голос остался единственным при вынесении меры наказания в приговоре.

В моей практике это был единственный случай "особого мнения" председательствующего по делу в трибунале. Как выяснилось в дальнейшем, это был единственный подобный случай во всей работе трибунала за все время его деятельности.

Дело с "особым мнением" председательствующего трибунала и протестом прокурора на "мягкость приговора", требующие отмены его и передачи дела на новое рассмотрение, перешло в высшую кассационную инстанцию. Прокуратура Союза поддержала протест прокуратуры ХВО.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело, приговор трибунала утвердила.

Председательствовал на заседании по делу председатель Военной коллегии Верховного Суда Союза В. В. Ульрих.

Федоров писал мне из лагеря под Хабаровском. Письма были немногословны. О жене, родившемся сыне, своей мечте о продолжении работы после лагеря, - службе в авиации. Мечта Федорова не сбылась. Освобожденный досрочно в период Великой Отечественной войны Федоров, был направлен в пехоту. Был в разведке. В разведке и погиб. Званием Героя Советского Союза был награжден посмертно, о чем получила извещение его жена. Сын его пошел учиться в летное училище.

СУРОВАЯ НИТКА СО МНОГИМИ УЗЕЛКАМИ

Суровая нитка, длиной около метра, со многими узелками, лежала на столе дежурного милиции. С узелками разной толщины, похожими на крошечные шарики. Еще на столе

были деньги. Их дважды пересчитывал дежурный милиции. Перед столом сидела цыганка - молодая, красивая, но красоту сперва разглядеть было трудно. Цыганка прятала свое лицо, все закрывала его платком. Руки же ее шевелились, двигались, натягивая платок на лицо. На голове было два платка, один под другим. Одея была просто. Неброско, как было принято "по-цыгански", неярко. Очень просто. Буднично. Суровую нитку и деньги обнаружили у нее при обыске в милиции. Она долго не позволяла себя обыскивать. Дважды хотела суровую нитку со стола схватить. Дежурный помешал.

Цыганку привели в отделение милиции с Благовещенского базара. До этого в отделение милиции пришли женщины. Женщины ходили на базар за покупками. Были с деньгами. Деньги находились у кого в сумке, у кого в кошельке, в руке... Денег внезапно у них не оказалось. Они объясняли, придя в милицию:

- Как наваждение какое-то!

Они рассказывали сумбурно, несвязно. Вначале дежурный не поверил словам первой пришедшей, думал - волнуется, не договаривает. Потом даже решил: "Наверное, выдумывает!"

Но пришла другая женщина, третья, потом - сразу несколько. Все разными словами одно твердили:

- У меня были деньги. - Объясняли сколько, где были спрятаны. - А теперь денег нет.

Пришлось записывать.

Показания всех женщин были странными.

- Пришла час назад на базар, хотела сделать покупки. Ко мне подошла молодая цыганка, что-то сказала. Я ответила: "Нет". Думала, что она гадать предложила. Цыганка на меня смотрела, что-то быстро говорила. Потом отошла. А когда мне позже понадобились мои деньги - их не было. Кроме цыганки, ко мне никто не подходил.

Вторая женщина:

- Была на базаре за покупками, ко мне подошла цыганка. Наверное, гадать хотела. Я ничего ей не сказала. Торопилась. Цыганка что-то мне говорила по-своему. Задерживала. Я ушла и к птице подошла. Полезла в сумку за деньгами. Денег в сумке не оказалось. Сумку я в руке держала.

Третья:

- На базаре встретила меня цыганка. Быстро что-то мне начала говорить. Что-то вытаскила. Начала у меня чем-то крутить перед глазами. Я ничего ей не говорила. Деньги были во внутреннем кармане пальто, когда я хотела заплатить за покупку - карман был пустой.

Остальные женщины показывали примерно то же самое.

Дежурный в милиции каждой задавал вопросы: "Значит, цыганка у вас деньги украла?" Женщины отвечали: "Нет, не могла у меня украсть. Они в сумке были, а сумку я не

открывала", "Если бы она полезла во внутренний карман пальто, где были деньги, я бы почувствовала, услышала. Не крала она".

Дежурный продолжал задавать вопросы каждой из них:

- Если она у вас не украла, значит вы сами ей отдали?

Женщины отрицали. Обижались, возмущались вопросом, женщинам было не до шуток.

Дежурный просил каждую объяснить:

- Если она не украла и вы ей не отдали, то кто же у вас деньги взял?

Женщины объяснить толково не могли. Хоть были они разные и по возрасту, и по всему. И толковые среди них, несомненно, были.

Ничего не мог понять дежурный. Но все женщины говорили одинаково: "Подходила ко мне цыганка. Больше никто не подходил". И приметы описали подробно, как все женщины делают: как одета была, какого цвета платок на голове, была молодая, невысокая, с глазами "пронзительными". Правда, цвет глаз разно описывали, хоть сами женщинами были. И главное говорили - "цыганка".

Других цыганок больше никто из женщин на базаре не видел. Все это дежурный записал подробно. Как положено. Записал и суммы денег, пропавшие у женщин...

Когда вдруг начали приходить новые женщины с теми же жалобами, дежурный подробно писать больше не стал. Позже объяснил:

- Столько их пришло за два часа, что я не мог всех записывать. Отбирал заявления потерпевших, короткие, с их адресами. Всем назначал явиться завтра в милицию в определенное время. И еще - обещал искать цыганку.

Отделение милиции было на самом базаре. Базар большой. Работник милиции в штатском ходил по базару. Искал по приметам, сообщенным женщинами, цыганку молодую, невысокую.

В конце базара, около реки, увидел одну молодую цыганку. Она стояла в стороне от машин с людьми. Подошел к ней, попросил предъявить документ. Цыганка вытащила паспорт, показала. Предложил ей "следовать вместе с ним". Цыганка возражала, говорила, что ей надо идти на работу, на фабрику. Милиционер настаивал. Пошла.

В милиции сидела перед столом дежурного, смотрела, как дежурный пересчитывает деньги. Оказалось - сто пятьдесят шесть рублей. Дежурный заглянул в свою запись, из заявлений потерпевших. Сумма всех денег, названных женщинами составляла сто тридцать пять рублей. У цыганки было обнаружено больше.

Дежурный записал в акт обысков, составленный на фамилию и имя, бывшие в паспорте и названные цыганкой, изъятые у нее деньги по купюрам отдельно и мелочь. Вторым пунктом включил в акт суровую нитку с узелками. Против записи денег цыганка не возражала.

А по поводу нитки спорила, что "нечего лишнее записывать". Хотела нитку с узелками забрать. Дежурный нитку не отдал. Проверил паспорт. В паспорте была харьковская прописка. Поэтому, опросив цыганку, отрицавшую все по его вопросам - "Ни к каким женщинам не подходила. Ни с кем ничего не говорила. Никаких денег ни у кого не брала. Обнаруженные деньги мои собственные. На базар я только что пришла..." - дежурный отобрал у нее подписку о невыезде и обязал явиться в указанный день в милицию.

На следующий день в отделение милиции, в положенное время, явились потерпевшие женщины.

Их подробно опросили, тех, кто не был опрошен вчера. Все они дали показания, сходные с ранее полученными. Как были на базаре, к ним подходила цыганка, что-то им говорила по-своему.

А дальнейшее: "не знаю точно", "не могу, как было, ответить", или "просто не помню".

Одна женщина даже сказала:

- Не могу объяснить, меня и дома вчера спрашивали, как это произошло? Я больше ничего объяснить не могла.

Все подтверждали, что цыганка денег у них не крала. "Не могла она украсть. У меня очень хорошо деньги были спрятаны".

Цыганка в отделение милиции в установленное время не пришла.

Явилась только через три дня. Принесла справку первой поликлиники Пирогова о том, что три предшествующие дня она была больна и не могла быть на работе. Подписана была справка доктором Введенским.

Цыганка была молодая, невысокая, в платке. Предъявила тот же паспорт.

Инспектор милиции вызвал трех близко живущих потерпевших женщин. Устроил с каждой очные ставки с цыганкой.

Две женщины сами начали сомневаться, услышав отрицание цыганки на очной ставке с ними: "Ничего не знаю, утром на базаре не была. Лежала дома больная. Пришла на базар в конце дня, на несколько минут, себе купить продукты. Потерпевшую женщину впервые в жизни вижу". "Может, это и не та цыганка, что ко мне подходила?" - пожимали плечами они. Третья допрошенная на очной ставке потерпевшая сразу категорически заявила:

- Предъявленная мне на очной ставке молодая, невысокого роста цыганка - не та, что подходила ко мне на базаре три дня тому назад. Я ту, видела недолго, но сразу узнала бы. Я ее запомнила. Та была совсем другая цыганка.

Инспектор милиции увидел, что три потерпевшие женщины точно не подтверждают, что явившаяся цыганка - именно та. Решил проверить ее медицинскую справку. Вызвал доктора Введенского.

Доктор Введенский явился в отделение милиции. Это был пожилой врач, более сорока лет отдавший своей профессии, старейший работник городской поликлиники им. Пирогова, все еще энергичный, все еще подвижный, любящий свой труд по призванию, неизменно

пунктуальный, даже педантичный при выполнении своих обязанностей. Коллеги по работе хорошо знали его суровую требовательность к себе и принципиальность во всем.

Инспектор милиции спросил, как полагается по форме, вызванного доктора Введенского:

- Вы давали в поликлинике цыганке (назвал фамилию), справку о ее болезни и освобождении ввиду невозможности ее работы на три дня?

Доктор ответил:

- Нет.

Инспектор милиции предъявил доктору справку 1-й поликлиники со штампом, текстом написанным от руки, и подписью доктора Введенского.

- Это, вы, писали? - прочел справку.

Доктор вытащил свои много лет верно служившие старые очки, прочел сам. В недоумении ответил:

- Я этого не писал.

- А подпись это ваша? - показал инспектор подпись доктора на справке.

- Я не подписывал, - повторил доктор, внимательно вглядываясь в хорошо знакомую характерную подпись на справке.

- Значит, это не ваша подпись? Ваша подпись подделана? - спросил инспектор.

- Подпись моя, но я не подписывал, - все больше волнуясь, сказал доктор. И снова повторил: - Я не подписывал.

Инспектор милиции все ответы доктора Введенского подробно записал в протокол допроса свидетеля.

- А цыганка, молодая, невысокая в поликлинику к вам приходила?

- Да, приходила, - сказал доктор.

И рассказал сам, не ожидая новых вопросов инспектора подробно:

- Четыре дня назад я проводил, как всегда, вечерний прием в 1-й поликлинике им. Пирогова. Когда я заканчивал прием записанных ко мне больных и собирался уходить, в комнату, где я принимал, вошла молодая цыганка, подошла к моему столу и сказала: "Доктор, дай мне справку о болезни. Я была больна три дня". Я ответил ей: "Никаких справок без запросов поликлиника не выдает". Цыганка перебила меня: "Доктор, дай мне, дай справку". - "Вы у меня первый раз. Я ничего не знаю о вашей болезни". Цыганка меня не слушала, несколько раз повторила: "Доктор, милый, хороший доктор, дай справку, дай". Я рассердился, сказал цыганке, чтобы она ушла. Прием мой закончен, она не слушала, не уходила, все повторяла: "Нет, дашь справку, милый хороший доктор, дашь справку". Я хотел ее выгнать. А она вытащила что-то и начала быстро крутить у меня перед глазами. Совсем близко смотрела на меня и говорила: "Дашь справку, дашь справку"

хороший, милый доктор, дашь", - и что-то крутила перед моими глазами, бесовка. Я почувствовал, что очень устал. Больше, чем после двухчасового приема, когда цыганка ушла. Я ей справки не писал и не подписывал. Предъявленная мне подпись - моя. Не понимаю. Цыганка была молодая, невысокого роста, в сером платке. Раньше и после я ее не видел.

Доктор замолчал и еще больше волнуясь, продолжил:

- Через день на мой прием, после всех больных, когда я уже уходил из кабинета, вошла старая цыганка. Спросила меня: "Ты доктор Введенский?" Я ответил: "Да. Но мой прием закончен". Она ничего больше мне не сказала, положила что-то завернутое в кусок грязной бумаги, и не слушая моих возражений, ушла. В бумаге оказались деньги - пятьдесят рублей. Вот они, - доктор протянул инспектору деньги, развернув кусок грязной бумаги. - Но цыганка была другая - старая.

Инспектор подробно записал все показания доктора, как свидетеля. Затем провел опознание доктором Введенским, явившейся к нему молодой, невысокого роста цыганки. Доктор категорически заявил, что предъявленная ему для опознания цыганка, хотя она тоже молодая, также невысокого роста и одета в том же сером платке на голове, как явившаяся к нему в поликлинику - не та, что была у него в кабинете и просила у него справку, о чем он уже дал показания. Доктор добавил:

- Ту, бесовку, я точно опознаю, так как после ее прихода долго чувствовал особенную усталость.

Позднее доктор Введенский был привлечен к уголовной ответственности как обвиняемый в выдаче цыганке фиктивной справки о ее болезни и получении взятки в сумме пятидесяти рублей.

Обвинение в этом доктора Введенского было составлено на его собственных показаниях-признании.

Старая цыганка, принеся ему деньги - пятьдесят рублей - разыскана не была.

Инспектор понял, что задержал в милиции не ту цыганку, молодую, невысокого роста, пришедшую к нему с тем же паспортом, в такой же одежде на опознание ее потерпевшими женщинами.

Рассказал обо всем прокурору, просил указаний. Не было еще в его практике такой путаницы и столько странного. Получил указания, что по делу можно привлечь только цыганку, которая фактически была на базаре, после ее розыска и опознания потерпевшими.

Та цыганка - первая, бывшая в милиции, неожиданно сама пришла в отделение. Позже в милиции поняли, что пришла выручать другую, явившуюся вместо нее. Пришла и задорно смеялась у инспектора, может, над его непонятливостью и удивлением.

Обе цыганки были молодыми, невысокого роста, одинаково одетые, в одинаковых серых платках на голове.

К доктору Введенскому был отправлен милиционер с повесткой для его вторичной срочной явки в отделение милиции.

При вторичном опознании второй молодой невысокого роста цыганки, доктор Введенский наконец-то опознал "являвшуюся к нему бесовку".

Сказал:

- Это именно она. Я опознаю ее не только по росту, одежде, но и по голосу, по лицу, по глазам. Это точно она. От нее я впервые так устал, после ее ухода из кабинета...

Цыганка отрицала, говорила, что доктор ошибся. Она у него не была в поликлинике, не приходила на прием, не просила справки, впервые видит доктора. Сначала смеялась, шутила. Потом что-то быстро сказала по-своему гневное. Затем замолчала и на все вопросы отвечала односложно:

- Ничего не знаю. Его не знаю. Никого не знаю. Не знаю. Не знаю.

Потом доктор говорил:

- Наверное, ругала меня, но я показывал правду. Очень нервничал. Мне было жалко ее.

Инспектор отпустил доктора и явившуюся к нему "не ту молодую цыганку", проверив по паспорту и телефону на фабрике, что она действительно там работает, неопознанную потерпевшими женщинами и доктором, и задержал в милиции другую цыганку, точно опознанную доктором.

На следующий день инспектор вновь вызвал всех потерпевших женщин для вторичного опознания другой цыганки, и проведения с ней очной ставки.

Инспектор неправильно проводил опознание. Закон требует предъявления для опознания не одного подозреваемого, а в группе, среди нескольких лиц. Инспектор ограничился предъявлением только одной, второй цыганки потерпевшим женщинам.

Часть женщин "безусловно", "точно", "несомненно", опознали подозреваемую, другие сомневались - "Она ли?", не опознав в предъявленной им вновь молодой, невысокой цыганке, ту, что была в платке, к ним подходила на базаре, что-то каждой говорила по-своему.

Потерпевших женщин было двадцать две. Они уже не верили не только себе, но и друг другу.

Цыганка все отрицала. Говорила, что на базаре не была, ни к кому не подходила, никому ничего не говорила, всех опознавших женщин видела в первый раз в жизни. Отрицала все упорно, яростно, со злостью.

Это усилило недоверие женщин к ее словам, точно признавших - "это она", "именно она".

Инспектор спрашивал потерпевших женщин:

- Крутила ли цыганка у вас что либо перед глазами?

Предъявлял женщинам суровую нитку, со многими узелками, отобранную при обыске у цыганки. Женщины не подтверждали. Некоторые вспоминали: "кажется... что-то было... не помню..." Ни одна из них не утверждала категорически - "да, мол, крутила нитку с

узелками". Цыганка при этом вызывающе смеялась, что-то насмешливо коротко про себя говорила, может быть ругалась.

Ни одна из потерпевших женщин не заподозрила цыганку в краже денег. И ни одна не могла объяснить, как эти деньги от них попали к цыганке. Все называли прежде указанные ими суммы пропавших у них денег, только одна потерпевшая женщина "вспомнила", что денег у нее было больше на десять рублей. Просила исправить свои показания в протоколе.

Перед передачей дела прокурору, дальнейшее решили прямые, четкие и непосредственные показания доктора Введенского.

Он ведь без какой-либо личной заинтересованности опознал эту цыганку и подробно рассказал о всех деталях ее прихода к нему в поликлинику и о последующем получении им денег.

Прокурор утвердил постановление инспектора милиции о привлечении в качестве обвиняемой цыганки за "получение путем мошеннических действий у двадцати двух женщин на базаре денег" и санкционировал взятие под стражу цыганки.

Доктор Введенский продолжал работать в поликлинике, у него была отобрана подписка о невыезде.

Дела по обвинению цыганки по ст. 180 УК УССР (мошенничество) и доктора Введенского по ст. 106 УК УССР (получение взятки), было передано на рассмотрение в народный суд.

В юридическую консультацию с просьбой о принятии защиты в суде пришли две старые, не словоохотливые, грустные цыганки.

Сказали мне:

- У нас горе. Болен старый Михай. Лежит. Помнишь его? И Марина молодая наша в тюрьме, забрали ее. Дело у нее с ниткой на базаре.

Я помнил старого Михая и пришедших ко мне цыганок, помнил особенно одну из них, совсем старую, по прежним другим цыганским делам.

Трижды в прошлые годы я встречался со старой цыганкой и старым цыганом Михаем.

В первый год работы адвокатом я вел дело в областном суде, защищая двух цыган, обвинявшихся в воровстве, угоне лошадей, принадлежащих колхозу в Купянском районе.

Обвинение их тогда не было доказано и двое цыган были судом оправданы, так как было установлено их алиби.

Действительно, в ночь совершения кражи лошадей в Купянском колхозе эти двое цыган находились в другом месте, далеко от колхоза.

Тогда ко мне обращалась старая цыганка, а в конце большого зала областного суда сидел старый цыган Михай, слушал молодых.

Цыган тогда уже был очень стар, но запомнился своей властностью и сохранившейся мужской цыганской красотой. Еще через три года я вел в областном суде дело молодого цыгана, обвинявшегося в убийстве. Обвинение было построено на косвенных уликах. Цыган вины своей не признавал ни на следствии, ни в суде. Главным и фактически единственным свидетелем мог быть старый Михай, но он ничего не показал на следствии.

Вызванный в судебное заседание, он подошел к судейскому столу, ответил на обычные вопросы председателя о себе, а на вопрос прокурора по существу дела - ничего не отвечал. Стоял около деревянного барьера, ограждавшего участников судебного заседания от рядов стульев для свидетелей и публики, весь, казалось бы, совсем далекий от происходящего в суде, высокий, стройный, несмотря на возраст, похожий на образ сурового, властного патриарха цыганского рода. Прокурор повторил свой вопрос. Старый Михай молчал, как будто не слышал. Его переспросил председательствующий, вторично предупредив об обязанности свидетеля рассказать правду о том, что известно ему по делу.

- Старый Михай ничего не знает и ничего не расскажет о своем цыгане, - ответил он, повернулся и пошел за барьер.

Остановленный председателем и конвоирами обвиняемого, старый Михай вернулся к судебному столу и продолжал молчать, несмотря на все убеждения и обращения к нему председательствующего. Так и был отпущен, ничего не сказав.

Молодой цыган по делу был оправдан по недоказанности обвинения. Я с большим внутренним удовлетворением, еще через год, узнал, что был обнаружен и осужден настоящий убийца.

И еще раз приходила ко мне у старая цыганка - табор старого Михая кочевал по Украине и Молдавии, и примерно через каждые три года вновь появлялся около Харькова.

Тогда старая цыганка была словоохотливой. Она рассказывала мне, как молодые цыгане хотели осесть на земле в Молдавии, работать, как все, но им не позволил работать старый Михай.

Тогда старая цыганка приходила ко мне по поводу поножовщины среди цыган. Была драка и в драке ранили одного. Арестовали молодого цыгана. Позже оказалось - ошибка. Рана оказалась небольшой, виновником был другой, цыгана выпустили. Прокуратура прекратила его дело. Старая цыганка тогда бывала у меня. Рассказывала мне о старом Михе.

Теперь, в четвертый раз за девять лет, эта же цыганка пришла ко мне по делу Марины с ниткой на базаре.

В судебное заседание по делу были вызваны три эксперта-психиатра. Явились профессора: Платонов К.И., Катков Е.С. и Истомин - специалисты-гипнотологи. Эксперты должны были дать заключение о возможности гипнотического воздействия цыганки на женщин на базаре для получения от них денег, и на доктора Введенского для получения от него медицинской справки. Экспертов очень заинтересовали обстоятельства необычного дела и личность цыганки.

Они внимательно слушали все показания обвиняемых и показания женщин. Задавали им много вопросов.

Показания молодой цыганки в суде были прежними, короткими: на базар пришла и сразу забрали в милицию. Ни к каким женщинам не подходила, ни о чем не говорила, деньги, отобранные при обыске, - мои собственные.

На конкретные вопросы ответила:

- В милицию на следующий день не пришла - была больна. Вместо меня пошла другая, чтобы мне больше не ходить. В поликлинику я не ходила, к доктору не обращалась. Когда в милиции задержали другую цыганку, я сама пришла, чтобы все выяснилось.

На столе, перед судьей и заседателями, рядом с папкой судебного дела, лежал конверт из дела с вещественным доказательством. Судья по просьбе экспертов вынула из конверта суровую нитку со многими узелками и предъявила ее подсудимой цыганке.

- Это не моя. У меня такой не было, - коротко отрезала молодая цыганка и отказалась взять в руки, осмотреть нитку. - Мне это незачем.

Самый молодой из экспертов, профессор Истомин, попросил подсудимую взять и показать, как она с ней обращалась, как применяла ее? Молодая цыганка явно высмеяла его, что-то дерзкое сказав по-своему. Судья сделал ей замечание. Цыганка замолчала.

Суровая нитка со многими узелками осталась лежать на судейском столе, только как "вещественное доказательство" по делу.

Все присутствовавшие в зале судебного заседания были огорчены. Все напрасно и безосновательно надеялись - "Может быть цыганка все же покажет свое искусство с ниткой..."

Подсудимый доктор Введенский повторил свои показания, данные на дознании. Категорически опознал в своей соседке по скамье подсудимых молодую цыганку, приходившую к нему в поликлинику. Подробно рассказал, как она подошла к столу доктора в кабинете, приговаривая: "Милый, хороший, добрый доктор, дай справку. Я была больна". Несколько раз назойливо повторяла - "Дай справку доктор, дай..." Как он нервничал, сердился, просил ее уйти, как она вытащила что-то и начала быстро-быстро крутить у него перед глазами, приговаривая - "Нет, дашь справку, милый хороший доктор, дашь справку, дашь справку, дашь..."

- Я ничего ей не дал. Но, когда она ушла, почувствовал, что устал. Как-то особенно устал, - закончил свои объяснения доктор.

Доктора спросили о справке.

- Подпись моя и написана моим почерком. Я не просил о проведении графологической экспертизы. Но я не писал справку и не подписывал ее, - после небольшой паузы ответил доктор. После того, как доктор признал и сам правдиво, чистосердечно рассказал об оставленных старой цыганкой на следующем приеме пятидесяти рублях, тяжело было слушать явно неправдивое показание доктора: - "Я не подписывал справки".

Справку рассматривали, читали заседатели, эксперты. Доктор стоял смущенный, даже растерянный. Молодая цыганка смотрела на него насмешливо, не осуждающе. Она сидела с открытым лицом, без платка, поэтому особенно приметной была строгая, гордая красота ее молодости.

Вызывали и допрашивали свидетельниц-женщин. По очереди к судейскому столу подходили потерпевшие.

Пояснения их были однообразными: "Была на базаре. Встретила молодую цыганку, или цыганка подошла ко мне, говорила мне что-то, по-своему, смотрела на меня"... некоторые добавляли: "смотрела мне прямо в глаза...", "смотрела на меня, продолжала говорить по-своему...", двое или трое женщин еще добавили: "Что-то вытаскивала и быстро крутила перед моими глазами".

Из показаний свидетельниц выяснилось, что цыганка подходила к ним в малолюдной части базара, а были ли при этом посторонние, свидетельницы не видели, не помнили.

Почти все свидетельницы уже опознавали сидящую на скамье подсудимых молодую цыганку как подходившую к ним, встреченную ими на базаре.

Ни одна из свидетельниц не сказала, что цыганка у нее украла деньги, большинство просто отвергали возможность самого факта кражи денег. Ни одна из свидетельниц прямо не показала, как деньги оказались у цыганки: "Не знаю. Не могу сказать... я не отдавала..."

На вопросы: "Может быть, у цыганки были не ваши деньги? - отвечали: "Кроме нее ко мне никто не подходил".

На вопрос: "Что она крутила перед вашими глазами?" и предъявления свидетельницам вещественного доказательства из конверта в деле, две свидетельницы сказали: "Эту нитку быстро крутила перед моими глазами", и "Кажется, быстро достала нитку и стала быстро раскрывать ее, поднеся прямо к моим глазам".

Все остальные не помнили, не могли уточнить, или "не заметили нитки".

Сложным было и определение времени нахождения около каждой потерпевшей молодой цыганки. Этим особенно интересовались эксперты. Ни одна из потерпевших женщин не могла ответить точно: "Не знаю", "не помню", "недолго", "наверное, несколько минут", "времени не скажу, но немного". Ни одна из женщин не заметила, как от нее отошла цыганка, куда она прятала деньги.

Слушая ответы, цыганка оживлялась, что-то коротко, нервно, говорила для себя, по-своему, однажды рассмеялась. Остальное время сидела замкнутая, словно внутренне отстраненная от всего происходящего на судебном процессе.

В зале судебного заседания присутствовало много слушателей. Среди них были цыгане. Они приходили и выходили. Вновь возвращались, заметно волновались. Многие остальные слушали, и, судя по их репликам в перерыве, относились недоверчиво к показаниям потерпевших женщин. Решающим было заключение экспертизы.

Экспертам был поставлен ряд многочисленных вопросов сторонами и судом. Эксперты долго совещались. Старейший из них, профессор Платонов, на протяжении многих лет изучал гипноз, широко применял во врачебной практике, был автором нескольких научных и популярных работ о гипнозе.

Второй эксперт, профессор Катков, также много лет работал в этой области, был широко известен в городе своими многочисленными сеансами гипноза.

Третий, профессор Истомин, занимался лечением больных-алкоголиков на массовых сеансах гипноза. Я помнил, как на закрытом просмотре-показе применения внушения для дрессировки животных и птиц, приехавший в город на гастроли в цирке, известный дрессировщик диких зверей и птиц индус То-Рама, предложил желающим (присутствовало много врачей и студентов) быть подвергнутыми его внушению. Тогда вышел на сцену клуба Ильича молодой ассистент Истомин, не веривший в возможность быть загипнотизированным в короткое время. То-Рама попросил его сесть на стул спиной к зрителям, что-то, как оказалось, быстро сделал рукой около его головы, может быть быстро крутил перед его глазами, и сразу же Истомин опустился на пыльный пол и начал делать плавательные движения, к громадному удовольствию всех присутствующих.

...Доктор Введенский, болезненно, нервно, ожидавший окончания процесса, сказал своему адвокату:

- За сорок лет врачебной работы, не испытывал такого стыда, но все равно не поверю, чтобы эта бесовка могла загипнотизировать меня - старика.

"Бесовка" сидела молчаливая, безучастная. Перед прочтением заключения экспертов, профессор Платонов, "ввиду необычности обстоятельств дела", попросил разрешения суда коротко осветить состояние науки с гипнозом. Прочел небольшую лекцию о внушении, с большим интересом прослушанную всем составом суда и присутствовавшими, кроме подсудимой цыганки, по-прежнему, внешне безразличной к происходящему, и, казалось, от всего далекой.

В пространном заключении эксперты подробно изложили действия подсудимой цыганки по описанию доктора Введенского и потерпевших женщин и сделали выводы:

"Есть основания считать, что цыганка путем индивидуального внушения получала деньги от каждой женщины" и "справка была написана и подписана доктором Введенским в результате проведенного внушения цыганкой".

Эксперты установили: "Очевидно, в процессе внушения цыганка применяла нитку со многими разнотолщинными узлами, путем быстрого вращения ее перед глазами внушаемых".

Профессор Платонов ответил на дополнительно поставленные вопросы экспертам, признал "поразительными" результаты внушения цыганки. Выразил сожаление, что невозможно провести опытную научную проверку действий и возможностей молодой цыганки и изучения ее личности.

Заключение экспертов предрешило приговор суда. Суд признал виновными в предъявленном обвинении молодую цыганку и доктора Введенского, несмотря на все объяснения адвокатов.

Молодая цыганка была осуждена за совершение мошеннических действий для получения, путем внушения, у женщин на базаре денег и в поликлинике у доктора Введенского медицинской справки.

Приговор суда указал, что подтверждением вины молодой цыганки является направление ею, вместо себя, другой цыганки, похожей на нее, с целью избежать ответственности, путем предоставления фиктивной медицинской справки о болезни и невозможности

нахождения ее на базаре и для неопознания другой цыганки потерпевшими женщинами. Суд приговорил молодую цыганку к трем годам лишения свободы.

Доктор Введенский был осужден за получение взятки в сумме пятидесяти рублей за выдачу справки к общественному порицанию.

Областной суд приговор утвердил, отказав по жалобе молодой цыганке. Я обращался в надзорные инстанции, но приговор остался в силе, благодаря заключению экспертизы.

Доктор Введенский продолжал работать в поликлинике.

По окончании дела ко мне пришли в юридическую консультацию ранее обращавшиеся две старые цыганки. Обе плакали.

Одна сказала:

- Это не из-за Марины. Она все равно долго сидеть не будет. Умер наш старый Михай. Не будет у нас его больше. Он у нас был старшим все годы. Вот возьми себе, ты помогал нам три раза за девять лет... - вытащила и протянула длинный узкий пакет в холщовой тряпке. Медленно, молча развернула его. Внутри была короткая деревянная ручка и очень длинный ремень с вделанными в него кусочками металла.

Кнут был очень старым. Видно много лет не применялся.

- Этим кнутом старый Михай чуть не засек своего первого сына, когда он ослушался. Он едва отошел. Мы тогда уехали, дело не возбуждали. Давно это было, еще при царе. Старый Михай потом всю жизнь мучился, но берег. Старого Михая все слушались. Если бы он не заболел, Марина боялась бы. Не пошла бы на базар. Он бы не пустил. Рано ей еще было. Марина еще молодая, горячая, все сама решала...

Старая цыганка замолчала, перестала плакать. Повернулась уходить. И вдруг сказала:

- А наша Марина и не такое еще может, но рано еще ей.

Другая старая цыганка, плача, утвердительно кивала головой.

Старый кнут с длинным узким ремнем с вделанными в него кусочками металла, оставшийся от старого Михая, я хранил до войны. Молодой цыганки Марины больше не видел. Суровая нитка со многими разнотолщинными узелками, осталась в конверте ее дела.

Дело цыганки Марины и доктора Введенского слушалось в Харькове в 1940 году.

"ПОНЮШКИ"

Следствие по делу Худяковых о подделке облигаций выигрышных займов и получения по ним выигрышей затянулось по ряду причин.

Пришлось проверять во многих сотнях сберегательных касс СССР выдачу выигрышей за несколько лет их работы, и экспертиза провела огромную работу по выявлению искусно подделанных облигаций, причем подделкой занималась группа лиц, умело организовавших получение по ним выигрышей.

Конкретные материалы дела по окончании предварительного расследования выявили подлинные его масштабы, они оказались огромными. И главное - необычность "избранного способа подделки облигаций", множество истинно драматических деталей раскрытия дела, могущих конкурировать с любым выдуманым детективным романом.

Необычным было и начало уголовного дела. Осенью 1936 года в сберкассе небольшого города Новохоперск пришла за получением выигрыша - 500 рублей - женщина. Проверив облигацию, контролер передала ее кассиру и та вторично, по существующей инструкции проверки, установила по таблице правильность выигравших серии и номера облигации, выплатила выигрыш. Обе женщины, контролер и кассир сберкассы, только огорчились, беседуя о своих земляках: почему так мало выигрывают новохоперцы, а вот приезжая женщина такая везучая, "счастливая". Сотрудницы сберкассы, много лет проработавшие вместе за одной перегородкой, были уроженками небольшого городка, где все жители знали друг друга.

Велико же было удивление этой женщины-контролера сберкассы, когда она через несколько часов, зайдя по делу в другую сберкассе города, беседуя со своей приятельницей, тамошним контролером, делясь с ней несправедливостью судьбы в распределении счастья, о том, "как повезло приезжей женщине, и еще такая красивая", неожиданно увидела... ту же счастливую красавицу! Та вновь протягивала облигацию для проверки и получения выигрыша...

Это было каким-то наваждением - на женщине был другой платок, низко опущенный на лоб, открывавший только глаза, но глаза были большие, на редкость красивые. Это безоговорочно признавалось не только мужчинами, но и женщинами. И тот же мягкий, даже певучий голос попросил проверить облигацию.

Контролер "первой" сберкассы потом показывала:

- Не думая ничего дурного, я вскрикнула: "Она, она!" И увидела, как красивая женщина, услышав мой возглас, сразу же повернулась и выбежала из сберкассы, оставив на столе у контролера облигацию с неполученным выигрышем.

Обе женщины-контролеры и кассир бросились вслед за ней. Но красивая женщина бежала очень быстро, повернула в сад и пропала из виду. Это, волнуясь, рассказали сотрудницы сберкассы уполномоченному милиции, куда и принесли облигацию. На нее выпал выигрыш, тоже - 500 рублей.

Уполномоченный милиции решил - "Значит, облигации краденые". Записал приметы красивой женщины и предложил обеим сотрудницам сберкассы вечером встретиться на вокзале для опознания бежавшей. Через него проходит только один поезд дальнего следования. Если она приезжая, то может на нем уехать. И в этом он не ошибся. Вечером того же дня к поезду, следовавшему через Новохоперск, пришла "красивая женщина". Увидев, что ее узнали, снова бросилась бежать. Но ее догнал работник милиции. Она была арестована и позже отправлена в Воронежскую тюрьму, где ей предъявили обвинение в краже облигаций. Она виновной себя не признала.

В тюрьме у задержанной было время подумать о совершенных непростительных ошибках. Муж категорически запрещал ей ходить в сберкассы, сдавать облигации для получения выигрыша. Говорил: "Ты слишком приметная". Никогда за три года "сдачи" облигаций они не получали "выигрышей" дважды - даже в разных сберкассах. Она знала это. "Зачем было бежать из сберкассы - контролера ведь только удивилась, увидев вторично

получение выигрыша в другой сберкассе. А своим бегством она только усилила подозрения..."

И тогда, по совету сидевших в одной камере женщин-уголовниц, она решила передать мужу на волю письмо. Это было ее самой большой ошибкой. Еще на прогулке в тюремном дворе это казалось ей простым делом. Окно ее камеры, выходящее во двор, приходилось прямо над окном первого этажа, где содержались подследственные мужчины. Ее заверили многоопытные обитательницы камеры - "соседки по нарам" -, что записка из мужской камеры попадет в руки "своего", уезжавшего за хлебом, будет вынесена на волю и отправлена по назначению.

В письме она написала мужу Володе: - "Володя, не беспокойся. Я в Воронежской тюрьме. Я ничего не рассказала. Обвиняют за кражу двух. Спрячь понюшки". Записка была свернута в треугольник. Сверху написала харьковский адрес, Худякову Владимиру. Привязала длинную нитку за оконную решетку и спустила небольшой светлый бумажный треугольник по стене до первого этажа.

Ходивший по двору надзиратель, увидел бумажный треугольник, ползущий по стене. Записка попала из тюрьмы в прокуратуру.

Ей пришлось признать у следователя, что "понюшки" - это облигации, а Владимир Худяков - ее муж.

Она - Серафима Худякова. Дальше было бессмысленно запирается и называть себя другими именами.

Была еще неопытной в делах с "понюшками", ей не позволяли их самой сдавать. В Новохоперске черт попутал, деньги понадобились для покупок в Воронеже и она вспомнила, что с нею были две "понюшки".

Серафима прежде знала немного о "работе" своего мужа Владимира и его родных с "понюшками". В делах семьи она не участвовала.

Серая грубая нитка, спускавшаяся по тюремной стене, протянулась до Харькова и многих, очень многих областей Советского Союза...

Серафима об этом ничего не знала до окончания следствия и предъявления ей дела в пяти томах. Нитка оказалась очень длинной. В семье Худяковых родителей давно не было. Вместе жили двое братьев - Пантелей и Владимир, и сестра Лариса. Лариса была младшей. Училась, как все. Помогала братьям по хозяйству, ведь она была единственной женщиной в семье, пока не женился Владимир и четыре года назад в дом не пришла красивая Серафима. Тогда Лариса пошла работать на фабрику. Была она старательная, исполнительная, во всем беспрекословно слушалась старшего брата Пантелея. По его решению передавала разным женщинам облигации, всегда только по одной, всегда в разных местах, для получения по ним выигрышей, которые передавали Пантелею. Для этого ездила с Пантелеем по разным городам, и нигде в один день не получали более одного выигрыша. В этом было ее участие в "Деле Худяковых".

- Не слушаться Пантелея было нельзя. Он, ведь был "бешеный"...

Пантелея слушался и младший брат Владимир. После школы он окончил техникум и работал техником-конструктором на заводе, получая поощрения за предлагаемые им

технические рационализаторские новшества, имел, как и Лариса, полностью положительные характеристики по работе.

За все время только один раз ослушался Пантелея Владимир, когда женился на Серафиме. Не хотел Пантелей ее вводить в дом, в семью Худяковых.

Пантелей словно боялся красивой Серафимы, или заглядывал в будущее семьи.

Владимир любил Серафиму. Впервые пошел наперекор брату. Обещал уйти из дому. И Пантелей сдался. Потом горько каялся - "Все и раскрылось из-за дурной красивой бабы. Нельзя в жизни быть такой приметной".

Сам Пантелей, для тех, кто не знал, что он "бешеный", не был приметным ни по внешности, ни по жизни своей. Правду о нем не знали даже его домашние. Позже в обвинительном заключении по делу было написано: "Без определенных занятий". Пантелей бросил школу, учиться дальше не пошел. Работал во многих местах недолго, понемногу, переезжая из города в город, долго нигде не задерживаясь. Нередко приезжал домой "бешеным". Был нелюдим, неразговорчив. Никому ничего о себе не рассказывал и вопросов не любил. Следствие мало что выяснило о нем. Известно стало только о знакомстве Пантелея со старым рецидивистом по кличке "Старик", с которым Пантелей договорился "заняться понюшками".

"Старик" был очень колоритной личностью. Еще в 1925 году он проходил обвиняемым в подделке советских червонцев на громадную сумму, на бумаге с водяными знаками, полученной из Японии. Дело о нем было выделено из группового - пятидесяти двух человек - из-за его побега, совершенного в самом начале следствия, когда еще не были известны ни его роль руководителя по делу, ни масштабы самого дела.

По постановлению коллегии ГПУ СССР все осужденные - пятьдесят человек - "за подрыв советской валюты, подделку червонцев" были расстреляны. "Старик" сбежал, и объявленный всесоюзный розыск не дал результатов. След "Старика" нашелся только через восемь лет, благодаря знакомству с Пантелеем, который признался после ареста, что "Старик" предложил ему проводить подделку "понюшек"-облигаций и объяснил способ их подделки.

Сам "Старик" в ночь, когда был арестован Владимир и нитка следствия потянулась дальше, вновь скрылся. Все принятые для его розыска меры оказались безрезультатными.

При обыске на квартире у Худяковых нашли большое количество облигаций разных займов. Позднее, когда следствие выяснило причастность к делу не только Владимира, Серафимы и Пантелея Худяковых, был арестован и товарищ Пантелея - Федор Гордеев (по кличке "Фред"). Вначале он отрицал какое-либо участие в подделке облигаций. Когда следствию удалось выяснить способ изготовления поддельных облигаций, признал свое участие в подделке "понюшек".

Дважды пришлось проводить обыски на даче в поселке под Харьковом. И только при втором тщательнейшем обыске был найден под галереей дома ход в лаз, шедший в небольшой вырытый погреб, где были спрятаны наборы разной формы приспособлений, сделанных из лезвий безопасных бритв, специально выточенные валики, небольшой пресс и другое "оборудование", позволявшее искусно, на протяжении нескольких лет "Фреду" - главному мастеру-технологу по приспособлениям и Владимиру - технику-конструктору подделывать номера серий облигаций, во все возрастающем с каждым годом количестве.

В дальнейшем, на следствии, по признанию обвиняемых, когда в громадном количестве сберкасс Союза было установлено экспертизой наличие подделанных облигаций, по которым были выплачены выигрыши на сумму, указанную в обвинительном заключении по делу - "триста восемьдесят шесть тысяч рублей", подделанных "Фредом" и по его показаниям Владимиром, сам Владимир лично им производимую подделку облигаций отрицал, но признавал: "Облигации подделывались без брака. За все время не было случаев сомнений при получениях выигрышей в сберкассах".

Действительно, облигации подделывались весьма искусно. Позднее все участники судебного процесса, рассматривая сотни приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств облигаций, находившихся в двух толстых томах дела, не могли визуально отличить поддельные от подлинных. Глаза не могли определить подделку.

Недаром дело это потребовало специальной инструкции Наркомфина Союза об обеспечении всех сберкасс Союза лупами для проверки всех облигаций, на которые выпали выигрыши.

Высокое качество поддельных облигаций достигалось и тонкой, совершенной по мастерству работой "Фреда" и, главное, предложенным "Стариком" методом подделки облигаций.

Бумага, на которой до войны печатали облигации выигрышных займов, как и всякая бумага, слоится. Поэтому можно было "вынуть", отслоить любой участок облигации с ее одной верхней части, оставив другую - "крышу" - нижнюю часть совершенно нетронутой. Это было превосходно осуществлено "Фредом".

В номере серии облигации обычно была шестизначная цифра. В тираже, например, выигрыш упал на облигации с таким-то "счастливым" номером серии. В имевшихся облигациях не сходятся две-три цифры в номере серии. Нужно осторожно отслоить в верхней части облигации несовпадавшие эти две-три цифры, вырезать небольшой участок верхнего слоя бумаги с ними. Вместо них вставить вырезанный из другой облигации такой же участок верхнего слоя бумаги с нужными цифрами. Тогда серия и номер с выигравшей "сойдутся".

Конечно, необходима ювелирно точная, тонкая, просто художественная работа, соответствующее оборудование и талант умельца. Всем этим обладал "Фред".

Следствию пришлось организовать огромную работу по экспертной проверке правильности выплаты выигрышей - установления подделки в сберкассах СССР за последние три года работы.

Семья Худяковых под руководством "бешеного" Пантелея в составе всей семьи и "Фреда" была предана суду.

В процессе длительного следствия, под давлением неопровержимых улик все обвиняемые признали себя виновными (правда, не полностью). Был собран очень большой доказательный обвинительный материал.

Первый раз дело Худяковых слушалось в Харькове. В областном суде. Все началось обычно, пока председательствующий не приступил к допросу главного обвиняемого по делу Пантелея Худякова.

- Подсудимый Худяков, встаньте. Ваша настоящая фамилия?

- Худяков, Степанов, Козлов, Иванов, Горбунов, Титов, Егоров...

Председательствующий перебил:

- Ваша настоящая фамилия?

- Егоров, Аксенов, Титов, Сергеев, Иванов, Черепов, Козлов...

Секретарь облсуда, писавшая протокол судебного заседания, была в недоумении, держала ручку, не зная, что записывать...

- Подсудимый, ваше имя?

- Иван, Петр, Степан, Григорий, Сергей, Михаил, Фрол...

Ответы были, как пулеметная очередь. Подсудимый, казалось, "выстреливал залпом - девять-десять разных фамилий и имен скороговоркой подряд, без интонаций, словно куда-то спеша. Секретарша продолжала держать ручку над протоколом, не записывая.

В зале суда была необычная тишина.

- Ваше отчество, подсудимый?

Повторилась такая же "очередь" в ответах и на этот вопрос.

Председательствующий объявил перерыв. После выслушанных предложений прокурора и адвокатов, судом был вызван судебный эксперт-психиатр для освидетельствования Пантелея Худякова. Было выдано заключение: "Худяков нуждается в направлении на стационарное обследование психиатрической клиники для необходимой проверки".

Происшедшее у многих присутствующих на суде вызвало полное недоумение. Некоторые считали, что подсудимый симулировал, издевался над судом...

Через два месяца, после наблюдения его в психиатрической клинике, облсуд получил более подробное заключение экспертов: "Установлено тяжелое расстройство психической деятельности Пантелея Худякова, необходимо стационарное лечение в психиатрической больнице.

Дело по обвинению Пантелея Худякова пришлось выделить из общего "дела Худяковых".

Ввиду неявки многих свидетелей (большинство их вызывалось из Новохоперска и Воронежа) слушание дела было перенесено в Воронеж, куда выезжал Харьковский облсуд, адвокаты и прокурор.

В Воронеже дело слушалось в здании дореволюционного губернского суда, построенного после посещения Воронежа Петром I. Здание было огромным, мрачным. Казалось, даже сохранившим темную окраску снаружи и серый холод внутри, после снятого герба на фасаде и частично сохранившейся старинной величественной мебели в громадинах-залах заседаний. По случайному совпадению, позже оказалось, что в этом же здании еще до

революции судили "Старика" по обвинению в подделках царских сторублевек - "каторинок".

"Старик" тогда бежал из суда. В перерыве был в уборной. За дверью осталась охрана. И он бежал через выбитое окно...

След его нашелся только в 1925 году, когда он был арестован по делу о подделке советских денег. Бежал он и тогда...

...И мысли мои были не о нем, его редкой судьбе - всю жизнь пробывшего в бегах человека, вне нашей реальной действительности, как казалось мне - исключаящей возможность продолжений биографий таких профессиональных преступников, делающей немислимой дальнейшее совершение им тяжелейших государственных преступлений - борьбу одиночки со всем обществом, немогущей принести ему радостной жизни и человеческого счастья, вынуждающей десятилетиями жить волком, прячущимся от всего живого...

Мысли невольно были о судьбе других обвиняемых по делу, прежде всего моего подзащитного Владимира Худякова.

Если бы в зале судебного заседания в Воронеже присутствовал "Старик", - он нес бы ответственность как организатор и инициатор всего дела - "подделки облигаций".

Его не было. Не было и Пантелея Худякова, вложившего в это дело всю свою незаурядную волю "бешеного", свой властный характер, подчинивший себе всю семью. Были лишь "второстепенные исполнители" - молодые Худяковы и Фред.

Без "Старика" и Пантелея, Владимир Худяков становился первым по списку обвиняемых. И эта мысль тревожила меня - невольное смещение правильности судебной перспективы по делу при назначении меры наказания Владимиру Худякову.

Владимир Худяков без влияния его старшего брата Пантелея оставался бы примерным работником на производстве, шел уже девятый год его работы техника-конструктора, на его счету было более десяти, успешно внедренных, стоящих рационализаторских предложений.

Владимир не пил, не гонялся за легким заработком, не понимал, куда тратит полученные за "понюшки" выигрыши Пантелей, всегда забиравший львиную долю всех денег себе. Владимир мог только догадываться, что Пантелей щедро делился со "Стариком", получавшим у него свою "долю".

Внутренне Владимир жил своей большой любовью к Серафиме. Простил ей записку о "понюшках", облегчавшую следствию распутывание всего дела, признание Серафимы у следователя. Хотел только после приговора оказаться в лагере вместе с Серафимой, если это будет возможно, облегчить ей дальше жизнь. Как и все обвиняемые в больших делах, с нетерпением ожидал приговора.

И Серафима любила его. Спрашивала меня не о себе, а "как решится с Володей?" И это был основной вопрос всех, приехавших в Воронеж по делу Худяковых. Все остальное было бесспорным. Пять толстых томов дела, лежавших на краю старинного судебного стола, получали подтверждение на протяжении всех пяти дней разбирательства. Степень участия в деле обвиняемых была детально выяснена...

Поздней ночью был оглашен приговор по делу.

Владимир Худяков, как "главный виновник" был осужден к высшей мере наказания. Остальные обвиняемые к разным срокам ИТЛ. Верховный Суд в Киеве полностью утвердил приговор.

Я дважды был в Москве в прокуратуре Союза (получил отказ по надзорной жалобе) и у председателя Верховного Суда Союза, согласившегося с жалобой в части меры наказания.

По протесту Председателя Верховного Суда Союза Голякова высшая мера наказания Владимиру Худякову была заменена Пленумом Верховного Суда СССР десятью годами лишения свободы.

Позже Владимир Худяков из лагеря писал письма мне: "Беспокоюсь о Серафиме, как она? Пожалуйста, если сможете, узнайте и сообщите мне".

О Пантелее Худякове, я узнал после войны.

Когда в Харьков во время фашистской оккупации пришли немцы, они вывозили из психиатрической больницы содержащихся там больных и уничтожали их. Спаслись единицы. Среди них был и Пантелей Худяков. Дальнейшей его судьбы не знаю. Судьба "Старика" также осталась неизвестной.

Однако с делом Худяковых был связан личный, запомнившийся на многие годы эпизод.

Я очень остро и нервно переживал, как и по всем делам, связанным с возможной высшей мерой наказания для подзащитных, ожидание приговора о наказании Владимира Худякова, решающего его судьбу.

Защиту по делу я построил на установлении истинной роли и вины Владимира Худякова в деле, стремясь помочь своему подзащитному. Я хотел в своей речи рассказать суду о ценности человеческой жизни, его молодости, возможности возврата человека к труду, к семье, любимой женщине, к обществу, где не могут находиться такие, как "Старик" - противоположность Владимира. Я был убежден, что Владимир имеет право на жизнь.

После речи прокурора был объявлен перерыв.

Я неожиданно почувствовал себя очень плохо, ушел из зала судебного заседания, прошел по длинному, плохо освещенному, мрачному, уже безлюдному, совершенно пустому коридору здания суда и, увидев какую-то открытую дверь, вошел в нее и опустился в первое попавшееся кресло.

Я хотел собраться с мыслями перед защитной речью. Для меня было неожиданным требование прокурора "расстрела Владимиру Худякову", но я видел лицо сидевшего на краю скамьи подсудимых Владимира - усталое, измученное долгим ожиданием на следствии и в суде решения своей судьбы. И сразу поникшее, потерявшее прежний живой облик, постаревшее, ставшее совсем незнакомым - после требования прокурора.

И мне хотелось найти простые, необходимые слова для суда, чтобы эта ошибка в требовании прокурора не подтвердилась в приговоре.

И еще - я должен был остаться, хоть недолго, совсем один, чтобы прошел соленый вкус во рту - вкус крови. Я раньше уже знал его. С его приходом наступала непомерная слабость во всем организме, но, казалось, исчезала и необходимая для судебного спора, для борьбы за человеческую жизнь, внутренняя прочность убеждения. У меня раньше был открытый туберкулез.

Люди, нашедшие меня далеко от зала, после окончания перерыва и долгих поисков, сидящим в глубоком кожаном кресле, с красным, мокрым от крови носовым платком, уговаривали просить перерыва до следующего дня. Я, понимая состояние Владимира, должен был настоять на продолжении слушания дела.

Потом мне говорили о внутренне взволнованной, убедительной защитительной речи. Сам я и после ничего не мог вспомнить.

Помогли опыт ряда лет напряженной работы в адвокатуре, отношение к каждому делу, как к первому, но со все возрастающей ответственностью за свое участие в каждом последующем, особенно при требовании прокурором высшей меры наказания, и тишина, стоявшая в зале, во время выступления... и - надежда, нет вера, появившаяся на ожившем лице Владимира Худякова...

Я обращался к суду, и, казалось, видел все время Владимира Худякова. Приговор был вынесен после трехчасового совещания суда.

Правда, он был обширным, как и дело, и вся работа группы Худяковых.

После вынесения приговора судом, я говорил с Владимиром Худяковым.

- Я верю вам, - сказал Владимир.

Была глубокая темная ночь, когда конвой увел осужденных, и я, решив уезжать первым поездом, вышел на улицу из здания суда. Воронеж спал и на улицах было пустынно.

Я остановил какую-то машину, бросившись к ней (сидящему показалось - под нее) и сел, прося поскорее отвезти меня на вокзал, чтобы не опоздать к поезду. Сидевший в машине, оказавшийся секретарем Воронежского обкома партии, сказал, что он этим поездом только что приехал из Ростова, встал неподалеку от суда около своего дома и приказал шоферу - "скорее вернуться на вокзал". Я поспел к поезду. Но времени не было искать кассу. И я сел без билета в международный вагон, уплатив позже стоимость его до Москвы.

Я увидел в купе спавшего в черной небольшой шапочке на нижнем диване человека небольшого роста. Его лицо при свете верхней лампочки показалось знакомым, но наслаение событий дня заставило сразу заснуть, как только проводник постелил постель на верхнем диване. Утром я проснулся, услышав громкий разговор за прикрытой дверью купе, в коридоре вагона. Кто-то резко отчитывал проводника:

- Не смотрите, кого пускаете в вагон на промежуточных станциях! Не видели, что у него кровь на платке? Я имею право один ехать в купе, но я ехал вдвоем с первым секретарем Воронежского обкома. Так, ведь, любой бандит может оказаться с тобой в купе.

Я включил верхний свет. Оба моих носовых платка, красных от крови, очевидно, выпавшие ночью из кармана, лежали на одеяле.

Голос пассажира, возмущавшегося в коридоре, показался мне знакомым. Когда он вошел в купе, я узнал в спутнике начальника следственного отдела прокуратуры СССР Л. С. Шейнина, проводившего в Москве наблюдения за следствием по делу Худяковых о подделке облигаций.

Я прежде бывал у него на приемах. Теперь же "бандит" и Лев Соломонович вновь познакомились в купе по дороге в Москву.

Так состоялась новая встреча. И я рассказал Шейнину о приговоре суда в Воронеже по делу "подделки понюшек"..

ОГОВОР

Кассир артели "Побутпраця" Каратаева вела жизнь, явно не соответствующую получаемой зарплате. Немолодая, болезненная, грузная, некрасивая женщина делала молодым мужчинам слишком богатые подарки. Если это не могло остаться неизвестным для других, то частые кутежи в ресторанах с теми же молодыми людьми и с оплатой больших счетов не могло остаться незамеченным...

У Каратаевой дома был произведен обыск. Была обнаружена значительная сумма денег. Каратаева была арестована. В эту же ночь, при первом допросе, Каратаева призналась, что на протяжении нескольких лет она проводила хищения из кассы правления, совместно с главным бухгалтером артели Лившицем, скрывавшим следы хищения.

Был арестован и Лившиц. Благодаря оплошности следователя, они в начале следствия не были полностью изолированы друг от друга. И Лившиц до допроса смог поговорить с Каратаевой, узнать о ее показаниях и сообщить ей, что она должна показывать дальше. Впрочем, это не было им полностью подтверждено позднее.

На первом же допросе Лившиц показал, что действительно, на протяжении нескольких лет в артели производились хищения, инициатором их был председатель правления артели Гутман, предложивший ему - Лившицу - найти пути для сокрытия их. Лившиц, как главный бухгалтер, "нашел эти пути" - договорился с кассиршей Каратаевой о незаметном изъятии ею наличных денег из кассы. Получал от нее эти деньги. "Львиную долю" из них относил в кабинет председателю правления Гутману. Когда оставались вдвоем в кабинете, клал эту "долю" в ящик письменного стола Гутмана или передавал ему в руки завернутую пачку денег. Признал, что, кроме Гутмана, "давал еще деньги" заместителю председателя правления Заксу. Таким образом в хищении якобы участвовало четыре человека.

Ни Лившиц, ни Каратаева не могли "вспомнить" - сколько всего было похищено денег и как они были распределены между четверьмя лицами. "Вспомнили" и "уточнили", несколько раз изменяя свои дальнейшие показания, только после предъявления им результатов проверки экспертизы.

Назначенная бухгалтерская экспертиза провела тщательную ревизию и документальную проверку всех поступлений в кассу правления денежных средств и кассово-бухгалтерскую отчетность за пять лет, предшествующих аресту кассира и главного бухгалтера.

Экспертизой были установлены хищения из кассы правления 555 тысяч рублей наличных денег на протяжении пяти лет, уничтожение ряда кассовых документов и подлоги в бухгалтерской документации для сокрытия следов хищения, проведенных кассиром Каратаевой и главным бухгалтером Лившицем.

Каратаева и Лившиц признали бесспорное документальное заключение экспертизы. Лившиц "вспомнил" и "подсчитал", что из этой суммы, полученной им от Каратаевой, он "оставил ей за все время около семидесяти тысяч рублей - "львиную долю" отдал Гутману".

Эти показания Лившица подтвердила Каратаева.

- Я получала деньги для себя и Лившица. Из всех, забранных мною по его указанию денежных сумм, сколько он оставлял себе и какую сумму передавал Гутману и Заксу, я знаю со слов Лившица.

Ранее, еще до проведения экспертизы, на основании показаний Лившица и Каратаевой об участии в хищениях Гутмана и Закса, последние были арестованы. При обыске, проведенном у Гутмана, не было получено подтверждения какого-либо его участия в хищениях. Обстановка в квартире Гутмана была очень скромной и ничего, даже косвенно подтверждающего получение Гутманом каких-нибудь незаконных средств, обнаружено не было.

Сам Гутман на всех допросах и на очных ставках с Лившицем и Каратаевой категорически отрицал свое участие в хищениях.

Закс, у которого также ничего не было обнаружено при обысках, на всех допросах и при проведении очных ставок с Лившицем и Каратаевой отрицал свою вину по делу. Было опрошено громадное количество свидетелей, более ста человек, в основном об образе жизни обвиняемых.

Гутман, до прихода на работу председателем правления артели "Побутпраця", работал в органах МВД, имел полностью положительные характеристики. Никто из опрошенных следствием свидетелей не дал для дела каких-либо фактических данных об образе жизни Гутмана и его семьи, соответствующем получаемой им "львиной доле" похищенных сумм.

В отношении Закса следствием был установлен один эпизод его незаконных действий как заместителя председателя правления артели - должностное злоупотребление при отделке мебели дерматином, но это не находилось ни в какой связи с получением, по утверждению Лившица, от него денег Заксом.

При подробном выяснении образа жизни Лившица оказалось, что на протяжении последних пяти лет Лившиц вел двойную жизнь. Через несколько дней после получения аванса и зарплаты, главный бухгалтер Лившиц обращался к своим сотрудницам в бухгалтерии с просьбой занять ему несколько рублей на завтрак.

Как показали все его сотрудницы по бухгалтерии, "Лившиц систематически говорил нам: как же вы живете на свою зарплату? Я же, мол, как главный бухгалтер, получаю больше и мне не хватает, хотя я живу один..." Но было установлено, что по ночам он увозил молодых женщин к себе в поселок на пустующую, числящуюся на чужое имя дачу, и устраивал там оргии.

Нередко успевал за одну ночь дважды побывать на даче с разными женщинами, делал им богатые подарки, старался в свой быт - главного бухгалтера артели - перенести размах богачей, дореволюционных купцов, купавших в шампанском цыганок из хора.

Такою жизнь вел все пять лет. Двудликий, пожилой человек неопрятной внешности, как его потом назвали в тюрьме - "король хищений", главный бухгалтер артели Лившиц, хорошо знавший свою бухгалтерию, без труда заметал все следы хищений от ревизий на протяжении всех пяти лет.

Четырех обвиняемых в показательном порядке судил областной суд. Заседание проходило в театре русской драмы.

"Побутпраця" была большой артелью городских парикмахеров. Все парикмахеры Харькова с женами, многие с семьями, пять дней судебного процесса переполняли все ярусы театра, потрясенные даже не фактом систематических хищений дневных выручек из кассы артели, а величиной похищенной суммы - более полумиллиона рублей, бесспорно установленной экспертизой и неоспариваемой ни главным бухгалтером, ни кассиром правления артели, ни их защитниками по делу.

Я защищал председателя правления Гутмана. Ознакомление с делом показало, что по существу все обвинения построены были только на показаниях Лившица. Показания Каратаевой были сделаны ею после признания Лившица и с его слов.

Сама Каратаева никогда денег Гутману не давала. Никаких переговоров о злоупотреблениях в артели с ним не имела. Непосредственно в преступной связи с Гутманом не находилась... Ничего, кроме рассказов Лившица о том, что он давал деньги Гутману, подтвердить не могла.

Многочисленные показания Лившица в отношении Гутмана были одинаковыми, подробными, твердыми, такими же они были и в суде. Лившиц признавал все факты хищения и вся его защита была в - "правде его признания и в своей личной второстепенной роли по делу, инициатором всего был Гутман, получавший "львиную долю" похищенного нами". Это многократно подтверждал Лившиц.

В показаниях Лившица не было противоречий. Это был неглупый, очень хитрый человек, детально обдумавший свою версию признания, понимавший, что при огромных размерах похищенного его может спасти только "бухгалтерия перераспределения похищенного" среди якобы четырех участников преступления. И сумма, названная им, якобы полученная Гутманом, составлявшая две трети всей похищенной суммы, установленной экспертизой за пять лет, будет роковой для Гутмана, а оставшаяся, одна треть всей суммы, еще разделенная на трех участников: его, Каратаевой и Закса, может оказаться "недостаточной" для осуждения их троих к высшей мере наказания.

Этот "король хищений" Лившиц был страшен своей полной опустошенностью, внутренним жестоким цинизмом, перенесением в другие человеческие судьбы своей "бухгалтерии жизни".

Лившиц, очевидно, всю жизнь был игроком, игроком не в домино-развлечение, или в карты-азарт - игроком в жизни, во всей собственной двуличной жизни. Делал все с холодным, строгим расчетом, чтобы никто не знал о его второй жизни.

Но его подробные, произнесенные тихим, твердым голосом на суде, по-бухгалтерски точные показания, могли показаться убедительными для суда. И это было особенно страшно.

Большое количество самых различных свидетелей прошло перед судом. Их показания не изменили распределения обвинительного материала по делу и не могли повлиять на судебную перспективу приговора. Все они только подтверждали ранее собранное следствием.

Никто из них, ни прямо, ни косвенно, ничего порочащего не сообщил о Гутмане, о его жизни и его семье, о каких-либо на протяжении пяти лет "следах" его участия в хищениях.

И эксперты подтвердили свое заключение, что средства из кассы забирала Каратаева, а помогал сокрытию хищений Лившиц. Но было два живых человека - Лившиц и Каратаева, сидевшие сбоку сцены на скамье подсудимых, полностью подтверждавших главенствующую роль Гутмана в длительных хищениях.

В самом конце судебного следствия я задал вопрос Лившицу:

- При условиях, при которых проводились хищения из кассы Каратаевой и, как вы признали, прятались следы этих хищений вами, можно было проводить эти систематические хищения без участия в них Гутмана - председателя артели на протяжении всех пяти лет?

Лившиц ответил:

- Да.

Это было занесено в протокол судебного заседания. И сейчас же Лившиц добавил:

- Но мы делали это все время вместе. Я передавал деньги Гутману и Заксу...

Прокурор области, поддерживающий обвинение по делу, потребовал для всех четырех подсудимых высшей меры наказания - расстрела.

Я, защищая Гутмана, анализировал доказательства обвинения в отношении него: отсутствие каких-либо подтверждающих данных версии Лившица. Ничего не дали показания десятков опрошенных свидетелей, ничего не обнаружил внезапный обыск, никто из встречавшихся с Гутманом на протяжении пяти лет, не бросил никакой тени на скромную жизнь его и семьи. При первом допросе Каратаева ничего не показала об участии Гутмана в хищениях, о получении им денег. Показывала только о получении денег у нее одним Лившицем. И изменила свои показания только после встречи с самим Лившицем.

Лившиц, спасая себя, оговорил Гутмана. Оговор обвиняемого по делу, не подтвержденный никакими другими доказательствами, не может служить основанием обвинительного приговора. По существу, кроме оговора Лившица, подтвержденного только с его слов показаниями Каратаевой, в деле больше нет никаких доказательств вины Гутмана. Лившицу нельзя верить, разобравшись в его психологии и поведении в жизни. Он лгал всем, всегда, когда ему было выгодно, скрывая свой образ жизни, скрывая свое подлинное лицо.

Лившиц подтвердил, что в условиях проведенных хищений из кассы Каратаевой и когда он покрывал эти хищения, они могли обойтись без участия председателя артели.

В слове защиты я говорил:

- Гутман не только по положительным оценкам его работы и деятельности, по показаниям всех допрошенных свидетелей по делу и полученным самым положительным характеристикам его, как председателя артели и человека, но и по внутреннему убеждению слушающих дело, заслуживает доверие. И вы, судьи, вправе не только формально, но и по совести, написать в приговоре: "Не верим Лившицу"...

Я говорил о Гутмане - человеке, о ценности человеческой жизни, о самом страшном - судебной ошибке, осуждении невинного, и закончил словами:

- Гутман должен быть по делу оправдан.

...Разумеется, это только короткая, сухая передача моей речи, не могущая передать ни убежденности, ни волнения о судьбе человека, ни той логической силы, которая оправдывает прения сторон и состязательность судебного процесса.

После четырехчасового совещания председатель областного суда огласил приговор по делу.

Все четверо подсудимых были признаны виновными в хищениях и приговорены к высшей мере наказания. Гутман был признан виновным и осужден только на основании показаний Лившица и Каратаевой.

Прокуратура Украины дала заключение об оставлении приговора в силе. Верховный Суд Украины рассматривал дело в составе председателя Верховного Суда Украины Топчия и двух членов Верховного Суда - женщин.

Председательствующий предупредил, что он не ограничивает временем адвокатов для объяснений по делу. Очень внимательно слушал. Члены Верховного Суда необычно долго оставались на совещании. Было оглашено определение Верховного Суда: "Приговор утвердить".

Позже я узнал, что это решение было вынесено большинством в два голоса, именно женщин - членов Верховного Суда. Председатель, предложивший заменить высшую меру наказания Гутману, Заксу и Каратаевой десятью годами лишения свободы, остался в меньшинстве. Написал свое "Особое мнение". Это был единственный, подобный "казус" в практике Верховного Суда Украины за все время его работы.

Еще позднее дело в порядке надзора перешло в Верховный Суд Союза.

По протесту председателя Верховного Суда Союза Голякова И.Т., согласившегося с жалобами и с особым мнением председателя Верховного Суда Украины, Пленум Верховного Суда Союза изменил приговор облсуда и определение Верховного Суда Украины, оставил Гутману, Заксу и Каратаевой меру наказания - по десять лет лишения свободы. Одному Лившицу был оставлен расстрел.

Так закончилось в 1941 году судебное дело о хищении в артели "Побутпраця".

Началась Великая Отечественная война.

Дальнейшая судьба осужденных по делу была такова.

Каратаева умерла от болезни в тюрьме вскоре после приговора, Закс был этапирован, отбыл срок.

В отношении Гутмана я обратился в Верховный Суд Украины, переведенный в начале войны из Киева в Харьков, о приостановлении действия приговора до окончания войны.

Мотив был таков: "Военная специальность Гутмана - командир танка". Его прошлое и характеристики позволяют считать направление его в армию более целесообразным, чем отбывание наказания в лагерях.

Председательствующий Верховного Суда Украины Топчий вынес это ходатайство на обсуждение Верховного Суда, согласившегося с ним.

Гутман был освобожден и направлен в действующую армию. После войны, встреченная мной сестра Гутмана, показала мне истрепанные газеты. В них были данные о награждениях Гутмана.

После войны Гутман работал в Киеве.

Это дело - классический пример оговора одним обвиняемым другого, для попытки спасения себя.

Не только основательные юридические знания, профессионализм и жизненный опыт, необходимый всем работникам суда, но и независимость принимаемых решений при предельном внутреннем убеждении в единственной правильности их, обязательны для предупреждения судебной ошибки, особенно возможной при оговоре одного обвиняемого другим.

УБИЙСТВО ЖЕНЫ

Шел ноябрь 1939 года.

До этого года все время, начиная с 1917 г. советские законы в уголовном кодексе Украинской республики не предусматривали за совершенное убийство высшей меры наказания. Только в 1939 году впервые была введена за убийство, совершенное военнотружущим, высшая мера наказания.

Случилось так, что командир воинской части Ф. убил свою жену после изменения закона в 1939 году и его действия подпадали под применение измененной статьи в Уголовном кодексе, т. е. была возможна высшая мера наказания.

Подсудимый командир Ф. знал и понимал это. И, несмотря на всю тяжесть ожидаемого, отказывался от своей защиты по делу.

- Я виновен. Совершил. Все признал. Сам пошел и рассказал. Какая может быть защита? Я не раскаиваюсь. Ничего не буду просить для себя.

Так он говорил, когда я пришел к нему на первое свидание, ознакомившись с его делом.

Закон устанавливает обязательное участие в судебном процессе адвоката, если в нем принимает участие прокурор, а по этому делу предусмотренная законом возможная

высшая мера наказания требовала обвинителя по делу - прокурора. Поэтому военный трибунал должен был назначить адвоката для проведения защиты по делу.

Это я все объяснил, но услышал:

- Я не буду защищать себя. Я виновен. Я все продумал. По закону я подлежу самому тяжелому наказанию. Я знаю и теперь понимаю это...

Я рассказал ему, что ко мне в консультацию пришли его товарищи, тоже командиры, с просьбой принять защиту его в военном трибунале. Сказал, что они просили передать ему, что они просили защищать его. Он долго молчал и снова сказал:

- Мне не нужна никакая защита.

Десятый год я работал адвокатом. Участвовал более чем в тысяче криминальных процессов. За это время у меня был только один случай отказа от защиты. Удивительно, что это тоже был военнослужащий-командир. Ему тоже грозило наказание - расстрел. Он совершил тяжелейшее преступление, все признал и отказался от защиты.

Вечером после первого свидания в тюрьме вновь в консультацию пришли два его многолетних товарища по службе, по партийной организации. Я все рассказал им. Они взволнованно слушали, потом сказали:

- Он ничего не будет просить для себя. Но ему нужно помочь. Он должен жить. И закону нужно помочь. Прокурор будет только на страже закона, а вы раскроете всю предшествующую жизнь обвиняемого, откроете его душу. Он ведь будет молчать о всей правде происшедшего.

Я пошел на второе свидание в тюрьму. Мой подзащитный командир вторично сказал мне:

- Вы поймите меня правильно. Я не отказываюсь от вас, как от защитника. Я уже много слышал о вас хорошего - и во время следствия, и в общей камере от других. Я отказываюсь от защиты. Я все признал. Все равно никто не узнает, что было у меня на сердце. Судят ведь за действия. Я сам не буду защищать себя...

Я уже знал всю его жизнь по материалам судебного и личного дела, по показаниям ряда свидетелей обвинения, добросовестно опрошенных следователем военной прокуратуры. Понимал, что этот человек уже сам себе и прокурор, и судья. И именно это требовало не только юридической, но и его психологической защиты по делу. Он закончил мою вторую беседу с ним, сказав:

- Я уже не мог поступить иначе. Я ничего тогда не помнил.

Командир Ф. имел блестящие характеристики по воинской службе, по всей общественной и партийной работе. В прямом смысле - "ни сучка, ни задоринки" на всем своем жизненном пути. Был старшим сыном в многодетной дружной семье. Отец тоже был командиром еще в Красной гвардии. Вернулся с гражданской с двумя боевыми орденами. Хотел, чтобы первый сын пошел в военное училище по его стопам. Мать была учительницей. Отлично окончил военное училище. Остался на кадровой воинской службе. Был во всем примером. Его любили и солдаты, и командиры. Полюбил девушку. Женился. Жил своей большой первой и единственной любовью. Ревновал. Не мог побороть себя. Мучился. Прощал ей измены. Верил в ее обещания "прекратить" основания "для его

мучений". Вновь терпел. Хотел ребенка. Ждал его дважды, трижды. Жена делала три раза аборт, не говоря ему. Уговаривал ее. Она издевалась над ним. Почти перестала скрывать свои измены. Он хотел ребенка. Продолжал любить ее, все прощал...

Это все рассказывали мне его товарищи-командиры волнуясь, подробно дополняя друг друга:

- Мы все говорили ему: "Оставь ее. Не сошлись - расходитесь. Она не стоит тебя. Она становится все хуже и хуже". Он сердился. Он любил ее. Только в книгах пишут о такой любви. Мы говорили с ней, просили ее, уговаривали: "Не хочешь ребенка - уйди сама". Все делала по-своему. Мы знали: он скрывает, но мучается. Он любил ее. Если бы так не любил - этого бы не случилось.

...Как это просто в жизни - можно ведь разойтись. По поводам и без повода. Так поступает у нас почти половина всех вступивших в брак.

А он любил ее одну, ее. Любил на всю жизнь. Бывают или нет в жизни однолюбы? Разумеется, они не могут быть судьями других.

Мы живем в обществе, где нет государственных, религиозных, социальных пут брака. Можно разойтись, но - все равно - он любил ее.

По нашему закону ревность, как сказано в Уголовном кодексе, является низменным побуждением человека, и поэтому она считается отягчающим обстоятельством. Это я разъяснял студентам и курсантам на занятиях по уголовному праву. Это, очевидно, понимали и три командира - друзья обвиняемого, приходившие ко мне дважды, но они явно сочувствовали ему и после всего происшедшего. Я невольно искал их взглядом среди сотен командиров, собранных слушать первый показательный процесс по убийству командиром своей жены.

Я понимал: "Только в дореволюционном суде адвокат по делу об убийстве мужем жены из ревности, мог закончить свое слово к присяжным: "Идите, и да поможет вам Бог". Присяжные заседатели возвращались и выносили свой вердикт: "Не виновен", для оправдания судом. Но у нас впервые, и ТОЛЬКО ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, введена была в 1939 году высшая мера наказания за совершенное им убийство. И трибунал военного округа ВПЕРВЫЕ слушал такое дело в показательном порядке.

Дело слушалось в расположении воинской части, на большой поляне в старом лесу за Чугуевом. Стояли длинные скамьи, тесно занятые молодыми командирами. Их и солдат было много, очень много. Сотни скамей на поляне. Впереди, около деревьев, стояли три стола: большой - для состава военного трибунала, и маленький - по обоим сторонам - для прокурора и адвоката. За последним - скамья для подсудимого и конвоя, еще пустая.

Была осень. Поздняя, яркая, теплая. Могучие дубы стояли во всей своей красе осеннего наряда, словно залитые расплавленным золотом листья, молчаливые, видевшие за век своей жизни многое. И гражданскую войну, и, может быть, еще крепостных чугуевского помещика, и разные человеческие судьбы, и любовь, и ревность...

Может быть, и командир Ф. с женой, тогда еще живой, бродили здесь вдвоем?

...Стояла необычная тишина. Тишина в природе. Тишина людей, ожидавших безмолвно, и оживившихся лишь тогда, когда конвоиры привели подсудимого - их командира.

- Суд идет. Прошу встать, - объявил секретарь трибунала.

Все поднялись. Состав трибунала занял свои места.

Вновь наступила тишина. Тишина была среди сотен слушателей, сидевших на скамьях, разделивших на множество рядов длинный прямоугольник-поляну в старом лесу. Тишина была в лесу, казалось, замерли вековые деревья. Ни ветра, ни звуков птиц, ни шорохов листвы. Тишина ожидания. Тишина среди людей и природы.

Председатель военного трибунала читал обвинительное заключение по делу военнослужащего, командира воинской части, 1910 года рождения, бывшего члена ВКП(б), обвинявшегося в умышленном убийстве своей жены.

- Признаете себя виновным по делу?

- Да, - коротко ответил подсудимый.

- Подтверждаете ли свои показания на предварительном следствии?

- Да, я все рассказал, как было. Она говорила, что любит меня. Мы поженились. Я любил ее. Я хотел ребенка. Она сделала аборт, ничего не сказав мне. Я просил ее не делать этого больше. Хотел, чтобы у нас был ребенок. Позже она сделала второй аборт, третий. Тоже ничего мне не сказала. Товарищи мне говорили: "Она тебе изменяет". Я не верил. Я чувствовал, что был для нее чужим, хотел понять ее, наладить отношения. Она сначала молчала, потом начала смеяться надо мной. Я много раз говорил с ней. Хотел, чтобы она стала матерью, была моим другом, чтобы у нас был ребенок, я верил, что тогда она переменится. Товарищи мне говорили о ней дурное. Я не хотел следить за ней, проверять ее. Все время думал, что она переменит свое отношение ко мне. Она жила так, как будто меня не было. Так и говорила мне: "Что хочу, то и делаю". Я не задавал ей никаких вопросов, думал, что все наладится. Я ее любил. Она знала это. Все чаще смеялась надо мной. Так продолжалось больше трех лет. Бывало, она не ночевала дома. Что-то мне объясняла, или просто молчала. Жизнь моя превратилась в ежедневную пытку. Однажды в неурочное время я вернулся домой и застал ее с кем-то вдвоем в постели. Тот, кто был с ней, убежал. А она смеялась. Смеялась надо мной. Я понял, что мне говорили правду о ней... Я перестал думать... Пошел и все рассказал. Все, что я сделал...

Говорил он очень медленно, отдельно, тихо, с большими паузами и большой внутренней болью. Стояла тишина. Какая-то необычная, особенная тишина.

Было много вопросов прокурора, членов трибунала. Он отвечал односложно, коротко, тихо. Невозможный, недопустимый, страшный собственный суд уже произошел.

Я не задавал вопросов. Он ведь все рассказал. Все, что сделал. Трибунал перешел к допросу свидетелей. Следователь допросил восемь военнослужащих - солдат и командиров. Все они давали показания и в заседании трибунала.

Все они (свидетели обвинения) подробно давали положительные характеристики подсудиму, командиру, человеку, семьянину...

- По характеру был выдержанный, ровный, справедливый, прямой.

- Жена обманывала его. Это все знали. С ним неоднократно говорили. Он не верил. Мы понимали: мучается. Говорили ему - "Бросай ее, расходись. Она не для тебя и не для семейной жизни". Какая-то бешеная была. Над ним смеялась. Издевалась и в словах и в своих действиях. Говорили с ней. Уговаривали ее. Она молчала. Иногда ругалась: "Кто вы такие? Чего лезете не в свое дело? Что хочу, то и делаю!" Даже не отрицала. Мы понимали, в семье бывает разное. Бывает лучше - перетерпеть. Но она не скрывала своего поведения. Это только он ничего не слушал и ничему не верил. Это было у нее не один раз, прямо бесилась и его изводила. Была лживая, злая, шальная. Мы говорили ему: "Расходись". И ей говорили: "Расходись по хорошему! Так же жить нельзя. Чего ты его мучаешь? Не любишь - уйди сама". И ему говорили: "Не любит она тебя - расходитесь". Он не верил, все прощал. Любил ее.

Он любил ее. Все подтверждали это. Все это знали, видели, понимали. Для всех он был примером настоящей любви. И все его жалели. Даже если не говорили прямо, это чувствовалось в интонациях, отношениях, в несказанном, недоговоренном. Все его жалели.

Военный прокурор говорил о нашем советском отношении к женщине, жене, о возможности, предоставленной нашим законом, развода, о необходимости его, если невозможна дальнейшая совместная жизнь. И о преступном решении, особенно отягощенном тем, что подсудимый был военнослужащим, даже членом партии, о преступлении, вместо простого развода.

Говорил, что это не просто убийство, а особое, тягчайшее преступление военнослужащего. И это должны понимать все. Весь смысл этого показательного процесса, заключался в том, чтобы все понимали значение нового закона - введения исключительной меры наказания за убийство, совершенное военнослужащим. Потребовал высшую меру наказания.

Большой шум стоял на поляне после речи прокурора. Никто, конечно, не сказал, не крикнул, но был долгий, многоголосый шум молчаливого несогласия. Председатель трибунала долго добивался тишины. Когда тишина установилась, председательствующий предоставил слово адвокату.

- Подсудимый отказался от защиты его по делу. Я приходил к нему трижды до суда на свидание. Он трижды отказывался от защиты. Закон по его делу требует защиты адвоката для подсудимого. Он сам пошел и все рассказал, все. Совершенное признал полностью и на следствии и здесь, на суде. Он уже сам осудил себя.

Вы, судьи, уверен, редко встречали, чтобы ЧЕЛОВЕК НЕ ХОТЕЛ НИКАКОЙ ЗАЩИТЫ. Он уже ВСЕ пережил и САМ вынес себе приговор. Закон устанавливает отягчающим обстоятельством при умышленном убийстве - ревность - низменное чувство человека. А где грань между преднамеренным, долго вынашиваемым умышленным решением и импульсивным, мгновенным, не преднамеренным состоянием человека в крайнем отчаянии, при потере всего самого дорогого для него, когда человек теряет в жизни весь свет и смысл, и на какой-то момент все погружается для него в сплошную тьму?

Конечно, никакое состояние не может оправдывать таких действий человека, но все же надо объяснить совершенное им.

Большая, настоящая любовь требует доверия к самому близкому человеку, веры в него и в его отношения. Она не допускает лжи, обмана, переходящих в глумление и издевательство.

Если настоящая любовь слепа, то тем страшней может быть прозрение для обманутого человека. Никто не вправе творить свой суд над другими.

Но нужно не только однозначно решить судьбу человека, необходимо понять содеянное им и его состояние.

Может быть, убийство совершено в состоянии аффекта.

Это не просто ревность. Это потеря, может быть, самого большого в жизни. Вы слушали бесхитростные, правдивые, очень человеческие показания всех свидетелей обвинения. Узнали, поняли и оценили всю предшествующую жизнь подсудимого, его поведение, отношение жены к нему.

Я не прокурор, но я чувствовал вместе с вами, как все жалели оказавшегося на скамье подсудимых. Но судьи - вы. И от вас теперь зависит его судьба. Закон дает вам право согласиться с прокурором в назначении меры наказания или не согласиться. Это тот случай, когда вы не можете и не должны соглашаться с прокурором.

Этот человек имеет право на жизнь. Подумайте о ценности его жизни...

...Все время на поляне стояла напряженная тишина. И вдруг раздались дружные аплодисменты, какой-то шквал аплодисментов. Председательствующий долго устанавливал тишину.

Я думал, какой же это показательный процесс, по новому закону?

Было предоставлено последнее слово подсудимому:

-Я все признал и ничего не прошу для себя. Вы решайте по закону...

Состав трибунала ушел на совещание. Когда вернулись, председатель огласил короткий приговор:

- Десять лет лишения свободы.

Военный прокурор потом принес протест на мягкость приговора. Вышестоящая военная прокуратура Союза протест сняла. Приговор вошел в законную силу.

Я пришел еще раз на свидание в тюрьму, как делал всегда, по делам когда возможна высшая мера наказания. Просил его, как и всех подзащитных, писать о дальнейшей судьбе.

Я получил от него три хороших письма.

Началась Великая Отечественная война. Я потом узнал, что мой подзащитный был направлен в действующую армию. Дальнейшей его судьбы не знаю...